

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1

1969

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Б. Валев.</i> О состоянии и перспективах изучения в СССР новейшей истории зарубежных славянских стран	3
<i>Станислав Лопатиюк</i> (ПНР). Московский протокол 9 февраля 1929 года	13
<i>Витомир Вулетич</i> (СФРЮ). И. С. Тургенев и сербская литература	24
<i>Л. А. Зарубин.</i> Сходные сельскохозяйственные обы- чаи индоарийцев и славян	33
<i>Е. Львова.</i> Из наследия Александра Жендова	40
<i>Е. Л. Немировский.</i> Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете	49
<i>Л. П. Жуковская.</i> Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР	57
<i>Ю. М. Паршута.</i> Об одном польском говоре на тер- ритории Латвийской ССР	72

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Е. Цымбал.</i> Страница из истории боевого содруже- ства трудящихся СССР и придунайских стран в годы второй мировой войны	79
<i>В. И. Порудоминский.</i> Славянские связи В. И. Даля	84

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Г. В. Попов.</i> Московская копия конца XV в. с бол- гарской миниатюры предшествующего столетия	91
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. Н. Киршевская.</i> К 50-летию Великого Октября	95
<i>В. Панов.</i> Великий Октябрь и югославянские народы	98
<i>И. И. Лециловская.</i> «Kolo»	101
<i>Б. С. Попков.</i> W. Zajewski. Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1830—1831	105

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>А. И. Недорезов.</i> Milan Varoš. Osudy zlatých pokladov	107
<i>Л. М. Васильев.</i> Архивные материалы о национальной политике Германии (Документы Лужицкого отделения)	108
<i>Ю. Штакельберг.</i> Заметки о сфрагистике восстания 1863 года (По поводу статьи О. Максимайтене)	110
<i>С. Ф. Бевзенко.</i> Новый труд по истории закарпатских говоров	112

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1968 г. (продолжение)	115
Содержание иностранных журналов	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. П. Грачев.</i> VI Международный съезд славистов	125
<i>Л. Коваленко.</i> В Каменец-Подольском педагогическом институте	126
<i>А. Стрижкова.</i> Защита диссертации	162

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, В. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного
редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Л. Б. ВАЛЕВ

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ В СССР НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН¹

В январе 1961 г. по поручению Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения Институтом славяноведения АН СССР было организовано Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. Оно имело задачей провести обмен информацией о главных результатах, достигнутых в разработке проблем славяноведения, определить основные направления дальнейшего развития научно-исследовательской работы, наметить наиболее важные, первоочередные проблемы, на решение которых надлежало направить творческие усилия советских ученых-славистов.

Внимание советских славистов, занимающихся историей новейшего периода, было привлечено тогда к наиболее актуальным проблемам. Такими важнейшими проблемами являлись следующие:

1. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развертывание революционного процесса в зарубежных славянских странах, на восстановление и образование самостоятельных национальных государств — Польши, Чехословакии, Югославии.

2. История рабочего и коммунистического движения в межвоенный период.

3. Борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны.

4. Народно-демократические и социалистические революции в зарубежных славянских странах.

5. Узловые проблемы строительства социализма в этих странах.

Перечисленные проблемы и по сей день остаются основными при разработке советскими учеными вопросов новейшей истории зарубежных славянских стран.

Советская историческая наука придает большое значение изучению влияния Великой Октябрьской социалистической революции на международный революционный процесс, на судьбы отдельных стран, причем эта проблема приобрела особую актуальность в связи с недавно отмечавшимся 50-летним юбилеем Советской власти. Немало сделано для ее изучения в последнее десятилетие и советскими славистами.

Как известно, в результате Октябрьской революции возникли решающие предпосылки для восстановления независимости Польши, для создания самостоятельных государств Чехословакии и Югославии. Октябрьская революция оказала глубокое воздействие на развертывание классов-

¹ Сокращенный текст доклада на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР 8 мая 1968 г.

вой борьбы во всех славянских странах и предопределила последующее социальное освобождение народов этих стран.

Общая постановка этой проблематики была дана в соответствующих томах коллективных трудов по истории Болгарии, Чехословакии, Польши и Югославии, выпущенных Институтом славяноведения. Ей были посвящены работы М. В. Миско, А. Я. Манусевича, Ф. Г. Зуева, Р. Е. Ермолаевой, П. М. Калениченко — по Польше; А. Х. Клеванского, В. В. Марьиной, Я. Б. Шмереля — по Чехословакии; М. А. Бирмана, В. И. Владимирской, И. Н. Частухина, В. А. Жебокрицкого, Г. И. Чернявского, А. Н. Киршевской — по Болгарии; Ю. А. Писарева, А. М. Минаева, И. Д. Очака, М. М. Сумароковой, В. В. Зеленина — по Югославии.

В последнее время в центре внимания большой группы советских славистов была проблема участия трудящихся зарубежных стран в Октябрьском вооруженном восстании, в борьбе за установление Советской власти на местах, в государственном и экономическом строительстве Советского государства, в вооруженном отпоре внутренним и внешним врагам революции в 1917—1920 гг. Этой проблеме были посвящены и научные сессии в Одессе и Ленинграде. В 1967 г. Институтом славяноведения была издана коллективная монография «Интернационализм», посвященная истории интернационалистского движения в годы Октябрьской революции и гражданской войны в России. Значительное место в ней занимают главы, в которых рассказывается об участии в борьбе за власть Советов интернационалистов из зарубежных славянских стран. Были опубликованы также монографии об участии трудящихся отдельных славянских стран в борьбе за победу Советской власти в России. О них будет сказано ниже.

С проблемой международного значения Октябрьской революции связана проблема истории рабочего и коммунистического движения в славянских странах в межвоенный период, история отношений Советского Союза с этими странами. Эти проблемы уже частично ставились и решались в некоторых работах Института славяноведения на материале не только славянских, но и сопредельных с ними неславянских стран.

Что касается разработки истории Польши межвоенного периода нашими историками, следует сказать, что крупнейшим достижением в этом плане является совместная советско-польская публикация документов и материалов по истории советско-польских отношений (в СССР уже вышло пять томов, охватывающих период с 1917 г. до конца 1932 г.).

В 1962 г. Институт славяноведения выпустил сборник статей к 20-летию Польской рабочей партии под названием «Из истории польского рабочего движения». Статьи этого сборника были подготовлены группой сотрудников Института славяноведения АН СССР, учеными Украинской ССР и Белорусской ССР, а также учеными Польской Народной Республики. В этом сборнике впервые в исследовательском плане освещаются основные вопросы истории польского рабочего движения, начиная от возникновения первой польской рабочей партии «Пролетариат» и кончая образованием в годы второй мировой войны Польской рабочей партии.

За последние годы в СССР вышел в свет также ряд важных монографий по новейшей истории Польши. Среди них в первую очередь следовало бы назвать работы: А. Я. Манусевича «Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль — октябрь 1917 г.» (М., 1965); С. М. Степкевича «Рабочее движение в Польше в 1918—1919 гг.» (Л., 1966); И. С. Яжборовской «Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг.» (М., 1967); А. Ф. Хацкевича «Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии» (Минск, 1967).

Слабо изучены последующие годы межвоенного двадцатилетия. Крайне

мало уделено внимания освещению внешнеполитического развития Польши. В предшествующие годы этим вопросом занимались В. Т. Фомин, М. И. Богуславский и некоторые другие историки.

Этот перечень, даже если его и дополнить списком журнальных статей, не оставляет сомнений в сравнительно слабой разработке советскими славистами вопросов истории Польши межвоенного периода. Между тем появление на Западе многочисленных изданий, фальсифицирующих историю Польши указанного периода, требует значительно большей активности советских историков в изучении этих вопросов.

Последние годы ознаменовались появлением нескольких интересных монографий советских историков, работающих в области межвоенного периода истории Чехословакии. В книге А. Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус» (М., 1965) показана деятельность чехословацких политических организаций и воинских формирований в России в 1914—1921 гг. Ряд вопросов истории рабочего движения до образования КПЧ нашел освещение в статьях и монографии Я. Б. Шмерала «Образование Чехословацкой республики в 1918 году» (М., 1967). Изучению экономических и политических процессов, положения различных классов и классовой борьбы в Чехословакии в 1924—1929 гг., когда капиталистическая экономика достигла наиболее высокого уровня в своем развитии и буржуазия считала свое господство упрочившимся, посвящена монография И. Н. Мельниковой «Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг.» (М., 1962). Национальные отношения в доюнхенской Чехословацкой республике и национальная политика КПЧ рассматриваются в книге И. С. Дзюбка «Решение национального вопроса в Чехословакии — закономерность строительства социализма», второе переработанное издание которой вышло в 1966 г.

Интересные статьи, посвященные классовой борьбе чехословацкого пролетариата на важнейших этапах межвоенного периода, опубликовали В. В. Марьина, Н. А. Шленова, Ф. И. Фирсов, Г. П. Мурашко и др.

Значительно меньше внимания уделялось разработке проблем внешнеполитического развития Чехословакии. Одной из важнейших задач советских историков является исследование советско-чехословацких отношений. Однако, что касается периода между двумя мировыми войнами, можно назвать лишь три монографические работы, прямо или косвенно посвященные этому вопросу. Одна из них — упоминавшаяся монография А. Х. Клеванского о чехословацких интернационалистах. Вторая — работа В. А. Шишкина «Чехословацко-советские отношения в 1918—1925 гг.» (М., 1962). Обе они затрагивают лишь некоторые аспекты советско-чехословацких отношений. Третья работа — монография И. А. Петерса «Чехословацко-советские отношения 1918—1935 гг.» (Киев, 1966) — носит обзорный характер. В 1968 г. вышел из печати изданный совместно Институтом славяноведения АН СССР и Институтом европейских социалистических стран Чехословацкой АН сборник статей «Советско-чехословацкие отношения между двумя мировыми войнами 1918—1939». На основе новых архивных источников в нем освещаются вопросы установления дипломатических, экономических и политических связей между Советским государством и Чехословацкой республикой в указанный период. Тем не менее упомянутые и некоторые другие работы отнюдь не снимают необходимости монографической разработки основных проблем советско-чехословацких отношений.

При анализе советской литературы по новейшей истории народов Югославии также бросается в глаза определенная неравномерность изучения отдельных проблем межвоенного периода. Лучшее всего разработаны некоторые сюжеты послевоенного революционного подъема. В работах Ю. А. Пи-

сарева, Л. М. Минаева, М. М. Сумароковой показано развитие революционной борьбы народов Югославии, отражены сдвиги, происшедшие в настроениях югославского рабочего класса после победы Великого Октября. И. Д. Очаком и В. В. Зеленным созданы исследования о югославских интернационалистах. Однако весь период временной, частичной стабилизации в Королевстве сербов, хорватов и словенцев остается совершенно не исследованным. За исключением двух статей Н. С. Богдановской (Иванович) у нас нет специальных работ и по периоду экономического кризиса в Югославии. Из истории Югославии 30-х годов получили освещение только вопросы внешней политики. Здесь следует отметить прежде всего монографии В. К. Волкова «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты 1933—1938» (М., 1966) и «Операция „Тевтонский меч“» (М., 1967).

Что касается советских историков, изучающих проблемы новейшей истории Болгарии, следует сказать, что в последние годы они уделяют явно недостаточно внимания межвоенному периоду. Книга М. А. Бирмана о революционном кризисе в Болгарии в 1918—1919 гг., изданная более десяти лет назад, до недавнего времени оставалась единственной советской монографией по этому периоду. В 1968 г. издательство Харьковского университета выпустило в свет книгу Г. И. Чернявского «Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925—1929 годы». В ней показана деятельность БКП по мобилизации трудящихся на революционную борьбу в условиях улучшения капиталистической хозяйственной конъюнктуры, фашистской диктатуры и некоторого спада революционного движения. По истории рабочего движения конца 20-х — начала 30-х годов опубликовала статьи и в настоящее время заканчивает монографию Р. П. Грипина. П. С. Сохань опубликовал научно-популярную работу о жизни и революционной деятельности Георгия Димитрова.

Однако названные труды, а также появившиеся отдельные статьи других советских авторов не меняют того факта, что комплексное и многостороннее изучение важнейших проблем истории Болгарии межвоенного периода происходит очень медленно. Историки, работающие над указанной проблематикой, рассредоточены по разным городам (Москва, Киев, Харьков, Свердловск, Орджоникидзе) и координация их научной деятельности практически отсутствует.

В области исследований последних лет по проблеме борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны достигнуты более существенные успехи. Советские историки уделили серьезное внимание разработке таких вопросов, как значение для развития освободительного антифашистского движения в славянских странах героической борьбы советского народа против фашистской агрессии, формы и методы сотрудничества советских людей с участниками движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами славянских странах, освободительная миссия Советской Армии в этих странах и др.

Вышли первые обобщающие работы по движению Сопротивления во всех славянских странах. Это — книга В. И. Клокова «Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1944)» (Киев, 1961), очерки М. И. Семиряги «Антифашистские народные восстания» (М., 1965). Следует, однако, заметить, что упомянутые работы знаменуют лишь подход к исследованию всей проблемы. В 1962 г. под редакцией В. П. Бондаренко и П. И. Резонова вышла большая коллективная монография «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны».

Советские специалисты по истории славянских стран уделяли также большое внимание проблемам движения Сопротивления в отдельных странах. Среди работ, освещающих проблемы польского движения Сопротив-

ления, прежде всего необходимо назвать соответствующие разделы «Очерков истории народной Польши» (М., 1965) и «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (М., 1960—1965), работу П. М. Калениченко о деятельности прогрессивной польской эмиграции в СССР в годы второй мировой войны, книгу С. Г. Поплавского о содружестве советских и польских воинов, книгу Ф. Г. Зуева «Польский народ в борьбе против фашизма» (М., 1967).

Советскими славистами, занимающимися исследованием проблемы национально-освободительного движения в период второй мировой войны в Чехословакии, рассмотрены такие аспекты этой проблемы, как характер противоречий в стране в период оккупации, закономерности и этапы освободительного движения, место и роль в нем различных классов, складывание гегемонии рабочего класса, формирование союза рабочего класса и крестьянства в ходе движения, соотношение национальных и социальных моментов в нем. Среди этих работ в первую очередь следует назвать монографию А. И. Недорезова «Национально-освободительное движение в Чехословакии 1938—1945 гг.» (М., 1961), а также вышедшую несколько ранее работу И. А. Петерса о содружестве чехословацкого и советского народов в борьбе против фашизма.

Наметился известный сдвиг в разработке советскими славистами проблемы освободительной борьбы народов Югославии в годы второй мировой войны и освободительной миссии Советского Союза в Югославии. И хотя широкая и глубокая разработка данной темы все еще впереди, мы можем с удовлетворением констатировать, что издание в 1963 г. II тома «Истории Югославии», один из разделов которого посвящен народно-освободительной войне в этой стране, положило начало решению упомянутой выше задачи.

Затем нужно назвать труд коллектива советских и югославских авторов, посвященный Белградской операции. Совместная работа советских и югославских военных историков позволила прийти к общей точке зрения по ряду спорных вопросов. Этой же теме посвящена одна из глав вышедшей в 1967 г. монографии военного историка, генерала М. Минасяна «Освобождение народов Юго-Восточной Европы».

Однако систематически проблематика, связанная с освободительной войной народов Югославии, разрабатывалась главным образом сотрудниками Института славяноведения. Г. М. Славин опубликовал в 1965 г. на эту тему книгу, а также ряд статей. Со статьями о ходе освободительной войны в Югославии выступили также В. В. Зеленин, Л. Я. Гибианский, В. К. Волков.

Проблема освободительной войны народов Югославии и особенно вопрос о советско-югославских отношениях в период освободительной войны по-прежнему остаются весьма актуальными.

Советские историки-слависты внесли известный вклад и в разработку темы антифашистского движения Сопротивления в Болгарии. Еще в 1959 г. издательство Киевского университета выпустило книгу И. В. Ганевича «Борьба болгарского народа под руководством Коммунистической партии за национальное и социальное освобождение (1941—1944 гг.)». В 1964 г. вышла монография Л. Б. Валева «Болгарский народ в борьбе против фашизма (пакануне и в начальный период второй мировой войны)». Интересные статьи по этой проблеме напечатали Л. Н. Андронников, Д. Б. Мельцер. Внешнеполитические аспекты истории Болгарии кануна и периода второй мировой войны разработаны в трудах И. Н. Чемпалова, В. Д. Вознесенского и др.

Важной задачей советских историков-славистов является глубокий марксистско-ленинский анализ вопросов народно-демократических и социалистических революций.

Одним из наиболее сложных является вопрос о характере революций на их начальном этапе. Некоторые советские историки (И. Д. Кундюба, И. В. Ганевич, Н. И. Леднев и др.) считают, что революция в славянских странах уже с первого момента после свержения фашистского режима имела социалистический характер, а власть была не чем иным, как уже сложившейся диктатурой пролетариата, что сложность классовой борьбы не могла изменить классово-пролетарского характера народно-демократической власти, представлявшей собой развивающуюся систему диктатуры пролетариата.

Другая часть советских историков (Р. П. Гришина, А. Н. Киршевская, Л. Я. Гибианский, И. С. Яжборовская, И. М. Белявская, П. И. Резонов и др.) считают при известных различиях в деталях, что в первый период после победоносных восстаний в этих странах рабочий класс в определенной степени делил власть с другими политическими силами, входившими в народные фронты, в том числе с некоторыми слоями буржуазии, хотя установившаяся в странах народно-демократическая власть и заключала в себе элементы диктатуры пролетариата.

В целом все авторы, придерживающиеся второй точки зрения, считают, что до окончательной победы диктатуры пролетариата потребовался определенный период времени после захвата власти, основным содержанием которого было постепенное, с приливами и отливами, нарастание элементов диктатуры пролетариата вплоть до их полного утверждения.

Только привлечение и тщательный анализ всех необходимых материалов, внимательный учет всей совокупности внутренних и внешних факторов и явлений может привести к подлинно научному решению проблемы. Стараясь продвинуть вперед изучение этой проблематики, Институт славяноведения в сотрудничестве с работниками других научных учреждений Москвы провел в сравнительно-историческом плане исследование процессов народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Сейчас принимаются меры к тому, чтобы основные итоги этой работы нашли отражение в подготавливаемых изданиях.

В последние годы внимание значительной группы историков-славистов было сосредоточено на разработке узловых проблем строительства социализма в зарубежных славянских странах, на раскрытии сущности ленинского кооперативного плана и его творческого применения коммунистическими партиями зарубежных славянских стран, на освещении вопросов социалистической индустриализации, закономерностей социалистических преобразований, научно-культурных связей, экономических и других форм сотрудничества между социалистическими странами.

Советская историческая литература о социалистическом строительстве в Польской Народной Республике представлена в основном обобщающими, скорее научно-популярными работами, из которых лишь одна — «Очерки истории народной Польши» (М., 1965) — целиком посвящена этой тематике. Монографически разработана лишь проблема связей между Украиной и Польшей в труде И. Ф. Евсеева «Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики. 1944—1960» (Киев, 1962). Приближается к монографическому исследованию и брошюра В. С. Толстого о связях между Белоруссией и Польшей.

По остальным проблемам имеются только статьи. Их можно сгруппировать следующим образом: установление и упрочение народной власти (работы В. Т. Фомина, П. В. Галенко, В. С. Парсадановой); аграрная реформа (Т. В. Порфирьевой, И. Г. Климко, П. Х. Кучерявенко и др.); история ПОРП и организующая и направляющая роль партии в социалистическом строительстве (И. А. Хренова, И. С. Яжборовской, В. И. Ов-

чарова) и, наконец, борьба с католической реакцией (И. Д. Эльвина, В. С. Парсадановой).

Таким образом, историческая литература по вопросам строительства социализма в Польше явно недостаточна. Чрезвычайно мало монографических работ. Имеющиеся статьи охватывают небольшой круг тем. Хронологически наиболее полно представлена проблематика первых четырех-пяти лет существования народной власти.

Приблизительно таким же представляется и состояние разработки проблем социалистического строительства в Чехословакии. Работы советских историков по этой тематике, выпущенные в последнее десятилетие, насчитываются буквально единицами. Комплексное освещение послевоенного развития Чехословакии содержится в третьем томе «Истории Чехословакии», подготовленном Институтом славяноведения в 1961 г., в книге М. А. Силина «Чехословацкая Социалистическая Республика (переходный период и завершение строительства социализма)» (ИМО, 1963) и И. С. Дзюбо «Победа социализма в Чехословакии» (Киев, 1962).

По этому периоду в советской историографии наибольшее внимание было уделено вопросам социально-экономического и политического развития Чехословакии в первые послевоенные годы (1945—1948). Что касается вопросов строительства основ социализма, то здесь исследования крайне немногочисленны. Видимо, это связано со сложностью и незавершенностью многих процессов, подлежащих изучению, с ограниченностью источников. В 60-е годы у нас появилось несколько статей по истории развития промышленности и рабочего класса (работы Н. А. Шлеповой, В. В. Сухарева, Л. А. Лазарева) и несколько работ по национальному вопросу в Чехословакии.

Другие проблемы строительства социализма в Чехословакии были частично освещены в общих работах, написанных в основном экономистами.

Те весьма немногочисленные работы, которые посвящены послевоенной Югославии, принадлежат опять-таки прежде всего экономистам, отчасти юристам и философам. Они рассматривают проблемы национализации, индустриализации, положения сельского хозяйства, некоторые вопросы конституционного развития, внешней торговли и т. д. Преимущественно это диссертации и другие неопубликованные работы. Их уровень и характер весьма различны, они сплошь и рядом написаны скорее в информационном, нежели в аналитическом плане. Из опубликованных работ и диссертаций здесь прежде всего следует отметить работы В. А. Пекшева по внешней торговле, Л. А. Никифорова по общим вопросам индустриализации и промышленного развития, Л. В. Тягуненко по развитию югославского сельского хозяйства. Работ по истории послевоенного периода еще нет, если не считать первых попыток, также связанных с 1945—1946 гг. (Л. Я. Гибианский).

В последние годы произошли определенные сдвиги в изучении проблем социалистического строительства в Болгарии. Из монографий можно назвать вышедшую в 1966 г. в Харькове книгу Г. Н. Попова «Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948 гг.)». Ряд статей по социально-экономическому развитию народной Болгарии, советско-болгарскому экономическому сотрудничеству, развитию советско-болгарских отношений и некоторым другим вопросам опубликовали А. И. Доронченков, Д. Г. Песчаный, Н. Т. Чижевский и др. Вышло несколько популярных брошюр. Однако по проблемам социалистического строительства в Болгарии, как и в других зарубежных славянских странах, в печати выступают преимущественно экономисты и юристы.

Таковы некоторые итоги изучения новейшей истории зарубежных славянских стран за период, прошедший после созыва Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения. Но эта картина была бы неполной без учета еще одного важного обстоятельства, а именно без учета разработки этого сложного комплекса проблем в диссертационных трудах. Кажется странным, но если изучить данные о кандидатских и докторских диссертациях, защищенных в Советском Союзе по проблемам новейшей истории славянских стран, вырисовывается несколько иная картина, чем при анализе опубликованных работ. В этом отношении интересную сравнительную работу проделала сотрудница Института славяноведения АН СССР М. И. Леншина. Согласно собранным ею данным, за двадцатилетний период, с 1948 по 1967 г., в Советском Союзе по проблемам новейшей истории славянских стран было защищено 239 диссертаций, из них 17 — докторских, в том числе только за период после 1958 г. было защищено 128 диссертаций. Наибольшее число диссертаций защищено по Болгарии и Чехословакии (соответственно 76 и 77), затем идут Польша (55) и Югославия (12). Сравнительные данные о количественном распределении диссертаций по проблемам свидетельствуют о том, что в центре внимания диссертантов на протяжении всего двадцатилетнего периода находилась разработка проблем социалистического строительства. Особенно это относится к диссертациям, защищенным до 1958 г., но и из тех 128-ми, которые были защищены после 1958 г., 79 относились к периоду 1939—1967 гг. и лишь 49 — к межвоенному периоду (1918—1939).

Сравнительные данные о «географии» диссертационных работ показали, что славяноведческие исследования по новейшей истории, особенно в первый период, в значительной степени велись разрозненно. Это находило свое выражение как в параллелизме и дублировании исследуемых проблем, так и в случайном выборе направлений исследований и в разработке порой неактуальных проблем новейшей истории. Тенденция к координации основных направлений научно-исследовательской работы в области изучения новейшей истории славянских стран наметилась только в последние годы (примерно с 1962 г.).

Эта тенденция выражается, во-первых, в определении наиболее актуальных проблем новейшей истории и постепенности их изучения; во-вторых, в формировании основных научных центров СССР по изучению новейшей истории славянских стран; в-третьих, в определенной «специализации» этих центров по отдельным периодам новейшей истории и конкретным проблемам этих периодов.

Основными центрами, ведущими диссертационные исследования в области новейшей истории славянских стран, на которые приходится 75% из общего числа диссертаций по проблемам межвоенной истории этих стран и 60% — по последующему периоду, являются: 1) Московский государственный университет (здесь подготовлено 15 диссертаций по межвоенному периоду и 35 — по послевоенному); 2) научно-исследовательские институты и учебные заведения УССР — Институт истории АН УССР, Киевский, Львовский, Харьковский университеты (соответственно 18 : 31); 3) Академия общественных наук при ЦК КПСС (13 : 33); 4) Институт славяноведения АН СССР (14 : 7).

Институт славяноведения с точки зрения количества диссертационных исследований не является ведущим в разработке проблем социалистического строительства в зарубежных славянских странах, более того, в диссертационных работах института преобладают проблемы межвоенного периода истории славянских стран. Анализ печатной продукции института по новейшей истории зарубежных славянских стран приводит к тому же выводу. Однако, если не считать диссертационных и популярных

печатных работ, такое положение характерно и для всей советской славяноведческой науки.

Какие общие выводы следует сделать из всего сказанного выше? Прежде всего можно сказать, что за последние годы советские слависты достигли определенных успехов в изучении новейшей истории зарубежных славянских стран. Значительно расширилась источниковедческая база трудов, повысился их научно-теоретический уровень.

Но значение этих успехов не следует преувеличивать. В советской историографии до сих пор сделано явно недостаточно для изучения народно-демократического периода, проблем истории строительства социализма в зарубежных славянских странах. Теоретический уровень и актуальность наших исследований нередко снижаются от того, что авторы не учитывают достижения смежных общественных наук. В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» обращается внимание на то, что многие стороны и проблемы новейшей истории, имеющие прямое отношение к славяноведческой науке, глубоко не изучены, исследования в этих областях ведутся недостаточно целеустремленно.

В то же время за последний период в самих братских странах выросли многочисленные кадры квалифицированных историков-марксистов, располагающих огромным документальным материалом и создающих солидные труды по новейшей истории своих стран. Для историографии некоторых из этих стран в последнее время характерен все больший упор на новейшую проблематику, связанную в первую очередь с разработкой вопросов истории рабочего движения, революций и послевоенного строительства на путях социализма.

Вряд ли было бы в связи с этим правильно отказываться нам от изучения внутренней истории той или иной страны. Это означало бы в определенной степени дисквалификацию наших специалистов, а также затруднило бы борьбу с антинаучными, буржуазными взглядами и тенденциями, имеющими широкое хождение в западной историографии, посвященной новейшей истории социалистических стран.

Вместе с тем самое пристальное внимание следует обратить на координацию деятельности историков-страноведов, на сосредоточение их усилий для комплексного, многостороннего решения важнейших проблем.

Целесообразно было бы ориентировать наших специалистов при разработке проблем новейшей истории на подготовку сравнительно-исторических трудов по группе стран силами небольшого круга авторов. Учитываемая задача, выдвинутая в Постановлении ЦК КПСС, советские специалисты по новейшей истории славянских стран должны больше внимания обратить на изучение истории рабочего и коммунистического движения в этих странах, на сопоставление и обобщение опыта революций и социалистического строительства. Особое внимание надлежит обратить на изучение проблем построения развитого социалистического общества. Такие работы могут быть основаны и на результатах исследований конкретных проблем в странах.

Важной задачей наших славистов является углубленное изучение отношений и связей Советского Союза с зарубежными славянскими народами, а также разработка вопросов сотрудничества между рабочими и коммунистическими партиями в строительстве нового общества, развития интернационалистских отношений между народами социалистического содружества.

Непременным условием успешной разработки всех проблем новейшей истории зарубежных славянских стран является расширение источниковедческой базы исследований. Для того чтобы перейти от общих постано-

вочных вопросов, рассматривавшихся в основном на материалах прессы, к изучению процессов политической жизни, социально-экономических преобразований и взаимоотношений с Советским Союзом, необходимо изучение широкого круга источников архивного хранения, партийных и ведомственных документов.

Постановление ЦК КПСС отмечает, что переход от капитализма к социализму, осуществляемый в нашу эпоху, мощное освободительное движение народов, совершающаяся научно-техническая революция, острая идеологическая борьба и другие процессы мирового развития требуют партийного всестороннего анализа и теоретического обобщения с позиций марксизма-ленинизма. Исходя из этого, в наших научных исследованиях мы должны уделять первостепенное внимание марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям.

При разработке проблем историографии и методологии наших исследований мы должны укреплять сотрудничество с учеными зарубежных славянских стран, совместно развешивать и усиливать борьбу с буржуазной идеологией. Советским историкам-славистам новейшего периода следует больше рецензировать в советской исторической печати работы авторов из зарубежных славянских стран.

Ответственные задачи встают перед советской славистической наукой в связи с предстоящим в апреле 1970 г. ленинским юбилеем. В постановлении Центрального Комитета КПСС о подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина подчеркивается: «С ленинизмом связаны самые выдающиеся революционные свершения двадцатого столетия — Великая Октябрьская социалистическая революция, ознаменовавшая начало новой эпохи в истории человечества, образование мировой системы социализма, грандиозные освободительные битвы и победы, одержанные рабочим классом, трудящимися над капитализмом. Имя Ленина стало символом пролетарских революций, социализма и прогресса, символом коммунистического преобразования мира» («Коммунист», 1968, № 12, стр. 3). Разработка вопросов о влиянии ленинских идей и их претворении в жизнь трудящимися зарубежных славянских стран на различных этапах исторического развития, глубокий анализ и теоретическое обобщение революционных процессов, социалистических преобразований, развернувшихся в этих странах под руководством марксистско-ленинских партий, раскрытие роли многогранной революционной деятельности В. И. Ленина в исторических судьбах славянских народов — важнейший долг советских историков-славистов.

МОСКОВСКИЙ ПРОТОКОЛ 9 ФЕВРАЛЯ 1929 ГОДА

Московский протокол является одним из немногих примеров позитивного сотрудничества Польши и Советского Союза в межвоенный период ¹. Этим документом действие пакта Бриана — Келлога ² было распространено на страны Восточной Европы. Остановимся коротко на истории пакта ³.

В связи с десятой годовщиной вступления США в первую мировую войну и приближающейся 150-й годовщиной со дня подписания француско-американского союзнического договора от 6 февраля 1778 г., министр иностранных дел Франции А. Бриан 6 апреля 1927 г. обратился с посланием к американскому народу, предлагая заключить двустороннее соглашение об осуждении войны и отказе от нее как от средства национальной политики ⁴. 20 апреля того же года А. Бриан вручил американскому послу в Париже проект пакта о вечной дружбе между Францией и Соединенными Штатами ⁵.

Выступая с такой инициативой, французская дипломатия рассчитывала на получение американских гарантий неизблемости восточных границ Франции, к чему она безрезультатно стремилась уже во время Мирной конференции 1919 г. в Париже. Однако тогда американский сенат отказался ратифицировать Версальский договор и вопрос об американских гарантиях, обеспечивающих в будущем нерушимость француско-немецкой границы, был автоматически снят ⁶. В 1927 г., по мнению французской дипломатии, существовали благоприятные условия для француско-американского сближения и получения этих гарантий. Между Францией и

¹ В польской литературе о Московском протоколе имеется статья С. Литазуэра. См. «Przegląd polityczny», 1929, t. X, z. 2, s. 53—56.

² Пакт Бриана — Келлога был подписан 27 августа 1928 г. в Париже; известен также под названием Пакта Келлога, или Парижского пакта.

³ Польская литература о пакте: L. G e l b e r g. Pakt Paryski z 27 sierpnia 1928 r. — «Zeszyty naukowe Szkoły Głównej Służby Zagranicznej». Warszawa, 1955, z. 1, s. 81—98; J. M a k o w s k i. Pakt Kelloga. — «Przegląd polityczny», 1929, t. X, z. 1, s. 14—24; A. G a u v a i n. Projekty paktu przeciwko wojnie. — «Przegląd polityczny», 1928, t. VIII, z. 5—6, s. 162—166; W. S t e d. Pakt Paryski i jego znaczenie. — «Przegląd polityczny», 1928, t. IX, z. 1—3, s. 1—6; B. C z a r n e c k i. Fall Weiss (z genezy hitlerowskiej agresji przeciwko Polsce). Warszawa, 1961, s. 22—23.

Литература на других языках: E. V o r h a r d. The Multilateral Treaty for Renunciation of War. — «American Journal of International Law», 1929, № 23; E. V r o w n. The Interpretation of the General pact for Renunciation of War. — Ibid.; В. X а й ц м а н. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959, стр. 212—218; «История дипломатии», т. III. М. — Л., 1945, стр. 401—406; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. I. М., 1961, стр. 320—330; L. O p p e n h e i m. International Law. London, 1932, t. II, p. 197—209; A. V e r d r o s s. Die Ausnahmen vom Kriegsverbot des Kellogg Paktes. — «Friedenswarte», 1930, № 30, S. 65—72.

⁴ L. G e l b e r g. Ibid., s. 81.

⁵ Ibid.

⁶ «История международных отношений...», т. I, стр. 101.

США в это время не было никаких принципиальных противоречий, зато отношения между США и Англией из-за гонки морских вооружений стали напряженными.

В Соединенных Штатах французская инициатива не была встречена с энтузиазмом. Лишь 28 декабря 1927 г. государственный секретарь Келлог в ноте, направленной Франции, заявил об отрицательном отношении США к французскому предложению и внес контрпредложение заключить многостороннее соглашение об отказе от войны как орудия национальной политики ⁷. При этом США руководствовались стремлением уменьшить роль Лиги Наций, в которой главную роль играли Англия и Франция. Кроме того, Соединенные Штаты, как и Англия, стремились сохранить равновесие сил в Европе и не допустить гегемонии какой-либо державы на континенте. Заключение договора США с Францией способствовало бы значительному усилению французского влияния в Европе; многостороннее же соглашение исключало это и создало бы видимость обеспечения мира и уважения прав всех государств. Предложение Келлога было рассчитано не только на пропагандистский эффект за границей; в период предвыборной кампании оно имело большое значение для стоявшей у власти республиканской партии.

Вскоре посол Франции в США Клодель выдвинул предложения, существенным образом менявшие содержание американского контрпроекта. Франция и Соединенные Штаты подпишут пакт первыми, а другие государства, которые выразят желание присоединиться к нему, сделают это позднее; участники пакта должны подтвердить, что они отказываются не от всякой войны, а только от захватнической ⁸.

В ходе дальнейшего обмена нотами правительство США отклонило французские поправки. Оно предложило также ознакомить с американско-французскими переговорами правительства Англии, Японии, Италии и Германии ⁹. 13 апреля 1928 г. государственный департамент разослал правительствам этих стран циркулярную ноту вместе с проектом предлагаемого пакта ¹⁰. Одновременно правительство Франции представило контрпроект ¹¹, который, однако, не получил одобрения большинства государств.

Первым выразило желание присоединиться к пакту правительство Германии ¹². Немецкая дипломатия использовала всякую возможность продемонстрировать свое расположение к мирным начинаниям, стремясь таким образом обмануть бдительность народов и отвлечь их внимание от возрождающегося в Германии милитаризма и нарастания реваншистских тенденций. Английское правительство поддержало идею пакта в модифицированной французской версии и со своей стороны внесло ряд замечаний. Оно подчеркнуло, между прочим, что Англия должна иметь полную свободу действий в некоторых районах земного шара, где сохранение мира и безопасности имеет для нее особое значение ¹³. Англия видела в США опасного конкурента, все более активизирующего свою политику не только в западном полушарии и бассейне Тихого океана, но и в Европе. Главным образом по этой причине она искала в то время сближения с Францией. Подтверждением правильности такой оценки является англо-французское соглашение о морских вооружениях, заключенное 28 июля 1928 г. ¹⁴.

⁷ Текст ноты см. «Przegląd polityczny», 1928, приложение к т. VIII, z. 5—6, s. 26—28.

⁸ Ibid., s. 28—29.

⁹ Ibid., s. 29—38.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., s. 43—44.

¹³ Ibid., s. 45—48.

¹⁴ В. М. Х а й ц м а н. Там же, стр. 213.

Отношение Советского правительства к пакту Бриана — Келлога было сформулировано наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным в интервью от 5 августа 1928 г., в котором он заявил, что главная цель внешней политики СССР — положить конец всяким войнам. Г. В. Чичерин указал, что главным недостатком предлагаемого пакта является прежде всего игнорирование вопроса о разоружении. Симптоматическим является также то, что Советскому правительству не предложили участвовать в подготовке пакта; это может свидетельствовать о стремлении его создателей изолировать и окружить Советский Союз. Независимо от этих оговорок, не исключено, что Советский Союз поставит свою подпись под пактом, если, конечно, он будет приглашен сделать это¹⁵. Советское правительство имело определенные основания считать, что пакт Бриана — Келлога может быть направлен против его интересов, поскольку СССР был единственной великой державой, не приглашенной участвовать в выработке пакта. В то время Советское правительство особенно опасалось враждебной деятельности со стороны Англии, которая годом раньше (27 V 1927) порвала с Советским Союзом дипломатические отношения и проводила политику его изоляции и окружения.

Однако Англия не имела ничего против присоединения СССР к пакту Бриана — Келлога. Когда посол Польши в Великобритании К. Скирмунт выразил сомнение по поводу того, можно ли согласиться на присоединение СССР к пакту без определенных условий¹⁶, помощник статс-секретаря Линдсей заявил, что «...в этом вопросе Англия занимает пассивную позицию и не придает значения тому, вступят или не вступят в пакт Советы... присоединение Советов могло бы произойти аналогично присоединению других государств»¹⁷. Иначе отнеслась к польскому предложению итальянская дипломатия. Помощник статс-секретаря Гранди и полномочный министр Росс согласились с польским послом в Риме С. Пшездзецким в том, что следует совместно искать формулу, содержащую следующую оговорку «...разжигание революции в других странах отождествляется с агрессией»¹⁸.

В конечном итоге ни Польша, ни Италия не обратились с этим предложением к инициаторам пакта — Франции и США. Мы упоминаем об этом только потому, что во многих серьезных работах (советских и польских) без ссылки на источники говорится, что Англия была против вступления СССР в пакт Бриана — Келлога¹⁹. В действительности же Англия, несмотря на враждебное в то время отношение к Советскому Союзу, в этом конкретном вопросе занимала скорее пассивную позицию. Борьба, которая шла вокруг проекта Келлога, а также французских и английских предложений, отражала попытки США усилить свое влияние, а Англии и Франции сохранить свои прежние позиции на международной политической арене.

23 июня 1928 г. американское правительство разослало всем участникам Локарнских соглашений, английским доминионам и Японии новый проект пакта²⁰. Правительство Франции, исходя из того, что этот проект

¹⁵ «Документы внешней политики СССР», т. XI. М., 1966, стр. 463—467.

¹⁶ Министр иностранных дел Польши А. Залеский в инструкции от 16 августа 1928 г. предложил послам в Лондоне и Риме поставить вопрос о включении в пакт дополнительного положения, запрещающего «разжигание» революции. Такое положение было бы направлено против СССР как социалистического государства, оказывавшего помощь революционным силам.

¹⁷ Archiwum MSZ, P-I, w. 172, t. 3. Рапорт К. Скирмунта от 21 августа 1928 г.

¹⁸ Archiwum MSZ, Ambasada Moskwa, w. 6, t. 2. Копия письма С. Пшездзецкого А. Залескому от 3 сентября 1928 г.

¹⁹ «Дипломатический словарь», т. I. М., 1948, стр. 773; L. G e l b e r g. Ibid., s. 54.

²⁰ «Przegląd polityczny», 1928, t. IX, z. 1—3.

в основном учитывал французские требования, которые были оговорены в преамбуле, склонилось к его принятию. Подобную же позицию заняло английское правительство, настаивая, однако, на принятии выдвинутых им ранее условий. После того, как все государства, которым было предложено участвовать в пакте, выразили свое согласие, он был подписан представителями Соединенных Штатов, Франции, Германии, Италии, Японии, Англии, Польши, Бельгии, Чехословакии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии и Южно-Африканского Союза²¹.

В пакте, между прочим, говорилось, что его участники «от имени своих народов торжественно осуждают применение войны в целях урегулирования международных споров и отказываются от нее как орудия национальной политики в своих взаимных отношениях»²². Пакт налагал на участников обязательство регулировать и решать «...все споры и конфликты, которые могли произойти между ними, независимо от их существа или происхождения, всегда только с помощью мирных средств»²³.

Правительство США обратилось с призывом подписать пакт к 48 государствам, которые не были первоначальными его участниками. Одновременно правительство Франции обратилось с аналогичным призывом к правительству Советского Союза²⁴.

31 августа врид народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов нотой уведомил посла Франции в Москве Ж. Эрбетта о согласии Советского правительства присоединиться к пакту Бриана — Келлога²⁵. Одновременно в ноте указывалось на недостатки пакта. Вновь обращалось внимание на отсутствие каких бы то ни было обязательств в вопросе разоружения. По мнению Советского правительства, содержащаяся в пакте формулировка отказа от войны как средства национальной политики была недостаточно определенной. Советское правительство считало, что должны быть запрещены не только всякие военные действия, которые считаются таковыми с точки зрения формально-юридической, но и другие подобные действия, как например, вмешательство во внутренние дела другого государства, блокада, оккупация чужой территории или чужих портов и т. п. К запрещенным средствам следовало также отнести отказ от установления нормальных дипломатических отношений или их разрыв, так как они способствуют созданию атмосферы, угрожающей переродиться в вооруженный конфликт. Примером, подтверждающим справедливость такого мнения, могло служить поведение английского правительства, которое, подписывая пакт, одновременно выдвинуло оговорки, которые могли бы узаконить военные выступления Англии против других государств²⁶.

Несмотря на все эти оговорки, правительство Советского Союза выразило готовность присоединиться к пакту Бриана — Келлога, поскольку он накладывал известные обязательства на державы перед общественным мнением и давал Советскому правительству новую возможность поставить перед его участниками проблему разоружения — важнейшую из мировых проблем. 6 сентября 1928 г. М. М. Литвинов вручил Ж. Эрбетту акт о присоединении Советского Союза к пакту Бриана — Келлога²⁷.

В соответствии с параграфом III пакт должен был войти в силу после его ратификации всеми первоначальными участниками и сдачи ратифика-

²¹ «Дипломатический словарь», т. I, стр. 772.

²² L. G e l b e r g. Prawo międzynarodowe i historia dyplomacyzna. Wybór dokumentów. Warszawa, 1958, s. 303—304.

²³ Ibid.

²⁴ Приглашение СССР было направлено от имени Франции, так как США не имели дипломатических отношений с СССР.

²⁵ «Документы внешней политики СССР», т. XI, стр. 493—498.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. стр. 503—506.

ционных грамот в Вашингтоне. Однако прошло четыре месяца, а ни одно из этих государств не ратифицировало пакт. При такой медлительности первоначальными участниками введение в действие пакта откладывалось на неопределенное время.

Ища выхода из создавшегося тупика, Советский Союз выступил с новым предложением по этому вопросу. 29 декабря 1928 г. правительство СССР обратилось к польскому правительству как к одному из первоначальных участников пакта с предложением подписать отдельный протокол, на основе которого пакт вступал бы в действие для Польши и Советского Союза сразу же после ратификации протокола обеими сторонами, независимо от срока ратификации пакта государствами — первоначальными участниками²⁸. С аналогичным предложением Советское правительство обратилось к правительству Литвы, а также оставило за собой право обратиться к правительствам Финляндии, Эстонии и Латвии²⁹. В ноте от 29 декабря разъяснялось, что подписание специального протокола, в силу которого оба государства признают обязательным для них пакт Бриана — Келлога, не снимало ранее сделанного Советским Союзом предложения о заключении пакта о ненападении, по которому ведутся длительные и до сих пор бесплодные переговоры. По мнению Советского правительства, заключение пакта о ненападении в дальнейшем послужило бы еще большему укреплению добрососедских отношений между обеими странами³⁰.

В происходивших переговорах между представителями Наркомата иностранных дел и польской миссии в Москве советская сторона неоднократно возвращалась к вопросу о протоколе. М. М. Литвинов, вручая посланнику Польши в СССР Ст. Патеку советский проект протокола, заявил, что подписание его обеими сторонами явится простейшим путем к советско-польскому сближению и поможет исключить всякую мысль о возможности войны между ними³¹. Член коллегии Народного комиссариата иностранных дел Б. Штейн в беседе с советником польской миссии Стебловским обратил внимание на то, что СССР «сделает выводы из польского ответа относительно перспективы всех взаимных отношений»³².

Принимая во внимание эти высказывания, польское правительство должно было рассматривать советское предложение не только как один из изолированных вопросов, но и как условие для решения ряда других проблем между Польшей и Советским Союзом. Главным вопросом польско-советских отношений в это время польская дипломатия считала увеличение товарообмена. Улучшение политических отношений могло бы способствовать проведению торговых переговоров. Дальнейшая нормализация отношений с восточным соседом положительно повлияла бы на политическую ситуацию внутри страны. Польская дипломатия должна была также считаться с пацифистскими настроениями не только в стране, но и за рубежом, и прежде всего в Соединенных Штатах, у которых Польша намеревалась получить заем.

В ноте Советскому правительству от 10 января 1929 г. польское правительство выразило в принципе согласие принять советское предложение, оставляя за собой право предложить изменения, которые оно признает необходимыми. Кроме того, подписание отдельного протокола по вопросу досрочного введения в действие пакта Бриана — Келлога оно поставило в зависимость от согласия на это остальных участников пакта, так как,

²⁸ Там же, стр. 640—645.

²⁹ Там же, стр. 642.

³⁰ Там же, стр. 640.

³¹ Archiwum Akt Nowych, Adiutantura Belwederu, t. 6, s. 2. Дешета Ст. Патека министру иностранных дел от 30 декабря 1928 г.

³² Ibid., t. 6, s. 3. То же от 4 января 1929 г.

по его мнению, статья III обязывала их к солидарной ратификационной процедуре. Далее польское правительство выражало удивление по поводу того, что Советское правительство, обратившись по этому вопросу к Литве, которая не имеет непосредственной границы с СССР и не поддерживает дипломатических отношений с Польшей, не направило свое предложение прибалтийским государствам, которые имели непосредственные границы с Советским Союзом, а также Румынии. Польское правительство считало своим долгом выяснить мнение этих стран по поводу советского предложения и возможность их присоединения к предлагаемому протоколу³³.

Советское правительство в ноте от 11 января 1929 г. выразило удовлетворение по поводу принципиальной готовности польского правительства принять советское предложение и указало на необоснованность сделанных польской стороной оговорок. Пакт, говорилось в ноте, не предусматривает одновременной или какой-либо другой определенной процедуры его ратификации. В нем нет также никаких ограничений относительно вступления его участников в какие-либо не противоречащие ему соглашения. Советское правительство полагало, что интересы польского и советского народов и их стремление сохранить мир требуют подписания протокола и никто не может воспрепятствовать обоим правительствам отказаться от войны как средства национальной политики. В ноте отмечалось, что оговорка польской стороны относительно Литвы, которая не является соседом СССР, непоследовательна, так как польское правительство предлагает подписать протокол Финляндии и Эстонии, также не имеющим с Польшей общей границы. Различие этих внешне сходных случаев — говорилось в ноте — заключается в том, что между СССР, Финляндией и Эстонией не существует территориальных споров, которые могли бы вызвать военный конфликт, в то время как польско-литовские отношения сравнительно недавно представляли серьезную угрозу для мира. Советское правительство выразило согласие на присоединение к протоколу Латвии, Эстонии, Финляндии и Румынии и просило польскую сторону выяснить отношение Румынии к этому акту. Оно считало, что скорейшее введение в жизнь пакта Бриана — Келлога не противоречит его духу: ни одно из государств — первоначальных участников не выступит против этого, не желая подвергнуться осуждению своего народа и народов других стран, выступающих против войны и поддерживающих всякую инициативу, направленную на укрепление мира во всем мире³⁴.

Министр иностранных дел Польши А. Залеский в комиссии сейма по иностранным делам заявил о согласии Польши с советским предложением о более быстром введении в жизнь пакта Бриана — Келлога. Касаясь условий, которые были выдвинуты польской стороной по этому вопросу, Залеский сказал, что «... они не скрывают в себе никаких побочных мыслей и целей...». Он выразил также надежду, что в ближайшем будущем польские оговорки станут беспредметными и тогда протокол, предлагаемый Советским правительством, будет незамедлительно подписан³⁵. Это заявление польского министра не было чисто риторическим, в нем отражались и результаты консультаций, которые польская дипломатия вела с инициаторами пакта Бриана — Келлога и с европейскими соседями СССР.

Отношение правительства США к советскому предложению не было благоприятным. Правительство США считало нежелательным подписание участниками пакта предложенного СССР протокола, а тем более осуществление советского предложения до ратификации пакта амери-

³³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V. М., 1967, стр. 335—337.

³⁴ «Документы внешней политики СССР», т. XII. М., 1967, стр. 20—25.

³⁵ A. Z a l e s k i. Przemowy i deklaracje, t. I. Warszawa, 1929, s. 214—215.

канским сенатом. Помощник государственного секретаря в беседе с польским послом в Вашингтоне И. Цехановским заявил: «государственный департамент хотел бы, чтобы польское правительство не согласилось на изменения статьи третьей, касающейся вступления в законную силу пакта ...»³⁶. Американское правительство понимало, что вступление в силу пакта Бриана — Келлога путем подписания отдельного протокола бросало тень на намерение его инициаторов и участников, которые оттягивали ратификацию пакта. Поэтому правительство США было вынуждено как можно скорее ратифицировать пакт.

Союзница Польши Франция в общем положительно отнеслась к советской инициативе. Политический директор министерства на Кэ д'Орсэ Корбен в беседе с советником польского посольства в Париже Франковским заявил, что введение в действие пакта Бриана — Келлога путем подписания отдельного протокола теоретически возможно. Однако он поспешил добавить, что предложение СССР имеет прежде всего якобы пропагандистский характер и рассчитано на завоевание общественного мнения в Соединенных Штатах³⁷. Франция была заинтересована в привлечении к подписанию предлагаемого протокола также других стран, и прежде всего Румынии.

Румыния, находившаяся в дружественных отношениях с Польшей, выразила готовность присоединиться к протоколу. В сообщении польскому поверенному в делах в Бухаресте В. Еленьскому румынское правительство не сделало никаких оговорок по поводу советского предложения. Однако оно считало, что следует сохранять осторожность, чтобы предупредить возможные разногласия среди дружественных стран. Поэтому Румыния предлагала ввести в действие пакт Бриана — Келлога одновременно во всех странах, граничащих с Советским Союзом. Правительство Румынии предлагало Польше, которая вела официальные переговоры по этому вопросу с Советским Союзом, взять на себя обязанность провести консультацию с государствами, граничащими с СССР, и выяснить их мнение по существу вопроса, а затем постараться получить их согласие на одновременное присоединение к протоколу³⁸. Позиция Румынии была сходна с позицией польской дипломатии. Эстония безоговорочно поддержала точку зрения Польши по вопросу предлагаемого протокола³⁹. Латвия также соглашалась присоединиться к протоколу, хотя вначале и не одобряла полностью тактики польской дипломатии⁴⁰. Отвечая на ноту Литвы, правительство Латвии указывало, что «участие Латвии в польско-советском протоколе будет зависеть от формы, которую он окончательно получит во время переговоров»⁴¹. Финляндия не пожелала присоединиться к протоколу; такое решение, по-видимому, было связано с позицией США, у которых финское правительство намеревалось получить заем.

Литовское правительство в меморандуме от 23 января 1929 г. в общем одобряло советское предложение и соглашалось присоединиться к протоколу. В то же время оно сделало ряд оговорок по отношению к политике Польши. Литовское правительство считало нажим Польши на прибалтий-

³⁶ Archiwum Akt Nowych. Adiutantura Belwederu, t. 6, s. 1. Депеша Цехановского министру иностранных дел от 4 января 1929 г.

³⁷ Ibid., s. 2. Депеша посла Польши в Париже А. Хлаповского министру иностранных дел от 4 января 1929 г.

³⁸ Ibid., t. 6, s. 1. Депеша В. Еленьского министру иностранных дел от 3 января 1929 г.

³⁹ Archiwum MSZ, P.-VI, w. 48, t. 8. Инструкция вице-министра А. Высоцкого для дипломатических представителей о Московском протоколе от 9 февраля 1929 г.

⁴⁰ Ibid. Речь идет о польском предложении одновременного подписания протокола всеми его участниками.

⁴¹ «Przegląd polityczny», 1929, приложение к т. X, z. 2, s. 28.

ские страны и Румынию с целью склонить их к присоединению к протоколу выражением стремлений Польши играть роль покровителя этих государств. Оно решительно отклоняло оговорку, что отсутствие дипломатических отношений с Польшей лишает его возможности присоединиться к протоколу. Анализируя позицию Польши, литовское правительство делало вывод, что польская сторона не имела искренних намерений отказаться от войны как средства национальной политики и все ее недружественные начинания направлены либо против Литвы, либо против Советского Союза ⁴².

После ратификации пакта американским сенатом и проведения консультаций с другими его участниками польское министерство иностранных дел в ноте Наркомату иностранных дел от 19 января 1929 г. заявило о желании вступить в переговоры по вопросу подписания протокола. Оно выразило удовлетворение согласием СССР на присоединение к протоколу Румынии и готовность окончательно выяснить позицию румынского правительства. В ноте обращалось внимание на то, что прибалтийские страны уже согласились присоединиться к пакту и поэтому их позиция с юридической стороны ничем не отличалась от позиции стран, являющихся участниками пакта, но до сих пор не ратифицировавших его. Польский сейм также еще не ратифицировал пакт, но это не помешало Советскому правительству предложить польскому правительству подписать протокол. По мнению польской стороны следовало признать право присоединения к протоколу других прибалтийских государств, даже если они еще не ратифицировали пакт, так как могли ратифицировать оба документа одновременно ⁴³. Нота не упоминала о консультациях, которые польское правительство проводило с Румынией по этому вопросу. Вести переговоры в Москве польское правительство уполномочило Ст. Патека.

21 января 1929 г. М. М. Литвинов вручил Ст. Патеку предложения, касающиеся процедуры подписания протокола. Советское правительство предлагало, чтобы обе стороны в кратчайший срок подписали протокол в Москве. После выполнения этой церемонии Советское правительство непосредственно обратится к правительствам Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, а также через посредничество Польши к правительству Румынии, с которым оно не имело дипломатических отношений, с приглашением присоединиться к протоколу. Каждое государство, которое присоединится к протоколу, уведомит об этом факте инициатора, то есть Советское правительство, прислав специальный акт о присоединении и копию протокола. Советское правительство считало, что государства, присоединившиеся к протоколу, обязаны в кратчайший срок ратифицировать пакт и протокол. Протокол между Польшей и Советским Союзом должен был вступить в силу с момента обмена ратификационными грамотами, а между Польшей, СССР и присоединившимися государствами — с момента получения Советским правительством документа о ратификации ⁴⁴.

Во время переговоров, проходивших в Москве между Ст. Патеком и М. М. Литвиновым, польская сторона, как свидетельствует заявление министра А. Залеского в сейме 7 февраля 1929 г., старалась обеспечить всем западным соседям СССР, то есть Румынии, Финляндии, Эстонии и Латвии, возможность присоединиться к протоколу ⁴⁵. 28 января 1929 г. Ст. Патека сообщил М. М. Литвинову, что Эстония, Латвия и Румыния со-

⁴² «Внешняя политика СССР», т. III, стр. 289—290. Ноту подобного содержания МИД Литвы направил всем дипломатическим представителям, аккредитованным в Кайнасе, и секретарю Лиги Наций. «L'Humanité», 25 I 1929.

⁴³ «Przegląd polityczny», 1929, приложение к т. X, з. 2, с. 26—27.

⁴⁴ «Документы внешней политики СССР», т. XII, стр. 42.

⁴⁵ A. Z a l e s k i. Ibid., т. I, с. 218.

гласились «участвовать в протоколе путем совместного и одновременного подписания его с СССР и Польшей». Он подчеркнул, что позиция Финляндии не повлияет на решение, принятое Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией⁴⁶. 31 января Ст. Патеке дополнительно уведомил М. М. Литвинова, что Польша не ставит своего участия в протоколе в зависимость от такого его подписания всеми государствами и не будет настаивать непременно на совместном подписании протокола с Литвой, если последняя предпочтет присоединение к нему⁴⁷.

В ответ на заявления Ст. Патека М. М. Литвинов сообщил, что Советское правительство с самого начала стремилось к тому, чтобы как можно большее число государств, заинтересованных в сохранении мира в Восточной Европе, присоединилось к предлагаемому протоколу. Цель Советского правительства заключалась в том, чтобы протокол был подписан и введен в действие как можно быстрее; поэтому оно обратилось только к тем государствам, которые уже вступили в пакт Бриана—Келлога. Советское правительство полагало, что привлечение к совместному подписанию протокола стран, еще не присоединившихся к пакту, может затруднить и оттянуть осуществление этой меры. Однако, принимая во внимание желание Польши, Советское правительство согласилось на совместное и одновременное подписание протокола всеми странами, если не будет каких-либо препятствий с их стороны к скорейшему подписанию протокола⁴⁸.

Польско-советские разногласия относительно порядка подписания протокола не являлись разногласиями формального характера, они исходили из взаимоотношений обеих сторон. По отношению к СССР Польша стремилась выступать в едином блоке с прибалтийскими странами и Румынией и занимать в нем господствующее положение. Ярким примером такой политики был тянувшийся с 1926 г. спор между Польшей и Советским Союзом по вопросу подписания пакта о ненападении. Одним из главных препятствий, которое в первые годы затрудняло соглашение по этому вопросу, было требование Польши одновременного подписания пакта о ненападении с прибалтийскими странами. Польская дипломатия считала, что согласованные действия Польши, Румынии и прибалтийских стран в отношении СССР усиливают позицию этих стран в отношениях с Советским Союзом. СССР, напротив, придерживался принципа раздельного проведения всех переговоров и достижения взаимопонимания с каждой страной отдельно. Защищая интересы своей страны, советская дипломатия решительно выступала против внешнеполитических акций, имевших антисоветскую направленность.

Согласие советской стороны на польское предложение политические круги Польши приняли с явным удовлетворением. Газета «Эпока», выражавшая взгляды министерства иностранных дел, писала: «Это согласие встречено в Польше с искренним одобрением. Со всей готовностью следует признать, что подписанный таким образом региональный протокол будет важным шагом на пути к стабилизации мира в Восточной Европе. Что касается польско-советских отношений, то согласие Советского правительства является положительным фактором во взаимном сближении взглядов обоих государств на дальнейшее формирование политических отношений»⁴⁹.

Успешное окончание польско-советских переговоров явилось неожиданностью для правящих кругов Литвы и Германии, надеявшихся, что они потерпят фиаско⁵⁰. Перспектива улучшения польско-советских от-

⁴⁶ «Документы внешней политики СССР», т. XII, стр. 55—58.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Эпока», 2 II 1929.

⁵⁰ «Przegląd polityczny», 1929, t. X, z. 2, s. 53.

ношений вызвала сильное беспокойство у правительства Германии. Министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штреземан считал, что введение в действие пакта Бриана — Келлога между Польшей и СССР приведет к общему улучшению польско-советских отношений и в значительной степени усилит позиции Польши на западе⁵¹. А это противоречило целям германской дипломатии.

9 февраля 1929 г. в Москве представители Эстонии, Латвии, Польши, Румынии и Советского Союза подписали протокол⁵². В соответствии с положениями протокола, подписавшие его обязывались ввести в действие пакт об отказе от войны как средства национальной политики, подписанный в Париже 27 августа 1928 г. Участники протокола заявляли, что пакт вступит в силу во взаимоотношениях между ними вне зависимости от условий, содержащихся в параграфе III этого пакта. Они должны были представить ратификационные грамоты правительству СССР в недельный срок со дня ратификации протокола. Протокол входил в силу между двумя договаривающимися сторонами после сдачи ими ратификационных грамот. Для остальных участников он становился обязательным с момента представления ратификационных грамот. К протоколу могло присоединиться любое, выразившее желание государство. Соответствующая нота направлялась Советскому Союзу, который был обязан сообщить об этом остальным участникам протокола. В короткое время к Московскому протоколу присоединились Турция (27 февраля 1929 г.), Иран (3 апреля), Литва (5 апреля).

Выступая с предложением подписать протокол о досрочном введении в жизнь пакта Бриана — Келлога со своими соседями, Советский Союз имел в виду важные политические последствия этого документа. В речи при подписании Московского протокола М. М. Литвинов подчеркнул, что введение в жизнь пакта поможет достичь взаимопонимания в вопросе разоружения, который Советское правительство считало одним из основных в международных отношениях того периода. М. М. Литвинов отметил, что подписание Московского протокола не только ускорило введение в действие пакта Бриана — Келлога, но и создало реальные условия для улучшения отношений Советского Союза с его западными соседями, упрочения мира в Восточной Европе⁵³. Таковы были главные предпосылки, которые побудили Советский Союз выступить с инициативой подписания протокола.

Польское правительство, по словам А. Залеского, подписывая Московский протокол, «стремилось доказать, что каждое действие, направленное на упрочение мира, всегда будет принято положительно. Особенно это касается нашего восточного соседа, который таким образом получает гарантию в том, что любое обвинение Польши в агрессивных действиях по отношению к какому-нибудь из наших соседей явится совершенно необоснованным. Я надеюсь, что этот пакт будет способствовать дальнейшему развитию наших отношений с Советским Союзом»⁵⁴.

Московский протокол получил одобрение польской общественности, что нашло свое выражение в выступлениях прессы и большинства депутатов сейма.

По мнению польской дипломатии, обращение Советского правительства к Польше с предложением подписать протокол свидетельствовало

⁵¹ Archiwum des Auswartiges Amt. Депеша Г. Штреземана немецкому послу в Варшаве от 18 января 1929 г.

⁵² Текст протокола см.: «Документы внешней политики СССР», т. XII, стр. 68—70; «Przegląd polityczny», 1929, приложение к т. X, з. 2, с. 28—33.

⁵³ «Документы внешней политики СССР», т. XII, стр. 67.

⁵⁴ «Monitor Polski», 1929, № 35, с. 3.

о росте значения ее в Восточной Европе. Согласие Советского Союза на одновременное подписание всеми участниками протокола она рассматривала не только как уступку Польше, но и как проявление равного подхода СССР ко всем западным соседям. Польская сторона считала, что, настаивая на одновременном подписании протокола, она подняла свой престиж среди остальных участников. Доказательством справедливости этого, по словам вице-министра А. Высоцкого, являлась позиция Эстонии, полностью поддерживавшей Польшу в ходе переговоров⁵⁵. Согласие Латвии с польской позицией свидетельствовало о победе в этой стране правых кругов, проводивших в течение всех 20-х годов в сотрудничестве с Польшей антисоветскую политику.

Польская дипломатия считала большим своим достижением то, что протокол был одновременно подписан союзницей Польши — Румынией и Советским Союзом — государствами, не поддерживающими дипломатических отношений⁵⁶. Инициатива Польши в этом отношении полностью одобрялась румынскими политическими кругами⁵⁷. Подписание протокола СССР и Румынией не означало отказа Советского Союза от прав на Бессарабию. Об этом ясно говорил во время подписания протокола М. М. Литвинов⁵⁸. Советская позиция через несколько дней была вновь подтверждена в «Известиях», выступивших специально по этому вопросу в связи с ошибочной интерпретацией Московского протокола в польской и румынской прессе⁵⁹. Присоединение Румынии к протоколу явилось значительным сдвигом в советско-румынских отношениях и в будущем способствовало установлению дипломатических отношений между обеими странами.

Посланник Польши в Москве расценивал протокол как исходный пункт для возобновления переговоров с СССР по поводу пакта о ненападении или торгового соглашения⁶⁰. Подобной же точки зрения придерживался представитель правых сил, известный политик и публицист Ст. Строньский, который заявлял в сейме: «Мы являемся наиболее решительными сторонниками того, чтобы московский договор был не концом, а началом деятельности, целью которой является создание договора о ненападении между Польшей и Советской Россией». Только в таком аспекте, по его мнению, протокол сможет выполнить свои функции; иначе с момента ратификации пакта всеми первоначальными участниками он потеряет свое значение⁶¹.

После подписания протокола возрос польский экспорт в Советский Союз. В 1930 г. экспорт Польши в СССР составлял 135 млн. руб., в 1931—108 млн. руб. по сравнению с 25 млн. руб. в 1928 г.⁶². Польско-советские переговоры о заключении пакта о ненападении, прерванные в 1927 г., возобновились только в 1931 г.

Положительным следствием подписания Московского протокола было уменьшение напряженности обстановки в Восточной Европе, особенно в отношениях между Советским Союзом, Польшей и Румынией. Благодаря этому наметились возможности урегулирования спорных проблем между Советским Союзом, Польшей и другими странами Восточной Европы.

⁵⁵ Archiwum MSZ, P-VI, 48, t. 8. Инструкция вице-министра А. Высоцкого по поводу подписания Московского протокола от 9 февраля 1929 г.

⁵⁶ Archiwum Akt Nowych. Protokoły posiedzeń Rady Ministrów RP., t. 46, k. 615.

⁵⁷ Archiwum MSW, A-II 118, t. I, d. 32.

⁵⁸ «Документы внешней политики СССР», т. XII, стр. 66—68.

⁵⁹ «История международных отношений», т. I, стр. 330.

⁶⁰ Archiwum Akt Nowych, Adiutantura Belwederu, t. 6, s. 9—12.

⁶¹ «Sprawozdanie stenograficzne z posiedzenia Sejmu RP z dnia 13 III 1929 г.».

⁶² «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.». М., 1960, стр. 26.

И. С. ТУРГЕНЕВ И СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литературное творчество И. С. Тургенева было во второй половине XIX в. в центре внимания европейской интеллигенции. Тургенев открыл широкие возможности для проникновения русской литературы в мир. В европейских литературных кругах второй половины XIX в. он был своего рода мерилom ценности русской литературы.

Литературы балканских народов и народов придунайских земель были задержаны в своем развитии общественно-историческими факторами. Вторая половина XIX в. стала для них временем, когда они спешно нагоняли упущенное. Внутренние творческие импульсы побуждали национальную интеллигенцию этих народов следить за тем, что происходит в более развитой культурной среде. Так, Тургенев сравнительно рано вошел в сферу литературных интересов народов придунайских и балканских стран. Произведения Тургенева у венгров стали появляться в начале 50-х годов прошлого века, а первый его роман, переведенный на венгерский язык, появился в 1862 г.¹ Первые переводы Тургенева у румын сделаны в конце 60-х годов, а его романы вышли на румынском языке в начале 70-х годов². В конце 70-х — начале 80-х годов произведения Тургенева появляются и на болгарском языке, а его романы переводятся на болгарский в середине 80-х годов³. Первое знакомство с Тургеньевым сербов и хорватов происходит в конце 50-х годов, в период, когда ослабеваеt, а затем и рушится баховский абсолютизм в Австро-Венгрии. Впервые романы Тургенева переводятся на сербско-хорватский язык в 1869 г.⁴ В этом году вышли «Дым», «Накануне», «Отцы и дети». Совершенно не случайно, что именно эти три романа появились одновременно⁵. Это был переломный момент в истории сербской общественной и эстетической мысли, ознаменовавший обострением литературной борьбы: мы имеем в виду открытое столкновение романтизма с реализмом, которое готовилось интенсивным подспудным развитием духовной жизни сербов

¹ См. А. Д и о с е г и. Венгерские исследователи Тургенева. В кн. Венгерско-русские литературные связи. М., 1964.

² См. В. Ч о б а н у. Творчество Тургенева в Румынии. В кн. Румынско-русские литературные связи. М., 1964.

³ См. В. В е л ч е в. Тургенев в Болгарии (вторая половина XIX века). Годичник на Софискитя университет. Филологически факултет, том LIV, 3, 1959—1960, София, 1961.

⁴ О Тургеньеве у сербов и хорватов см. Т. М а р е т и ć. I. S. Turgenjev u hrvatskim i srpskim prijevodima. Krićko-bibliografićki prijevled. Rad JAZU, Zagreb, 1904; А. П о г о д и н. Руско-српска библиографија 1800—1925. Књ. I. Књижевност, део I, Београд, 1932; Књижевност, део 2, Београд, 1936; Й. Б а д а л и ч. Иван Сергеевич Тургеньев в хорватској литератури. В кн. Русские писатели в Югославији. Из истории русско-югославских литературных связей. М., 1966; В. В у л е т и ч. Тургеньев код Срба у шездесетим и седамдесетим годинама XIX века. Годипшњак филозофског факултета у Новом Саду, XI, 1968.

⁵ «Дым» вышел отдельным изданием, «Отцы и дети» и «Накануне» — в журналах.

уже почти с начала 60-х годов. В конце 60-х годов сербские сторонники реализма в литературе и материализма в философии интенсивно переводят философские и литературные произведения, которые утверждают их позиции в борьбе против романтизма и идеализма⁶. Среди крупнейших европейских писателей и философов особым вниманием у сербов пользуются Гоголь, Тургенев, Чернышевский и Писарев. Тургеневские романы «Отцы и дети», «Дым», «Накануне» встретили сочувственный отклик сербских революционных демократов и читались с большим интересом; дело в том, что в сербском обществе значительное влияние имели люди типа Елены Стаховой, Инсарова, Базарова. Инсаров и Елена Стахов привлекли внимание сербской революционно-демократической интеллигенции своей устремленностью к идеалам лучшего будущего, а Базаров — своим интеллектуальным проникновением в новые области человеческого духа, своим решительным отрицанием старого мира.

Молодая сербская интеллигенция того времени много знала о Тургеневе, значительно больше, чем можно заключить по написанному о нем в сербской печати 60-х годов. Это совершенно понятно. Многие молодые сербы учились в России и были свидетелями появления тургеневских произведений на русском языке и их отклика в среде русской интеллигенции. Они были свидетелями ожесточенной полемики вокруг Базарова между «Современником» и «Русским словом». Тургенев был в ту пору одним из наиболее известных и наиболее переводимых русских и европейских писателей. Сербские студенты в Германии, Австрии, Франции, Швейцарии и Венгрии могли знакомиться с произведениями Тургенева по немецким, французским и венгерским переводам; в этих же странах легко было почерпнуть сведения о жизни и деятельности писателя. Интеллигенция Нового Сада, который все еще был в ту пору средоточием сербской духовной жизни, следила за венской и пештской печатью.

Уже в начале 70-х годов выходят на сербско-хорватском языке и два других романа Тургенева — «Дворянское гнездо» и «Рудин». До 1883 г. (год смерти писателя) на сербско-хорватский язык были переведены рассказы из цикла «Записки охотника», все романы, а также повести и стихотворения в прозе. Тургенев не только знал об этих переводах, но и собирался изучить сербско-хорватский язык, чтобы иметь возможность следить за развитием культуры и литературы сербского народа⁷.

При рассмотрении вопроса о роли Тургенева в сербской литературе надо иметь в виду, что он вошел в нее свыше ста лет тому назад, что в отдельные периоды его роль была исключительно велика, в другие — ослабевала, но она никогда не сходила на нет. Не удивительно, что воздействие Тургенева было наиболее значительным в начальный период развития сербской реалистической литературы (60—80-е годы прошлого века)⁸.

Тургеневское влияние способствовало идейному созреванию сербской революционно-демократической интеллигенции независимо от того, принимала ли она его идейные позиции в целом или их оспаривала. И в том и в другом случае творчество Тургенева играло исключительно положи-

⁶ Об этом см. отдельно: Ј. Скерлић. Омладина и њена књижевност. Београд, 1906; е го же. Светозар Марковић, његов живот, рад и идеје. Београд, 1910; В. Р. Вулетић. Светозар Марковић и руски револуционарни демократи. Нови Сад, 1964.

⁷ См. Д. Перовић. Тургенев и е го сербски преводчик. В кн. И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статје и материјали. Орел, 1960.

⁸ Большой фактический материал систематизирован и обработан автором настоящей статьи: В. Вулетић. Тургењев код Срба у шездесетим и седамдесетим годинама XIX века. Годишњак философског факултета у Новом Саду, XI, 1968 (есть резюме на русском языке).

тельную роль. Его произведения, переведенные на сербско-хорватский язык, как бы вращались в сербскую среду и сербскую общественную мысль. Несмотря на то, что в конце 60-х и в 70-е годы у сербов еще не было профессиональной критики в современном значении этого понятия (если не считать Светислава Вуловича), обращает на себя внимание то, что переводчики, которые сопровождали обычно свои переводы произведений Тургенева предисловиями или послесловиями, понимали все значение своего труда и ценность тургеневских произведений. Не удивительно, что идейная сторона часто была решающей в вопросе о переводе произведений Тургенева. Так, Илия Вучетич, юрист и видный деятель Омладины, пишет в предисловии к своему переводу «Дыма» в 1869 г.: «Во всех его произведениях им руководит одна главная цель: все, что стоит у русского народа на пути, что мешает ему развиваться и идти вперед, все это он отбрасывает, безжалостно разрушает и низвергает»⁹. Переводчик подчеркивает, что есть люди, которые думают, что любовь к своему народу они засвидетельствуют, «если будут только превозносить его хорошие стороны», «если вознесут до небес и те воображаемые достоинства, которых нет у народа или которые скорее могли бы рассматриваться как его недостатки». Вучетич считает, что народу нельзя таким путем принести пользу. По его мнению, Тургенев показал, что истинный патриот тот, «кто открыто и смело говорит народу об ошибках, отравляющих его душу и тело, подтачивают корень жизни, препятствуют его свободному развитию и истинному прогрессу»¹⁰. А журнал «Млада Србадија», рецензируя отдельное издание «Отцов и детей» на сербско-хорватском языке, призывает сербских писателей «пойти тем путем, каким пошли русские, естественно на нашей народной почве»¹¹.

Журнал «Млада Србадија» был органом либерального крыла Омладины; уже в первых номерах Владимир Йованович, один из вождей либералов, начал печатать свой проникнутый националистическими идеями труд «Источники силы и величия сербов», который послужил непосредственным поводом для выступлений революционного демократа Светозара Марковича против либерального крыла омладинского движения. Этот факт повлиял на отношение журнала к роману Тургенева. Вот как автор статьи завершает свое суждение о нем: «С авторской тенденцией мы вообще не согласны, однако не боимся, что у нас найдутся ее последователи, так как, во-первых, радикализм у нас не так силен, как в России, а, во-вторых, и отпор консерваторов у нас слабее, чем там, и свободные мысли, внедряемые в здоровое сознание нашего народа, смело проникают во все уголки наших земель и во все слои нашего общества»¹².

А вот что писал Владан Арсениевич в предисловии к своему переводу «Рудина»: «Во всех этих произведениях (речь идет о произведениях Тургенева. — В. В.) представлены картины только из жизни, в них вытаспены на свет божий недостатки и пороки как отдельных людей, так и целого общества. Он их описывает, чтобы народ яснее их видел и знал, чтобы он задумался над тем, как их искоренить и уничтожить»¹³. Таких и подобных мыслей по поводу произведений Тургенева высказано на страницах сербской печати во второй половине 60-х и в 70-е годы очень много. До середины 70-х годов Тургенева переводили и популяризировали у сербов представители сербской интеллигенции из Воеводины, чер-

⁹ «Дим». Од Ивана Тургењева. У Пешти, 1869. Предговор, стр. X—XI.

¹⁰ Там же, стр. XIII.

¹¹ «Млада Србадија», Нови Сад, I, № 4, 1870, стр. 192.

¹² Там же, стр. 193.

¹³ «Руђин». Роман Ивана С. Тургењева, с руског превео Владан Арсенијевић. У Новом Саду, 1872, стр. III. Арсениевич перевел и роман «Отцы и дети».

павшие свои сведения о русской литературе преимущественно из немецких и венгерских источников. Во второй половине 70-х годов переводчиком и критиком Тургенева становится совсем иного рода человек. Речь идет о Пере Тодоровиче, революционном демократе, соратнике и личном друге Светозара Марковича¹⁴. Он отлично знал современную русскую литературу и русскую общественную мысль, был убежденным сторонником крайне левых идейных течений, сочувственно относился к концепциям Писарева. Яркий публицистический талант Тодоровича и его завидная литературная культура вполне соответствовали той сложной задаче, решение которой он взял на себя как переводчик и критик произведений Тургенева.

Участник освободительных войн 1876—1878 гг., Тодорович пугал реакционные круги сербского княжества во главе с князем Миланом и в конце 70-х годов был выслан из Сербии. Он нашел убежище в Новом Саде. Вместе со своим другом Лазо Пачу он основал журнал «Стража», начал переводить русских писателей — Гоголя, Тургенева, Писарева, Салтыкова-Щедрина и печатать свои «Литературные письма»¹⁵.

Роман Тургенева «Ночь» Тодорович начал переводить сразу же, как он появился в январской книге «Вестника Европы» за 1877 г. Первая книга этого романа вышла на сербско-хорватском языке в конце того же года, а вторая книга — весной 1878 г. Сам факт, что этот роман увидел свет в сербском переводе так быстро, говорит о том, какова была популярность Тургенева среди сербов и как много они ждали от его романа. Тодорович написал к первой книге короткое предисловие, а ко второй — обширное послесловие. Тодорович, отличный знаток обстановки в России, говорит в своем послесловии: «Сотни и тысячи отцов, матерей, сестер, родственников и друзей, чьи сыновья и дочери, родные и знакомые были осуждены и сосланы в Сибирь за свои социалистические убеждения, жадно стремились услышать, что обо всем этом скажет Тургенев: заплачет ли он вместе с ними над молодыми жизнями, которые стали окровавленными жертвами насилия, или и он разразится над свежими могилами старческими упреками и проклятиями...»¹⁶. Тодорович особенно подчеркивает, что русские и сербские общественные и литературные круги с полным основанием ожидали тургеневской оценки последних событий в России, ибо «он был одним из первых среди тех, кто умел почувствовать, осознать и понять любое новое начало, влияющее в развитие, прогресс, сознание, направление и устремление лучшей части русского общества»¹⁷.

Какова же оценка Тодоровичем тургеневского романа? Сербский критик отвергает мнение Тургенева о революционерах, выраженное им в образе Нежданова. Видный деятель сербского революционно-демократического движения, испытавший на себе гонения сербской княжеской полиции, Тодорович очень хорошо представлял себе условия, в которых жили и работали русские народники. Он досконально знал русскую действительность того времени и понимал, что надо было иметь огромные моральные, интеллектуальные и физические силы, чтобы выстоять в борьбе. Поэтому он считал, что Тургенев создал не истинный образ русского социалиста, а «нарисовал картину неверную, искаженную, уродливую». Тодорович протестует против того, что Тургенев изображает со-

¹⁴ Маркович умер в конце февраля 1875 г., на тридцатом году жизни.

¹⁵ См. В. Р. В у л е т и й. Светозар Маркович и руски революционари демократи. Нови Сад, 1964, стр. 217—220.

¹⁶ «Новина». Роман И. С. Тургењева. С руског превео П. Тодоровић. Свеска друга. У Новом Саду. 1878. Поговор, стр. 226.

¹⁷ Там же, стр. 226—227.

циалистов как людей поверхностных, среди которых нет ни писателей, ни ученых. Поэтому он обращается к своим читателям со следующими словами: «Между тем общеизвестен тот факт, что среди русских социалистов были и есть очень даровитые писатели, выдающиеся мыслители и ученые. Такими были, например, великие критики и публицисты Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Писарев. Бакунин был превосходным знатоком немецкой философии, одаренным собеседником и сильным диалектиком. В их числе Флеровский — видный русский статистик, старик Лавров — широко известный ученый, глубокий мыслитель, по сей день все его считают самым большим знатоком немецкой философии. Здесь же известный киевский профессор Драгоманов, представитель молодых сил, хороший лингвист, этнограф и очень глубокий знаток славянских литератур. И геолог Кротоцкий, талантливый переводчик Спенсера, и поэты — Михайлов, Огарев, и, наконец, Некрасов, и многие другие профессора, литераторы и ученые»¹⁸. Эти факты и их объяснение говорят не только об идейной ориентации сербского критика и об его отношении к идейной направленности тургеневской «Нови». Они свидетельствуют о хорошей осведомленности автора и о том, что он активно подходил к этому роману: защищая русских революционных демократов и народников, он защищал и сербское революционно-демократическое движение и его наиболее видных представителей.

Тодорович считает, что Тургенев просто-напросто не повял новое русское поколение и что он дал в образе Нежданова лишь его периферийных представителей. Нежданов кончает жизнь самоубийством, потому что оказался между двумя гигантскими силами — пассивной мощью народа и организованной властью государства. Привести в движение и оживить первую он не смог, стать на сторону второй — не хотел. Сербский критик считает, что народ совсем не так пассивен и что самоубийство — не выход из трудного положения для настоящего революционера. Но Тодорович не отрицает роман в целом, он считает, что образы либералов художественно очень убедительны. Как полемист и человек действия, Тодорович анализирует образы Сипягина и Калломейцева и делает публицистически заостренный вывод: «Итак, как видят читатели, г. Сипягин выглядит прекрасным человеком во всех отношениях. И все Сипягины на свете так выглядят, потому что все они одинаковы. Познакомьтесь с живущими в Петрограде, и вы будете знать тех, кто живет в Париже, Берлине, Белграде, Новом Саде и т. д. Все они выглядят людьми принципиальными, твердого характера, сердечными, вылощенными. Но прошу вас, не останавливайтесь только на внешнем поверхностном их облике»¹⁹.

Как объяснял Тодорович половинчатый успех тургеневского романа? Он слишком ценил талант великого русского писателя, слишком уважал его личность, чтобы мог оставить этот факт без объяснения. На вопрос, удалось ли Тургеневу изобразить новое русское поколение, Тодорович отвечает: «Тургенев романист-реалист, т. е. он должен изображать подлинную жизнь, а не ту, какую он мог бы вообразить, сидя в своем кабинете. А между тем у него не было достаточных контактов с русской новью и он не мог в полную меру следить за ее жизнью, деятельностью и развитием»²⁰. Тодорович, как мы видим, не искал причины подобного явления в мировоззрении Тургенева и в его либерализме.

Такие взгляды Тодоровича совпадали с взглядами русского революционного народничества и нашли живой отклик у сербской и русской общественности. Для изучения русско-сербских литературных связей

¹⁸ Там же, стр. 242.

¹⁹ Там же, стр. 315.

²⁰ «Стража», I, Нови Сад, септембар 1878, стр. 4.

во второй половине XIX в. не безразлично знать, как были встречены комментарии Тодоровича к «Нови» редакцией «Вестника Европы», которому Тургенев в идейном отношении был очень близок и где он печатал свой роман.

В декабрьской книге русского журнала за 1877 г. появилась рецензия А. Н. Пыпина на сербско-хорватский перевод первой книги «Нови». Великолепный знаток сербской литературы и сербской жизни, Пыпин пишет в этой рецензии: «Новая сербская литература, при всей ограниченности ее размеров, едва ли не живее, чем остальное славянство, отзывается на новейшие общественные вопросы, и между прочим, больше интересуется русской литературой. Правда, и чехи, например, кое-что переводят с русского, но их литературные школы мало похожи на широкий реализм нашей новой литературы, и они, по-видимому, не имеют к нему особенного сочувствия. В сербской литературе можно видеть другие признаки. Любопытно заметить, что эта литература, видимо, сознательно старается познакомить сербов с последними течениями русской общественной литературы, а в программе издания «Малой библиотеки» мы находим имена особенно популярных из новых русских писателей. Мы не можем, конечно, не сочувствовать этому направлению сербских литературных интересов»²¹. В дальнейшем разборе перевода и предисловия Перы Тодоровича к тургеневскому роману Пыпин выделяет левые взгляды сербского критика, полемизирует с ним и спрашивает: «Нужна ли в Крагуевце такая проповедь «социализма», о которой говорит автор?»²². Несколькокими номерами позже «Вестник Европы» публикует еще одну заметку А. Н. Пыпина в связи с выходом второй книги «Нови» на сербско-хорватском языке. «Не по примеру других славянских писателей, — говорит Пыпин, — обыкновенно очень мало знающих русскую литературу, г. Тодорович говорит, видимо, с знанием ее условий и умеет достаточно правильно понять и представить отношение автора к сюжету его романа»²³. И в этой заметке, как и в другой очень доброжелательной, о новосадском журнале «Стража»²⁴, Пыпин осторожно полемизирует против крайне левых взглядов Тодоровича. Все три заметки свидетельствуют о том, что редакция «Вестника Европы» с симпатией относилась к стремлению передовой сербской интеллигенции познакомить сербский народ с новейшими течениями в русской литературе и русской общественной жизни, но что ей не нравились крайне левые настроения сербских революционных демократов²⁵.

Творчество Тургенева играло значительную роль и в дальнейшем развитии сербской общественной мысли и литературы. Идейное содер-

²¹ Д. [А. Н. Пыпин]. Сербский перевод тургеневской «Нови». «Вестник Европы», двенадцатый год, т. VI, кн. 2-я, декабрь 1877, стр. 875.

²² Там же, стр. 877.

²³ Д. [А. Н. Пыпин]. Начатки литературной солидарности. «Вестник Европы», тринадцатый год, т. IV, кн. 8-я, август 1878, стр. 826.

²⁴ «Литературное обозрение». «Вестник Европы», четырнадцатый год, т. I, кн. 2-я, февраль 1879, стр. 775—782.

²⁵ Выступление Пыпина против левых взглядов Перы Тодоровича выражало не только общую идейную ориентацию «Вестника Европы», но и имела совершенно конкретный повод. Пыпин был очень сердит на П. Л. Лаврова, который опубликовал в эмигрантском журнале «Вперед» роман Н. Г. Чернышевского «Пролог пролога», единственный экземпляр рукописи которого был у Пыпина. Пыпин боялся за судьбу Чернышевского, и без того трагичную. Переписка с редакцией журнала «Вперед», которая длилась с января по апрель 1877 г., была резкой. Именно поэтому относился Пыпин ко всем крайне революционным течениям в ту пору с большей критичностью, чем обычно. См. В. А. Ляцкая. Воспоминания о А. Н. Пыпине. Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел. Архив А. Н. Пыпина, ф. 62, ед. хр. 1117.

жание романов русского писателя, его рассказов и драм, которыми сербский театр специально заинтересуется в 80- и 90-е годы прошлого века, помогало выявлению позиций по целому ряду чисто сербских явлений идейной жизни. Кроме того, комплексность тематического охвата указывала сербской интеллигенции на возможность более широкого всестороннего подхода к жизни своего собственного народа. Бесспорным фактом в сербском литературоведении остается то, что искусство Тургенева, вместе с творчеством Гоголя, Салтыкова-Щедрина, критикой Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева способствовало более быстрому идейному созреванию передовой сербской интеллигенции и демократического движения, которое несколько позже послужило почвой для возникновения сербского рабочего движения.

Рассказы, романы и драмы Ивана Сергеевича Тургенева способствовали своими художественными достоинствами росту и воспитанию литературного вкуса у сербской читательской публики и сербских писателей реалистического направления. Художественная убедительность тургеньевских образов побуждала многих сербских писателей в таком же духе воплощать в художественных формах сербскую общественную жизнь. Если учесть, что все произведения Тургенева были переведены на сербско-хорватский язык еще при жизни писателя, а многие из них издавались по нескольку раз и охотно читались и комментировались, не будет слишком смелым утверждать, что эти произведения имели сильное воздействие на подъем общей и литературной культуры сербского народа во второй половине XIX в. Сербская литература в ту пору уже имела свою сильную и глубокую традицию, она уже прошла несколько фаз развития — от просветительства и Досифея Обрадовича, через Вука Караджича и романтизм — к реализму и Светозару Марковичу. Надо отметить и то, что уже в бурное течение сербской поэзии в ту пору вошла поэзия Негоша, Бранко Радичевича, Джуры Якшича, Йована Йовановича Змая и Лазы Костица, что в основу сербской литературы легло редкостное богатство народной эпической и лирической поэзии, что сербская проза уже имела несколько таких ярких индивидуальностей, как Вук, Прота Матея Ненадович, Степан Митров Любиша и Яков Игњатович. В то время, когда творчество Тургенева осваивалось сербской литературой и культурой, на литературное поприще вступали первые сербские реалисты — мастера рассказа: Милован Глишич, Лаза Лазаревич, Янко Веселинович, несколько позже Стеван Сремац, Симо Матавуль и Светлик Ранкович. Сербская литературная традиция способствовала сознательному обращению к Тургеневу и его творчеству, глубокому пониманию того, что оно может и должно содействовать ускорению развития сербской литературы.

Помимо того, что творчество Тургенева воспитывало литературный вкус, что оно побуждало сербских писателей к совершенствованию своего художественного мастерства, его особая роль была в формировании сербской реалистической поэтики. Сербская критика не упускала случая подчеркнуть, что Тургенев строит свой поэтический мир на внимательном изучении реальной жизни. «Мы всё видим своими глазами, слышим разговор своими ушами. Всё это живет перед нами, мы и подумать не можем, что читаем об этом по мертвой бумаге. Именно в этом изображении человека Тургенев велик, непревзойден»²⁶. Сербские критики отмечали, что поэтичность его произведений — составная часть реализма, и охотно это подчеркивали. Выделяя поэтические качества тургеньевских

²⁶ «Руђин». Роман Ивана С. Тургенева, с руског превео Владан Арсенијевић. У Новом Саду, 1872, стр. II.

стихов в прозе, Милан Данин еще в 1883 г. в предисловии к своему переводу обратил внимание на их чисто поэтические черты и отметил, что они «раскрывают душу писателя», что они «переливаются всеми цветами». «Боль и радость, надежда и отчаяние, озлобление и блаженство, любовь и дружба, мечтательная фантазия и строгое размышление, — все это вместе с другими чувствами составляет сложное кружево, основа которого — всеобъемлющая любовь, а узор — коротенькие очерки, краткие, но глубоко содержательные»²⁷. А рецензент белградского журнала «Србадия», подчеркивая разносторонность таланта Тургенева, пишет: «До сих пор мы знали Тургенева как анатома, который своим скальпелем обнажает все до мельчайших деталей в характерах и ситуациях, в которые попадают его герои. В этом произведении, напротив, мы видим только его самого, здесь собраны крупницы его души в зависимости от обстоятельств, в которых он их замечал. Его личность, его сердце в каждой строке выдвигаются на первый план, и, читая это, мы словно слышим напевы, которые в неодолимом полете разрушают преграды метрики, чтобы вылиться в безбрежную прозу»²⁸.

Реализм и поэтичность произведений Тургенева не были единственными компонентами, которые влияли на подъем литературной культуры сербов, на создание такой атмосферы, в которой бы сербские прозаики стремились к более высоким формам художественной выразительности. Способность Тургенева сочетать внутреннюю жизнь своих героев с объективным материальным миром, способность дать отпор абсолютному господству объективного и посмотреть на своих героев как на личности с глубоко развитым внутренним миром, его умение создавать выразительные характеры и рельефные художественные картины оказывали воздействие на сербские читательские круги и на литературную критику. Тургеневский пейзаж привлекал особое внимание. Эстетическая и психологическая функциональность его пейзажа привела к тому, что природа в изображении Тургенева не превратилась в мертвую декорацию, равнодушную ко всему, что вокруг нее происходит, она всегда свежа, неповторима, художественно выразительна и активна. Сербская критика подметила все эти стороны тургеневского искусства и обратила на них внимание читательских кругов и писателей.

Не только романы Тургенева, но и «Записки охотника» были хорошо известны и охотно читались в период становления сербского реализма²⁹. Особенно привлекательным в «Записках охотника» для сербского читателя оказалось мастерское умение автора сочетать жанровое своеобразие рассказа, новеллы с элементами очерка, с очевидной установкой на реальный жизненный факт и на всесторонний его анализ. В частности эта особенность благотворно повлияла на одного из наиболее значительных сербских писателей-реалистов XIX в. Лазу Лазаревича³⁰.

Отношение Л. Лазаревича к русской литературе и, в частности, к Тургеневу, было постоянным и длительным. Уже в студенческие годы, когда он изучал медицину в Берлине, он имел возможность слышать о Тургеневе, читать его в оригинале, на сербско-хорватском и немецком язы-

²⁷ Там же.

²⁸ «Србадија», III, № 5, Београд, 1883, стр. 235.

²⁹ Некоторые рассказы из этого цикла переведены в конце 60-х годов. В конце 70-х и в 80-е годы переведен весь цикл, а некоторые его рассказы перепечатывались по нескольку раз.

³⁰ Лаза Лазаревич (1861—1890) — талантливый сербский новеллист XIX в. Он начал свою литературную деятельность с переводов из русской литературы: в ноябрьском номере новосадского журнала «Матица» за 1869 г. Лазаревич поместил перевод отрывка из романа Чернышевского «Что делать?» под заглавием «Чудак». С того времени и до конца своей жизни внимательно следил за русской литературой.

ках. Человек тонкой душевной организации, художник необычайно талантливый, Лазаревич нашел в Тургеневе первоклассного учителя литературного мастерства. Этот живой контакт Лазаревича с Тургеневым и русской литературой позже дополнится его контактами с немецкой прозой. Наследуя традиции родной литературы, Лазаревич в любых обстоятельствах подчеркивал свою искреннюю любовь к России и русской литературе. Внутренняя природа Лазаревича, отточенная и развитая его образованием, определила характер его рассказа, который в значительных своих элементах, как и у Тургенева, совпадал с очерком, а в других, не менее значительных, отталкивался от него. Яркая, творческая индивидуальность, Лазаревич, следуя примеру Тургенева, пошел путем «до-страивания» очерка, прежде всего в смягчении его слишком жесткой формы и его публицистичности. Как и Тургенев, он в своем рассказе максимально транспонирует материал, подчиняясь исключительно законам художественного творчества, ни на минуту не допуская, чтобы материал подавил его. В процессе роста Лазаревича как писателя Тургенев сыграл очень значительную роль.

Тургенев стал как бы своим в сербской литературе. Его большой успех у сербских писателей, литературных критиков и читателей свыше ста лет тому назад обеспечил ему постоянное место в сербской культуре.

Л. А. ЗАРУБИН

СХОДНЫЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЫЧАИ У ИНДОАРИЙЦЕВ И СЛАВЯН

Советскими учеными Ю. П. Францевым, В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым, С. Н. Токаревым, А. Ф. Лосевым, И. С. Брагинским, А. И. Немировским и другими написаны ценные исследования о первобытной религии египтян, греков, славян, ираноарийцев, римлян и некоторых других народов.

Фетишистские же обряды индоарийцев и славян изучены еще недостаточно и взаимно не сопоставлялись. Этой теме и посвящена настоящая статья.

Во времена фетишизма, в отличие от последующих времен анимизма, явления природы не казались подчиненными особым божествам, зооморфным или антропоморфным. Люди обращались непосредственно к силам природы с магическими заклинаниями, а также с молитвами и жертвоприношениями.

По-видимому, древнейшими из фетишистских обрядов следует считать магические действия; некоторые из них известны еще по памятникам палеолита (верхнего) и неолита. В недавнее время магические обряды наблюдались у аборигенов Австралии, не знавших молитвенных обрядов с жертвоприношениями.

Рассмотрим обряды «магии погоды», сходные у индоарийцев и славян.

I. Магическое вызывание дождя. Обряды по вызыванию дождя были особенно распространены среди сельского населения, так как засуха приносила тяжелые бедствия. Эти обряды можно разбить на несколько видов:

1. Обливание людей водой, иногда сопровождаемое обрядовыми песнями, распространено было как у индоарийцев, так и у славян.

В Пуне (Западная Индия), когда нужен дождь, юноши выбирают «царя дождя» и раздевают его донага, нарядив в покров из листьев. После этого они обходят все дома селения. Хозяева брызжут на «царя дождя» водой и раздают его компании всякие съестные припасы¹.

У хорватов в Далмации обнаженного парня («прпаца») украшали зеленью и цветами. Его сопровождали другие парни («прпоруши»). Перед каждым домом села «прпаца» обливали водой. В песне, сопровождавшей шествие, просили о ниспослании дождичка, чтобы был урожай пшеницы и винограда. Словенцы, празднуя возврат весны, назначают юношу «Зеленого Егора», убирают его березовыми ветками и купают в реке. Аналогичные обряды выполнялись в некоторых местностях Сербии с участием обнаженной девушки, обвязанной различными травами и цве-

¹ «The Cowley Evangelist», May 1908, p. 111.

тами (обряд «додолы»). В Болгарии при подобных обрядах девушка называлась «дюдюл» (додола?) или «пеперуга». Пеперугу каждая хозяйка дома в селе встречала с котлом воды (в воду были набросаны цветы) и обливала под пение обрядовой песни. Пеперуга получала дары от хозяек². Вот одна из этих песен: «О Пеперуга рудоле! Пусть упадет роса, пусть идет дождь, чтобы пшеница, маис и пшено уродились богато!»³.

Сходные обряды наблюдались также в Германии и у таджиков⁴.

2. В Кумаоне (Сев.-зап. Индия) в прошлом веке, когда долго не было дождя, по народному обычаю погружали брахмана в пруд до самых губ⁵.

В некоторых русских деревнях после молебствия от засухи признавали необходимым выкупать приходского попа, чтобы дождь оросил нивы⁶. Таким образом, к индийским брахманам и русским священникам перешли по наследству магические функции древних племенных «делателей дождя».

3. В Ахмаднагаре (Зап. Индия) перед началом дождливого сезона юноши одной деревни для вызывания дождя вступали в сражение с юношами соседней деревни, вооружившись пращами и камнями. Существовало местное верование, что, если сражение прервать до появления дождя, то возобновление сражения уже будет безрезультатным⁷.

В Болгарии также бытовали подобные сражения. На святках («русалии») создавались дружины юношей или взрослых мужчин, вооруженных топорами и мечами. Древнее дохристианское происхождение этих дружин доказывается тем, что дружинникам нельзя было креститься и поздравлять кого-либо с христианскими святочными праздниками. Дружина одного селения вступала в сражение с дружиной другого селения, причем бывали и убитые, которых хоронили в так называемых «русалийских гробницах». После окончания русальских праздников дружинники шли в церковь, там «освящались» и тем самым вновь вступали в общение с Христовой верой⁸. Смысл этих обрядов был уже утерян. Однако сопоставляя их с аналогичными индоарийскими обрядами, указанными выше, можно предположить, что сражения происходили для вызывания весеннего дождя.

² А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 172 и сл.; Л. Каравелов. Памятники народного быта болгар, кн. I. М., 1864, стр. 242; Д. Маринов. Народна вера и религиозни народни обичаи. София, 1914, стр. 546—552.

³ Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. — «Киевская старина», январь 1889, стр. 79. В некоторых обрядовых песнях, исполняемых при дождевых процессиях, заключены и молебны к христианскому богу о ниспослании дождя, что доказывает их позднее включение в древние магические обряды. Об обрядах обливания водой см. также: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семантические системы. М., 1965, стр. 152—153; П. Динков. Български фолклор. част първа. София, 1959, раздел «Песни за дъжд»; Z. Ujvágy. Une coutume de Slavies du Sud: la «dodola». — «Slavica», III, Debrecen, 1963, s. 131—140; М. Филипов и П. Трагови Перунова култа код Јужних Словена. — В кн. «Гласник Земалског музеја у Сарајеву», свеска 3. Сарајево, 1948, стр. 76—77; Милосављевић. Обичаји српског народа из среза Хомольског. — «Српски етнографски зборник», кн. 19. Београд, 1913, стр. 395.

⁴ И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр. 75; В. Харузин. Этнография, вып. 1. М., 1909, стр. 531.

⁵ Этот брахман, находясь в воде, повторял имя бога дождя. W. S. G. O. O. K. The popular Religion and Folk-lore of Northern India, v. I. Westminster, 1896, p. 73. Таким образом к древнему магическому обряду присоединился и позднейший молитвенный обряд времени анимизма.

⁶ А. Н. Афанасьев. Там же, стр. 179.

⁷ W. S. G. O. O. K. Ibid.

⁸ Д. Маринов. Там же, стр. 332—333.

Битва земная ассоциировалась у древних славян с грозой («небесной битвой»). Подобные сравнения мы находим в «Слове о полку Игореве», в «Слове о великом князе Дмитрии Ивановиче»⁹. Чехи еще в прошлом веке, когда собирались тучи, говорили: «Вот опять вооружаются небесные воины». Магическая связь человеческой крови с водой показана в русских былинах: от крови погибших богатырей начинают течь реки Дунай, Дон, Днепр. Сражения новгородцев на Волховском мосту первоначально были связаны с культом Перуна, бога грозы и войны. Это заставляет предположить, что и они имели магическое значение: вызывание дождя на посевы и пастбища.

4. В зимний солнцеворот индоарийцы времен Вед, чтобы вызвать дождь, простреливали коровью шкуру, которая представляла собой условное изображение тучи, не выпускающей из себя дождь¹⁰. Еще в прошлом веке бхилы (bhils) в Индии, женщины и девушки, во время засухи выходили с пением и плясками, держа в руках луки со стрелами¹¹. У нас в Архангельской области в прошлом веке стреляли на Пасху из ружей с колокольни, чердаков и окон домов¹².

Белорусы во время частых и продолжительных дождей говорят: «небо продралося»¹³.

5. В 1873—1874 гг. в Горахпуре (Сев. Индия) был неурожай и голод из-за продолжительной засухи. Для вызывания дождя производились магические обряды с участием одних женщин. Обнаженные, они ночью шли по полям и волочили за собой плуг. Мужчины при нечаянной встрече с ними уходили с пути.

Подобная процессия наблюдалась во время засухи и в Мирзапурском округе (Сев. Индия). Соблюдая строгую тайну, обнаженные женщины собирались на поле. Двое из них были впряжены в плуг, подобно волам, третья — держала ручку плуга. Начиналась имитация пахоты плугом. Женщина, управлявшая плугом, кричала: «О Мать-Земля! Дай нам сухое зерно, воду и солому. Мы кричим, измученные голодом и жаждой!»¹⁴

Таким образом, здесь к магическому обряду присоединился и молитвенный.

В Чехии в прошлом веке перед началом весенних посевов три обнаженные женщины ночью тащили по полю плуг¹⁵.

«В Червонной Руси вечером накануне Нового года ходили по хатам с плугом и, делая вид, что пахут, посыпали овсом и кукурузой». На Руси в старину «кликали плугу» в начале января¹⁶.

II. Магическое прекращение дождя, грозы, града. В тех случаях, когда длительный дождь или гроза и град могли нанести вред сельскому хозяйству, индоарийцы и славяне совершали сходные магические обряды:

1. В Северной Индии был широко распространен обычай отпугивать тучу бросанием навстречу ей топоров и ножей, чтобы предотвратить градобитие или поражение человека молнией¹⁷.

⁹ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, М., 1869, стр. 113.

¹⁰ H. O l d e n b e r g. Die Religion des Veda. Berlin, 1894, S. 445, 507.

¹¹ W. S t r o o k e. Ibid., v. I, p. 73.

¹² П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. I, М., 1877, стр. 141.

¹³ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, стр. 790.

¹⁴ W. S t r o o k e. Ibid., p. 69, 71—72.

¹⁵ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, стр. 790.

¹⁶ Там же, т. I, М., 1865, стр. 563—564.

¹⁷ W. S t r o o k e. Ibid., p. 34—35.

У славян также употреблялись ножи для отпугивания вредоносных туч. Градоносные тучи на Балканах отпугивались топорами¹⁸. В бурные летние ночи чехи выставляли над стрехою дома топор острием кверху, чтобы предохранить свои нивы от града¹⁹. В Болгарии, чтобы град перешел в дождь, обращали острием к туче топоры и ножи²⁰. В России (Попехонский уезд), чтобы разогнать собирающиеся грозовые тучи, старухи выбрасывали за окно пест со словами: «Иди, гроза, дальше! Пестом убью!»²¹.

Древнерусские «Кормчая» и «Домострой» XVI в. осуждали веру в «громовые стрелки» и «топорки». На Руси считалось, что эти найденные в земле орудия каменного века, а также белемниты (ископаемые моллюски) и фульгуриты, образовавшиеся от удара молнии в песок, предохраняют от ударов молнии.

В Болгарии считалось большим счастьем найти при вспашке полей «громовые стрелы», которые будто бы охраняли дом от всех зол и служили лекарством от разных болезней²².

2. Надвигавшиеся вредоносные тучи индоарийцы и славяне отпугивали также огнем.

Так, в Мадрасе (Индия) надвигавшуюся грозу отпугивает женщина с горящей веткой в руке, обращенной к туче. Злонамеренные люди, заинтересованные в засухе, чтобы дороже продавать свои продуктовые запасы, при появлении дождевых туч выставляют на двор зажженные лампы с топленным маслом, и тучи якобы проходят мимо без дождя. В Бомбее (Индия) против дождевых туч выставляют горящие угли на черепке, чтобы они поглотили вредоносный дождь²³.

В древнеиндийской Каушика-сутре (гл. 38, строфы 1—6) рекомендуется обнаженному мужчине, держащему в руке меч, горящую головню или дубину, выйти навстречу опасной туче, и тогда эта туча пройдет мимо²⁴.

В Симбирской и Тамбовской губерниях весной обходили дворы с горящей свечой, чтобы их не зажгло грозой²⁵.

Чехи в прошлом веке во время грозы для предохранения дома и надворных строений от удара молнии зарывали под порогом избы и затыкали за стрехи сбереженные от Ивановского костра головни и угли или, как только начиналась гроза, жгли на шестке частицы купальских венков. Чехи же разбрасывали по полям и огородам пепел, уголья и головешки, взятые от Ивановского костра, для предохранения своих нив, садов и огородов от непогоды и града. Кроме того, чехи зажигали накануне Иванова дня обмазанные дегтем метлы и бегали, размахивая ими по воздуху²⁶.

У болгар и сербов зажигали свечу вечером 24 декабря. Остаток свечи хранился как средство, предотвращающее разные несчастья, в особенности град. Огонь лампы и свечей у болгар считался отгоняющим злые силы²⁷. У русских «богоявленская свеча» и «четверговая свеча» якобы

¹⁸ K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian. cz. II, z. 1, Kraków, 1934, s. 310; Милосављевић. Там же, стр. 393.

¹⁹ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, стр. 790.

²⁰ Д. Маринов. Там же, стр. 30.

²¹ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, стр. 783.

²² Д. Маринов. Там же, стр. 27—28.

²³ W. Sgrook. Ibid., p. 76—78.

²⁴ V. Непгу. La magie dans l'Inde antique. Paris, 1904, p. 109.

²⁵ «Дух христианина», 1861—1862, декабрь, отдел учено-литературный, стр. 272.

²⁶ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, стр. 715—717.

²⁷ А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929, стр. 242,

защищали от грозы. У белорусов был особый праздник «Громницы», связанный со свечами²⁸.

Магические обряды появились еще при первобытно-общинном строе, когда человеческая речь считалась средством воздействия не только на людей, но и на явления природы.

С началом разложения первобытно-общинного строя, с появлением общественного неравенства, нашедшего отражение еще в «Ригведе» и «Атхарваведе», появились и умиловительные обряды (молитвы и жертвоприношения силам природы) по аналогии с обращением слабых и бедных с мольбами и дарами к сильным и богатым людям племени. Поэтому с течением времени на некоторые магические обряды наслоились и молитвенные обряды с жертвоприношениями. Помимо приведенных примеров, можно сослаться на гимн Атхарваеды (кн. IV, гимн 15)²⁹, особенно интересный в этом отношении. Этот гимн в большей своей части содержит магическое вызывание дождя песнопениями и некоторыми действиями, объявляющими ветры, тучи, молнии, громы, небесное водохранилище, земные водные источники совместно создать дождевые потоки, излить их на жаждущую иссохшую землю. Почитание молнии и грома определяет содержание целого ряда древнеиндийских гимнов. Это типичное фетишистское заклинание «чувственно-сверхчувственных» сил природы. Но в этом же гимне имеются и молитвенные строфы (10, 11, 12), которые были много позднее присоединены к древним магическим строфам. В этих поздних строфах призываются боги времен анимизма: Агни, Праджapati и Варуна и говорится о жертвоприношениях этим богам.

У восточных славян также бытовал в некоторых местностях фетишистский культ грома и молний, в то время как в других местах уже поклонялись антропоморфному богу Перуну: «Человечи начаша жрети молнии и грому ..., а друзии Перену (Перуну)»³⁰.

У болгар даже в начале нашего века были дни (15—17 июля), посвященные огню, молниям и громам и называвшиеся «горешняци», «блъсьци» и «германовци». Существовало поверье, что у того, кто не празднует «горешняци», сгорит дом³¹. Дни эти назывались «злыми», люди испытывали страх перед могущественными силами огня и грозы. В эти дни «ходят уныло, никто ничего не делает, даже хлеба не пекут, женщины поют заунывные песни»³².

В карпато-русской народной песне рассказывается, что светлое солнышко, ясный месяцок и дробен дождичек находятся в гостях у крестьянина. «Дробен дождейко (гварит): „Нет як над мене! Як я преяду три разы на ярь, взрадуютьс жита, пашници, ... все яриници!“ ». Подобно дождю, солнце и месяц также заявляют, что нет никого выше их. Здесь отражено типичное фетишистское воззрение, что каждое явление природы никому не подчинено. Следовательно, к каждой силе природы следует

²⁸ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Там же, стр. 145.

²⁹ См.: «Atharva - Veda Samhita». Translated with a critical and exegetical Commentary by W. D. Whitney. Harvard oriental series, v. VII—VIII. Cambridge, Massachusetts, 1905. В дальнейшем цитируемые гимны Атхарваеды будут приводиться по указанному английскому переводу.

³⁰ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2. М., 1913, стр. 59; «Слово... Иоанна Златоустого», рукопись XIV—XV вв. Павсаний, греческий писатель II в. н. э., сообщает, что в его время, когда почти повсеместно в Элладе почитался антропоморфный бог Зевс-Громовержец, в захолустье Бафосе приносили жертвы молниям, бурям и громам (Павсаний. Описание Эллады, ч. 2. М., 1938—1940, «Аркадия», XXIX, 2). О почитании громового удара у македонцев см. Н. Усенер. Götternamen. Bonn, 1896, S. 186—187.

³¹ Д. Маринов. Там же, стр. 507—508.

³² Л. Каравелов. Там же, стр. 238.

непосредственно обращаться с молитвой, «угощая ее», т. е. принося ей жертву³³.

О почитании тучи с градом говорится в древнерусском переводе «Слова Григория Богослова»: «а ин град чьтет». Крестьяне Саратовской губернии считали, что ежегодно 11 мая не следует работать в поле, чтобы град не выбил хлеба за непразднование будто бы посвященного граду дня³⁴.

III. Моления о дожде. К почитаемым дождегрозовым силам обращались с мольбами. Дождь назывался русскими крестьянами «кормильцем» и при накрапывании первого весеннего дождя к нему обращались с такими призывами: «Поливай, дождь, на бабину рожь, на дедову пшеницу, на девкин лён! Поливай ведром! Дождь! Дождь! припусти посильней, поскорей!», «Уж ты, дождь, дождем поливай ковшом!»³⁵.

Некоторые заклинания дождя дошли до нас в виде детских песенок.

В детских обращениях к дождю и в настоящее время еще слышится отзвук древней молитвы и жертвоприношения: «Дощику, дощику! Зварю тебе борщику в новеньком горшику, поставлю на дуба, лини як з луба — цебром видром, дийничкою над нашою пшеничкою»³⁶. В Орловской губернии дети вызывают дождь, чтобы он шел сильнее, приговором, произносимым нараспев: «Дождик, дождик, припусти, зеленые будут кусты»³⁷.

У индоарийцев и славян существовали поверья о связи черных животных с дождем и грозой.

В древнеиндийской Тайттирия-самхите (кн. I, гимны 1, 5, 8) сказано, что для получения дождя нужно принести в жертву животное черного цвета, так как чернота это — существо дождя³⁸.

В Каушика-сутре говорится (гл. 41, строфа 1), что топленое масло из молока черной коровы должно приноситься в жертву могущественным марутам (буйным ветрам), приносящим дождевые тучи³⁹.

Средневековый летописец Косьма Пражский сообщает, что чехи в начале весны ходили к источникам и подбрасывали в воздух задушенных черных кур и петухов с целью вызвать дождь.

Индоарийцы и славяне верили, что в засуху следует приносить жертвы источникам, родникам, колодцам, прудам и рекам, которые якобы могут вызывать дождь, так как земные воды тесно связаны с небесными. В Мирзапуре и Музаффарнагаре (Сев. Индия) еще в прошлом веке при засухе приносили жертвы воде в водоемах⁴⁰. В одном древнерусском церковном поучении XI в. сказано: «Ов требу сътвори на студеньцы, дъжда иски от него», т. е. некоторые язычники приносят жертвы родникам, надеясь, что родники могут обеспечить им дождь⁴¹. В древнерусском поучении по списку XVI в. говорилось: «О убогая курята, яже... инеми... в водах потапляеми суть, а инии к кладезем приносяще молотся и в воду мечють»⁴². В Густинской летописи (рукопись XVII в.) сказано: «Неции,

³³ К этой песне было механически присоединено более позднее добавление в духе христианства, где крестьянин заявляет своим гостям, что бог над ними господствует. А. Щ а п о в. Исторические очерки народного мировоззрения и суеверия. — «Журнал Министерства народного просвещения», апрель 1863 г., отд. IV, «Науки», стр. 10—11.

³⁴ А. Н. А ф а н а с ь е в. Там же, т. I, стр. 319.

³⁵ А. Н. А ф а н а с ь е в. Там же, т. I, стр. 433; т. II, стр. 170.

³⁶ Н. Ф. С у м ц о в. Там же, стр. 77.

³⁷ Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии, т. II, СПб., 1869, стр. 9.

³⁸ Н. O l d e n b e r g. Ibid., S. 359.

³⁹ W. S a l a n d. Altindisches Zauberritual. Amsterdam, 1900, S. 140.

⁴⁰ W. S g o o k e. Ibid., p. 73—74.

⁴¹ А. Н. А ф а н а с ь е в. Там же, т. II, стр. 172.

⁴² Н. Г а л ь к о в с к и й. Там же, стр. 33—34.

от древних беззаконий, источникам и езером, умножения ради плодов земных, жертвы приношаху... По неких странах розсейских сице и доселе древнего того безчиния обновляется память»⁴³.

В Чехии в прошлом веке вечером накануне рождества откладывали «от каждого кушанья по полной ложке в особую, нарочно поставленную чашку и после ужина бросали все это в колодец со следующим причитанием: «Хозяин поздравляет тебя и говорит тебе через меня: Криница, раздели с нами праздничную трапезу и за то дай нам обильную воду; если будет на земле засуха, то отвори ее своим потоком»⁴⁴.

IV. Моления о прекращении дождя или вредоносной грозы. Болгарские девушки во время жатвы и молотбы, если шел дождь, собирались и пели: «Престай, престай, дождо!»⁴⁵ На Украине в песне просили дождь, выпавший не в меру, перестать и предлагали ему за это горшок борща⁴⁶. В Орловской губернии дети пели: «Дождик, дождик, перестань, дадим тебе горностай!»⁴⁷. Подобные песни пели и белорусские дети⁴⁸. Чехи, чтобы утихла буря, высыпали за окно на улицу муку и соль⁴⁹. В Сербии по селам Моравы и Косова поля при появлении тучи с градом женщины выходили из ворот дома с ситом, ковригой хлеба, яйцом, махали этими предметами по направлению к туче и упрасивали ее уйти в бесплодные и безлюдные места⁵⁰.

Все эти заклинания о прекращении дождя того же характера, что и заключительная строфа гимна V, 83 Ригведы с обращением к богу дождя Парджанье, некогда бывшему всего-навсего дождевой тучей: «Теперь ты вдоволь полил дождем. Довольно!».

Индоарийские народы за последние три тысячелетия не общались со славянскими народами настолько широко, чтобы заимствовать друг у друга приведенные в статье народные сельскохозяйственные обряды фетишизма (магические и молитвенные). Индоарийцы и славяне в последние тысячелетия расселились далеко друг от друга: их разделяли высокие горы, обширные плоскогорья и равнины. Поэтому большинство столь сходных фетишистских обрядов могло возникнуть лишь в весьма отдаленные времена индоарийско-славянской культурной общности⁵¹.

⁴³ Н. Гальковский. Там же, стр. 298.

⁴⁴ А. Н. Афанасьев. Там же, т. II, стр. 209.

⁴⁵ Л. Каравелов. Там же, стр. 241.

⁴⁶ О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865, стр. 51.

⁴⁷ «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. II, СПб., 1869, стр. 9.

⁴⁸ Е. Романов. Белорусский сборник, I. Киев, 1885, стр. 172.

⁴⁹ А. Н. Афанасьев. Там же, т. III, стр. 794.

⁵⁰ Н. Ф. Суцзов. Там же, стр. 79.

⁵¹ В дальнейшем религиозная стадия фетишизма у индоарийцев и славян перешла в стадию зоолатрии и антропоморфизма. См. Л. А. Зарубин. Сходные черты зоолатрии и антропоморфизма у индоарийцев и славян. — «Советское славяноведение», 1967, № 3.

Е. ЛЬВОВА

ИЗ НАСЛЕДИЯ АЛЕКСАНДРА ЖЕНДОВА

Творчество народного художника Болгарии Александра Жендова (1901—1953) занимает особое место в истории болгарской художественной культуры XX в. Карикатурист и живописец, писатель и редактор, политический и общественный деятель, Жендов словно соединил в своем многогранном творчестве самые характерные стороны, самые жгучие проблемы современной жизни и прогрессивного искусства.

Творчество этого художника изучено недостаточно, хотя каждый автор, обращающийся так или иначе к болгарскому искусству межвоенного двадцатилетия и первых десятилетий после освобождения, неизменно говорит о Жендове как об одном из самых замечательных мастеров¹. И эта оценка совершенно справедлива — художник чрезвычайно оригинальный и самобытный, Жендов воплотил в своем творчестве типичные черты пролетарского искусства Болгарии того времени. Сама художественная структура его произведений, жанры, в которых работал Жендов, особенности его работ характерны для развития социалистической культуры с ее революционным гуманизмом и яркой антибуржуазной направленностью.

Работы художника пронизаны оптимизмом, светлой надеждой, несут в себе романтический порыв, в них живут пафос и драматическое напряжение, героическое и лирическое начало. Передовое искусство тех лет разоблачает социальные, классовые явления, которые мешают росту нового человека, принижают его достоинство, губят его исконные чаяния. Поэтому в творчестве Жендова так органично сочетаются беспощадная критика капиталистического общества и буржуазных прав с тонким лиризмом жанровых сцен, а драматическое напряжение соседствует со сдержанным, лаконичным рассказом-миниатюрой, когда он обращается к своим любимым героям.

А. Жендов родился и вырос в рабочем квартале района Ючбунар — одном из самых бедных районов Софии. Он не просто наблюдал своих будущих героев со стороны, но был одним из них, познал нищету, голод и трудности.

¹ Первым опытом обобщающей оценки творчества Жендова было издание альбома «Александр Жендов», София, 1959. Он подготовлен проф. М. Цончевой и снабжен ее вступительной статьей. О Жендове пишут в своих работах: А. Б о ж к о в. Болгарская революционная графика. София, 1958; Д. О с т о и ч. 15 години българско изобразително изкуство. София, 1959, о н ж е. Из борбата за социалистически реализъм в българското изобразително изкуство. София, 1967. В советской литературе объективная оценка творчества этого художника еще не дана. В книге И. Цы р л и н а «Изобразительное искусство Болгарии», М., 1953, Жендов безоговорочно отнесен к отряду формалистов — точка зрения, бытовавшая определенное время и в отдельных работах болгарских авторов (см., например: Л. Б е л м у с т а к о в. Реализъм в новото българско изкуство. София, 1950). В настоящее время эта неверная, тенденциозная оценка подверглась справедливой критике.

Рис. 1. А. Жендов. *Те, кто уже шестнадцать лет ожидает поезда в Москву.* 1933 г.

Юность Жендова проходила в очень тяжелые годы — в сложных общественных условиях, наступивших после первой мировой войны. Огромную роль в формировании мировоззрения художника сыграли события, связанные с революционным подъемом в стране после 1917 г.

Острая публицистическая направленность отличала творчество Жендова уже в ранний его период — еще в годы ученичества и совместной работы с Христо Смирненским он определился как художник-публицист и целеустремленный политический деятель. Множество рисунков и карикатур Жендова были опубликованы в газетах и журналах 20-х годов — «Червен смях», «Смях и сълзи», «Българан», «Звънар» и др.

Если в ранних работах Жендова ощущается влияние А. Божинова, одного из основоположников болгарской карикатуры, то в 20-х годах все более определенно выступают именно жендовские, индивидуальные качества художника-карикатуриста, мыслящего самостоятельно и смело. Категорическая точность линии, немногословная композиция его карикатур и рисунков, в которые он часто вводит красный цвет, являются средствами воплощения многих самых жгучих вопросов современной жизни. Это рисунки и карикатуры на злобу дня, разоблачающие заговоры международной реакции («Слепая Фемида и буржуи», 1923), отстаивающие завоевания Октябрьской революции («Посмотрим, кому выпадет счастье на четвертом году», 1922) и др. Жендов рос рядом с такими художниками и писателями, как Хр. Смирненский, Хр. Ясенов, К. Кюляков, С. Венев, И. Бешков, и эта «питательная среда» помогала формированию его как художника-гражданина.

Недолго учился А. Жендов в Академии художеств в Софии у известного живописца Н. Маринова. Политическая ситуация в стране, последовавшая за жестоким подавлением Сентябрьского восстания 1923 г., и репрессии заставили многих прогрессивных деятелей болгарской культуры покинуть родину². А. Жендов эмигрировал в Вену для продолжения учебы, но вскоре вынужден был покинуть ее.

Обычно все авторы, говоря о Жендове, безоговорочно относят его творчество к искусству графики. Жендов действительно внес огромный вклад в развитие этого вида искусства. Однако нельзя забывать и о его живописных работах. Начав еще юношей работать в жанре карикатуры, Жендов учился у Н. Маринова — живописца, тонкого акварелиста, в творчестве которого особенно сильно лирическое начало³. Что привлекло Жен-

² Об этом периоде см. Е. Л ъ в о в а. Болгарское изобразительное искусство межвоенного двадцатилетия. «Советское славяноведение», 1966, № 5.

³ Св. Б о с и л к о в. Никола Маринов. София, 1957.

дова в классе Маринова — этого великолепного педагога, воспитавшего многих современных живописцев? Чем было созвучно страстной общественной натуре Жендова творческое начало Н. Маринова? Несомненно, что Маринов, с его вдумчивостью, бесконечной преданностью искусству, был близок молодому художнику, что в это время Жендов не только рисовал, но и писал маслом и акварелью, т. е. готовился быть живописцем. Не случайно и то обстоятельство, что, приехав в Советский Союз и поступив во ВХУТЕИН⁴, он учился в мастерской живописца Р. Фалька, т. е. продолжил свое живописное образование на отделении станковой живописи⁵.

В архивах ВХУТЕИНа сохранились неопубликованные документы, дающие представление о годах учебы А. Жендова в Москве. Они представляют интерес не только потому, что помогают точно определить, когда и у кого учился болгарский художник (на этот счет существовали довольно противоречивые сведения — утверждалось, что он учился у Фаворского, Штеренберга и др.), важно то обстоятельство, что мы можем составить представление о художественной среде, в которой жил А. Жендов, о творческой атмосфере, ставшей чрезвычайно важной для художественного развития А. Жендова.

Художественная среда, в которую попал Жендов, была в 20-х годах неоднородной: возникали различные общества художников — АХРР, ОСТ, Бытие, ОМХ, Круг и др., — все они выдвигали свои программы, выступали с декларациями; дискуссии и выставки вызывали массу споров среди художников, особенно молодежи. В те годы художественное образование перестраивалось, формировались новые кадры преподавателей, пересматривались учебные программы. Знакомясь с документами студентов ВХУТЕИНа, с письмами, протоколами заседаний и собраний, живо ощущаешь биение бурной, богатой событиями и талантами художественной жизни нашей страны, которую отразил ВХУТЕИН. Институт был непосредственно связан со многими промышленными предприятиями, частями Красной Армии, рабочими клубами, учебными заведениями. Так, в письме, направленном ВХУТЕИном в заводской комитет электротехнического завода, говорится: «Учебная часть Московского высшего художественно-технического института, ставя перед собой цель — тесную увязку подготовки художников с запросами культурной работы на предприятиях, организует в текущем учебном году прикрепление студентов к фабрикам и заводам для проведения изороботы по специально выработанному плану под руководством академических органов, а также контролем рабочих организаций»⁶.

В другом документе — положении, трактующем проблему нового художественного образования, говорится, что конкретность художественного образования понимается во ВХУТЕИНе как связь молодых художников с жизнью, «без излишнего эстетизма и отвлеченности». Далее, в частности, говорится: «Органическая увязка искусства с промышленностью и одновременно с культурным строительством означает, что искусство становится фактором социалистического строительства, это означает, что такое определение роли и задач искусства правильно, это означает, что искусство получает настоящую базу и тем самым конкретным становятся и его общественные функции»⁷.

⁴ ВХУТЕИН — Высший художественно-технический институт.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 681, ед. хр. 860, д. 175. Дело Александра Жендова.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 681, оп. 3, ед. хр. 199, л. 427. Переписка живописного факультета ВХУТЕИНа, 1929 г.

⁷ Там же.

Во ВХУТЕИНе преподавали многие известные художники разных поколений — П. Кончаловский, С. Кардовский, А. Дейнека, Р. Фальк, С. Герасимов, И. Машков, В. Фаворский, Д. Штеренберг, Д. Моор и многие другие мастера живописи и графики. Учащиеся приезжали со всех концов страны, состав их был чрезвычайно пестрым: красноармейцы, участники гражданской войны, партизаны, рабочие, недавние батраки — все они собрались в стенах ВХУТЕИНа, чтобы творить новое — социалистическое искусство. Понимали они его очень различно — были те, кто проповедовал разрушение старой культуры, другие проповедовали модернизм в разных его формах — неопримитивисты, конструктивисты, футуристы и т. д. Однако значительная часть студентов стремилась овладеть знаниями, навыками профессиональной культуры, приобщиться к сокровищнице мирового реалистического искусства. Пример их учителей и наставников был самым убедительным и непосредственным. Нет сомнения в том, что Жендову импонировала самоотверженная преданность искусству и его соучеников и его учителей.

В личном деле А. Жендова есть сведения о том, что он поступил в институт на живописное отделение в мастерскую Р. Фалька. Жендов пишет: «Родился 26 VIII 1901 г. в Софии, холост, член ВКП(б), образование среднее». В одном из заявлений, написанных в учебную часть, Жендов пишет: «Я политэмигрант из Болгарии. Перевелся в апреле 1928 г. в ВХТИ на основании отношения представительства ВКП (т. с.) при ИККИ. Учился до 5-го курса (закончил IV курс) в Художественной академии, София. Поступил в Художественную академию в Вене, но через семестр должен был по политическим соображениям уехать оттуда»⁸. В одном из протоколов заседаний Государственной квалификационной комиссии мы находим следующую лаконичную характеристику А. Жендова: «Жендов, политэмигрант. Сын крестьянина. Общественно-активный. Член ВКП(б)»⁹. Непосредственными соучениками Жендова по мастерской Фалька были многие талантливые живописцы — Чуйков, Ромадин, Нисский, Малеина, Ромас и другие, очень разные по творческому облику художники¹⁰. Один из преподавателей ВХУТЕИНа, Д. Моор говорил, что в этом институте «... мы боролись за классовое искусство». Это замечание Моора чрезвычайно характерно для понимания той атмосферы, в которой работал и учился Жендов. Хорошая революционная школа, которую прошел Жендов в Болгарии, достаточно подготовила его общественно-политические взгляды.

Казалось бы — художник-график, успешно работавший в жанре политической сатиры, публицист и трибун Жендов был далек от Р. Фалька, лирика и живописца, обладавшего поэтической фантазией. Но Фальк был удивительно талантливым и требовательным педагогом — он учил художников мыслить в искусстве и служить ему безраздельно. Это и привлекло Жендова с его безграничной преданностью художественному творчеству. Кроме того, Жендов много увидел для себя и в творческой лаборатории учителя: вероятно, стремление Фалька к четкой, ритмической живописности, сама его живописная культура, внутренняя углубленность, которые характерны для лучших полотен Фалька, были понятны и близки молодому Жендову. И поэтому в более поздних живописных композициях Жендова, созданных через много лет после возвращения в Болгарию, мы угадываем пройденную школу во внутренней

⁸ ЦГАЛИ, ф. 681, ед. хр. 860, д. 175, л. 2. Письмо студента А. С. Жендова в учебную часть.

⁹ Там же, ед. хр. 199, л. 146. Протокол от I III 1930 г.

¹⁰ Об этом периоде творчества см. Д. С а р а б ъ я н о в. Семен Чуйков. М., 1958; Е. Л ъ в о в а. Евгения Малеина. М., 1964.

энергии цвета, четкости и продуманности объемов. Было бы совершенно неверно проводить какие-то аналогии и пытаться выводить Жендова только из Фалька. Но отметить годы, проведенные в его мастерской, было бы также ошибочным. Интересно то обстоятельство, что сам Жендов считал очень важным для себя как можно большему научиться во ВХУТЕИНе. Об этом свидетельствует одно из заявлений художника в Правление ВХУТЕИНа. Приводим его полностью: «В ВХТИ вступил на IV курс в 1928/29 г. В начале 1929/30 г. просил деканат живописного факультета оставить меня еще на год на IV курсе, чтобы второй год моей учебы прошел нормально (не в ударном порядке). Деканат разрешил. На выставке выпускников участвовал я не как выпускник. Участвовал по настоянию декана. Прошу правление ВХТИ оставить меня до конца этого года работать при факультете, т. к. в этот второй год моей учебы я должен наверстать пропущенное мною за время эмиграции. Я и так работал все время в ударном порядке. Жендов»¹¹. На заявлении Жендова целый ряд резолюций педагогов, поддерживавших его просьбу, среди них — Бэла Уиц. Жендов учился во ВХУТЕИНе вплоть до 1930 г. Он не был чужим, приезжим, он вошел в кипучую художественную жизнь Москвы как свой, полноправный ее житель, сроднившись с ней. Из одного документа мы узнаем, что Жендов вел общественно-пропагандистскую работу — руководил изокружком 3-го полка МПСД¹². Жендов приехал в Советский Союз учиться. И учился он не только в стенах института. Он общался с нашими выдающимися художниками в мастерских, видел их произведения на выставках, на страницах периодической печати. Он видел работы Моора и Дени, Фаворского и Дейнеки, бывал на выставках и видел картины Г. Ряжского, К. Петрова-Водкина, Ю. Пименова, В. Мешкова, А. Рылова, К. Юона, И. Грабаря, Н. Крымова, В. Бакшеева, П. Кузнецова, Д. Штеренберга, С. Герасимова. Он познакомился с графикой Окон РОСТА, карикатурами Кукрыниксов, Б. Ефимова, И. Каневского, М. Черемных, он испитал в себя лучшее из того, что увидел, и остался самим собой, вернувшись в Болгарию¹³.

Болгарские авторы отмечают, что пребывание в Советском Союзе явилось важным рубежом в творчестве художника. Так, В. Колевски пишет: «Пребывание в СССР ряда наших деятелей пролетарской культуры — таких, как Т. Павлов, Г. Бакалов, С. Гановски, М. Марчевски, Ал. Жендов и др., дали им возможность непосредственно наблюдать, а в известной степени принимать участие в политическом, экономическом и культурном строительстве первого рабочего государства, близко познакомиться и оценить роль бессмертной ленинской мысли, положенной в основу новой жизни советских людей»¹⁴.

30-е годы — новый этап творчества Жендова, время творческой зрелости художника. Ему приходилось работать в самых тяжелых условиях полицейской реакции, преследований и тяжелых материальных лишений. Выполняя задания партии, Жендов постоянно находился на передовых позициях ожесточенной борьбы пролетариата с болгарской буржуазией и международной реакцией. Деятельность Жендова в 30-е годы

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 681, ед. хр. 860, д. 175, л. 2.

¹² Там же, ед. хр. 199, л. 249.

¹³ Сведения о завершении Жендовым курса художественного образования и присвоения ему звания художника находим в архиве ЦГАЛИ, ф. 681, оп. 3, ед. хр. 234, л. 16. Протоколы заседания Гос. квалификационной комиссии по выпуску окончивших живописный факультет.

¹⁴ В. Колевски. РЛФ борец за партийна литература. София, 1964, стр. 55, см. также «Александр Жендов», альбом, София, 1959, вступит. статья М. Дончевой, стр. 9; Д. О с т о и ч. Из борбата за социалистически реализъм в българското изобразително изкуство. София, 1967, стр. 47.

многогранна: прежде всего он работает как художник-карикатурист и создает целый ряд работ для печати («Стачка» 1931 г., «Вождь» 1931 г., «Европейский пролетариат против фашизма» 1933 г. и др.). Он редактирует журналы «Жупел», «Поглед», «РЛФ» и др., выступает как журналист с фельетонами и статьями. (Известны его псевдонимы: «Щелчок», Дядя Слон, Красный дядя и др.) М. Исаев пишет: «Среди нас, молодых тогда писателей, художников, артистов, связанных с коммунистическим движением, Жендов выделялся как человек большой культуры, трезвой и мудрой мысли, обладавший удивительно уравновешенным характером. По возрасту он был почти нашим ровесником, а по зрелости мысли, жизненному опыту и последовательности политических позиций он далеко нас опередил»¹⁵.

«Редактору — он же был и администратором, и корректором — приходилось писать юмористические рассказы, фельетоны, заметки, придумывать анекдоты и прочее. В каждом номере был и обзор печати, который также составлял он», — вспоминает о Жендове Г. Караславов¹⁶.

За активное сотрудничество в «Рабочем литературном фронте» художник неоднократно подвергался преследованиям полицейских властей¹⁷. Когда в 1931 г. было организовано Общество новых художников, объединившее прогрессивные художественные силы, Жендов стал его председателем¹⁸. Общество новых художников провозгласило «новый художественный реализм» (т. е. социалистический реализм) своей главной программой. Главным героем живописцев, графиков и скульпторов становится болгарский пролетариат. В 1932 г. Жендов явился одним из организаторов Союза трудовоборческих писателей, сплотившего антифашистских деятелей болгарской культуры. В творчестве А. Жендова этих лет особенно заметны черты острого политического обличения. В этом направлении работают и художники Б. Ангелушев, С. Венев, И. Бешков — их работы отличают присущие им индивидуальные особенности. Работы Жендова выделяются среди них своей категоричностью и социальной характеристикой, обобщением зрительных впечатлений, на основе которых формируется собирательный, емкий художественный образ. Часто острота карикатур Жендова достигается сочетанием гротеска с драматическим напряжением характеров. Условное и реальное переплетается в его работах естественно и всегда неожиданно. В них очевидно стремление художника к лаконизму средств. Трудно порой сказать, что оказывает на зрителя более сильное эмоциональное воздействие: графическая безупречная четкость линий и контуров или стремительная живописность, построенная на резких сопоставлениях цветовых плоскостей. Рисунки и политические карикатуры Жендова 30-х годов чрезвычайно динамичны. Политическое их содержание выражено в предельно обобщенной форме. Так, в работе «Европейский пролетариат против фашизма», 1933 г., художник вводит прием монтажа: в центре композиции мы видим Эрнста Тельмана за черной решеткой. С левой стороны — штурмовики жгут книги — это символ фашистского разгула. С правой стороны — фашисты избивают демонстрантов. И в том и в другом случае бесчинства фашистских молодчиков венчают флаги со свастикой. Центральная часть композиции — образ Тельмана — реалистически весом,

¹⁵ М. И с а е в. Александр Жендов в мои спомени. «Искусство», 1966, № 10.

¹⁶ Вступительная статья Г. Караславова. «Беллетрист Ал-др Жендов»; А. Ж е н д о в. Рассказы и фельетоны. София, 1966, стр. 6.

¹⁷ В. К о л е в с к и. Цит. соч., стр. 22.

¹⁸ Об Обществе новых художников см. Е. Л ь в о в а. Болгарское изобразительное искусство межвоенного двадцатилетия. «Советское славяноведение», 1966, № 5.

Рис. 2. А. Жендов.
Европейский пролетариат
против фашизма.
1933 г.

материален и убедителен. Боковые части композиции — тонкий, выразительный рисунок пером.

Подобное же укрупнение портретного образа есть и в другой известной работе Жендова этих лет — «Вождь» 1931 г. Это уже композиция, несущая в себе утверждение героического начала, символизирующая могучую поступь пролетариата. Главное внимание художника — на лицах и руках шагающих рабочих, за которыми виден портрет Д. Благоева. Черно-белая композиция отличается подлинно агитационной выразительностью. В подобных работах есть то большое обобщение, которое было характерно для лучших произведений мастеров прогрессивного графического европейского искусства — Мазерееля, К. Кольвиц, Г. Гросса, Д. Моора. Лучшие традиции современного искусства были несомненно впитаны А. Жендовым, но речь здесь идет не о подражании, а о новом, своеобразном понимании задач и форм агитационного искусства.

В своих работах Жендов необычайно разнообразен — достаточно вспомнить, например, такие работы, как «Обыск» 1932, «Стачка» 1931 г., «Третий класс» 1934 г. Они различны по технике решения (острая графичность «Стачки» и мягкое живописное пятно, растушевка в «Третьем классе»), но неизменны в них мастерство исполнения и глубокое обобщение мысли, которую доносит художник до зрителя. Широта диапазона творчества Жендова была особенно ценна в те годы, когда его работы систематически появлялись в печати, но и теперь они не потеряли своей ценности. Жендов работал и над книжными иллюстрациями (к произведениям Горького, Эренбурга и Шолохова).

Жендов был большим другом Советского Союза и в годы второй мировой войны вел конспиративную работу, был одним из помощников Н. Вацарова, в его квартире проходили нелегальные заседания и встречи антифашистов.

Сохранившиеся рисунки и графические портреты военного времени представляют значительный интерес для понимания творческого пути художника. Они выполнены большим мастером рисунка, словно единым дыханием: непрерывной линией очерчены фигуры, безошибочно найдено движение, выражение лиц. Это подлинные документы эпохи, образы живых людей.

В серии работ А. Жендова, выполненных после войны, можно отметить новые качества. Многие из этих работ словно соединяют Жендова-графика и Жендова-живописца. Здесь и большая внутренняя последовательность, продуманность, с которой решается основная тема, волновавшая художника — тема детства, которой посвящены многие лучшие ра-

Рис. 3. А. Жендов.
Вождь. 1931 г.

Рис. 4. А. Жендов. По-
лицейский: А вы переда-
ли свою азбуку в дирек-
цию полиции на предва-
рительную цензуру?
1933 г.

боты Жендова в послевоенные годы. Мы имеем в виду серию маленьких законченных новелл о болгарских детях — трогательных, но без сентиментальности, мужественных, самостоятельных, поэтичных, обладающих своей психологией и живущих большой, сложной жизнью. Образы детей из серии «Прошлое» (создана в 1945—1946 гг.) говорят о большом гуманизме художника. В известных работах «Музыка» и «Гостья из деревни», «Отдых» одна тема — бесправное положение детей в капиталистическом городе. В них живо и верно передана атмосфера голода, состояние человека, его отношение к окружающему миру. В композиции «Гостья из деревни» настроение, состояние переданы через все компоненты сцены: цвет здесь трепетно чист, цветовые плоскости четко разграничены — темный передний план, на котором разворачивается действие, — встреча матери-крестьянки с дочкой, отданной в услужение; лаконично передана согбенная фигура матери с узелком, опустившейся прямо на мостовую, тоненькая задорная фигурка девочки. И за этим первым планом художник показывает город, многоэтажные дома, выделяющиеся на сизом небе. Четкая, геометрически построенная, пространственная композиция в то же время очень живописна.

Подобное же благородство и сдержанность цвета можно увидеть и в незатейливой в сюжетном отношении жанровой сценке «Акробаты» (1946). Интересны и другие произведения, относящиеся к этой серии — «Песня», «Дебют». В одном из рисунков Жендов изобразил себя с блокнотом в руках, беседующим с одним из своих героев. Беспризорный, ободранный мальчишка нарисован художником с большим теплом и проникновенным чувством.

В послевоенные годы Жендов работал очень много. Он обращался к живописи неоднократно, работая над композицией «У гроба вождя», другая его картина — «Г. Димитров с бригадирами» осталась незавершенной. В 1947 г. состоялась первая и единственная персональная выставка художника.

Жендов был сыном болгарского народа, сыном болгарского рабочего класса. Но одновременно он был образцом художника-интернационалиста, вобрав в свое творчество лучшие качества социалистической художественной культуры.

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

ПЕРВОПЕЧАТНИК ИВАН ФЕДОРОВ В КРАКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Имя первопечатника Ивана Федорова хорошо известно в нашей стране и за ее пределами. Исследования последних лет открыли новые, ранее не известные стороны деятельности этого замечательного человека. Раньше его считали не больше, чем ремесленником, мастером — теперь мы видим в нем писателя, художника, просветителя, педагога, наконец политического деятеля¹.

Работами Г. И. Коляды² доказано, что Иван Федоров тщательно редактировал рукописи подготовляемых им к печати богослужебных книг, причем в процессе редактирования пользовался греческими, латинскими, чешскими текстами. Тезис «Иван Федоров — редактор», сформулированный Г. И. Колядой гипотетически, ныне можно считать окончательно доказанным, ибо имеется свидетельство современника — известного деятеля литовско-белорусской реформации Симона Будного, встречавшегося с первопечатником и с его слов утверждавшего, что последний правил богослужебные тексты «по московскому собранию книг»³.

В Тюрингии, в библиотеке г. Гота, был недавно найден Букварь, напечатанный Иваном Федоровым в Остроге в 1578 г.⁴ Это издание, до последнего дня в славяно-русской библиографии не известное, примечательно своим предисловием. В нем Иван Федоров рассказывает, что «сия книжка по греческия альфа вита а по руский азъ буки» была напечатана «перваго ради наоучения детьскаго» для школы, основанной князем Константином Острожским. «И избравши мужей в божественном писании искусных в греческом языке и в латинском паче же и в руском и пристаивих их дитищному оучилищу», — повествует Иван Федоров.

Нет сомнения, что среди упомянутых «искусных мужей» был и первопечатник: ведь именно на его долю выпала трудоемкая, требующая больших знаний задача — составление и печатание учебных книг.

¹ А. С. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947; А. А. Спидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951; Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964.

² Г. И. Коляда. Иван Федоров — редактор первопечатного Апостола. «Славянский сборник», т. 2. Самарканд, 1963, стр. 136—144; е г о ж е. Нове в мови периодикованого Апостола. «Slavia», роџ. XXXV, 1966, seš. I, s. 57—64.

³ Г. Я. Голенченко. Русские первопечатники и Симон Будный. «Книга», Сб. X. М., 1965, стр. 156.

⁴ H. C l a u s. Slavica-Katalog der Landesbibliothek Gotha. Berlin, 1961, S. 33, № 190 (см. также табл. 2); Я. I с а е в и ч. Острозький Букварь Ивана Федорова. «Україна», 1968, № 9, стр. 8; H. G r a s s h o f, J. S. G. S i m m o n s. Ein unbekannter Druck Ivan Fedorovs aus dem Jahre 1578. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. XIII, 1968, H. 4, S. 512—517; Е. Л. Немировский. Выдающийся памятник русской и украинской культуры. «Полиграфия», 1968, № 11, стр. 41—44.

Недавно мы узнали и о собственноручном тексте Ивана Федорова, написанном им по-латыни. Это письмо к саксонскому курфюрсту Августу, отправленное из Вены 23 июля 1583 г.⁵ Из письма явствует, что весной или ранним летом 1583 г. Иван Федоров отправился в далекий путь — в Вену, ко двору императора Рудольфа II. Столь нелегкое по тем временам путешествие первопечатник предпринял, чтобы представить императору, как он писал впоследствии, «способ практического использования изобретения, которого до сих пор никто из людей не ведал». Иван Федоров сконструировал и построил многоствольное орудие, отдельные части которого были взаимозаменяемыми — его можно было «разбирать на пятьдесят, сто и даже, если потребуется, на двести частей». Орудие хранилось в разобранном виде, а перед походом, когда государь собирался «разрушить или взять какую-то крепость, либо завоевать государство», его монтировали «за три дня».

Письмо Ивана Федорова представляет собой чрезвычайно важный и интересный исторический документ — нет никакого сомнения, что в самое ближайшее время оно будет подробно изучено и прокомментировано⁶. Для нашей цели представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что написано оно по-латыни. Подписал же его Иван Федоров так: «Joannes Fedorowicz Moschus Typographus Graecus et Sclavonicus» («Иван Федорович Москвитин, типограф греческий и славянский»).

Итак, первопечатник Иван Федоров обладал серьезными и основательными познаниями в области латыни и древнегреческого языка, мог говорить и свободно писать на этих языках. Где он получил эти познания?

В Московской Руси в ту пору несомненно имелись люди, знавшие древние языки. Но вряд ли таких людей было много. К тому же познания их (по необходимости) носили случайный характер. Они могли читать по-гречески или по-латыни, как, например, корреспондент Максима Грека Василий Тучков или благовещенский священник Сильвестр. Но для колоссальной редакторской работы, предшествовавшей типографскому воспроизведению богослужебных текстов, знаний их явно не хватало. Для этого нужно было пройти основательную систематическую подготовку.

Особенной редкостью на Руси было хорошее знание греческого языка. Если знатоков новых языков в ту пору было сравнительно много, то для перевода на русский язык с греческого Толковой Псалтыри московскому великому князю Василию Ивановичу в начале XVI в. пришлось искать специалистов в монастырях на Афоне. Приехавший в 1518 г. в Москву Максим Грек русского языка не знал, и перевод Псалтыри пришлось осуществлять в два приема. Посольский толмач Дмитрий Герасимов рассказывал об этом в следующих словах: «... Максим Грек переводит Псалтырь с греческого толковую великому князю, а мы со Власом у него сидим переменяясь: он сказывает по-латыни, а мы сказываем по-русски писарям...»⁷.

Много лет спустя знатоков греческого языка на Руси не прибавилось, о чем свидетельствует, например, сочинение Максима Грека «О пришельцах философех», направленное против неискренних переводчиков-чужеземцев, приезжающих в Москву.

⁵ Письмо обнаружил в Городском архиве Дрездена (бывш. Саксонский государственный архив) профессор Люблинского университета В. Губицкий.

⁶ Ср. W. N u b i e k i. Pierwszy drukarz Moskwy i Lwowa konstruktorem armat. Nieznany list Iwana Fedorowicza. «Kwartalnik historii nauki i techniki», 1968, № 1, s. 3-12

⁷ Цит. по: В. С. И к о н и н к о в. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 166.

Возвращаясь к Ивану Федорову, можно как будто бы предположить, что первопечатник получил свои знания в области древних языков у Максима Грека. Иван Федоров несомненно был знаком с трудами ученого монаха — об этом говорят прямые цитаты из этих трудов в послесловиях первых печатных книг. Не исключено и личное знакомство между ними. Но знакомство это могло состояться лишь в 1551 г., когда по просьбе игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия престарелый Максим был переведен в эту обитель. До этого, когда старца содержали в заключении в Иосифо-Волоколамском и Тверском Отрочь монастырях, такое знакомство было маловероятно.

Где же учился Иван Федоров? Где мог получить он основательные знания древних и новых языков, познакомиться с навыками редакторской работы, усвоить критическое отношение к богослужебным текстам?

Ответа на эти вопросы до сего дня не было. В момент печатания первых книг Иван Федоров служил дьяконом в кремлевской церкви Николая Гостунского. О том, чем занимался он до 1564 г., когда имя его впервые упоминается историческим источником, можно было только догадываться.

Разгадка задачи, на наш взгляд, кроется в сообщении источника, который раньше для нашей цели не привлекался. Это так называемая «Либер Промоционум» Краковского университета — книга, в которую записывали имена лиц, удостоенных ученых степеней бакалавра или магистра. На одной из страниц книги имеется запись о том, что в 1532 г., в ту пору, когда деканом был магистр Ян из Пиотркова, степени бакалавра был удостоен «Joannes Theodorus Moscus» («Иван Федоров Москвитин») ⁸.

Напомним, что свое письмо к саксонскому курфюрсту, о котором шла речь выше, Иван Федоров подписал: «Joannes Fedorowicz Moschus». Об «Iwani Moscho» неоднократно упоминает относящаяся к первопечатнику польская актовая документация ⁹.

Разница в написании нас смущать не должна. Различное написание одного и того же имени в ту пору было делом обычным.

Прежде чем отождествить русского первопечатника с Иваном Федоровым Москвитинем, обучавшимся в Краковском университете, посмотрим, возможно ли такое отождествление с чисто хронологической точки зрения.

Известны случаи, когда молодые люди записывались в Краковский университет 15—18 лет от роду. Николай Коперник, например, стал студентом в 18-летнем возрасте. Чтобы получить степень бакалавра требовалось 2—3 года.

Отсюда явствует, что бакалавр Краковского университета Иван Федоров Москвитин мог родиться около 1510 г. Первopечатник Иван Федоров умер 5 декабря 1583 г. ¹⁰. Если допустить, что именно он учился в Кракове, в момент кончины ему было семьдесят с небольшим лет. Допущение вполне вероятное.

Однако голыми арифметическими прикидками в нашем случае ограничиться нельзя. Сложность состоит в том, что в публикации «Либер Промоционум», подготовленной к печати в 1849 г. Юзефом Мучковским, вслед за именем Ивана Федорова Москвитина указано в скобках — «canonicus Crasnostaviensis» («каноник из Красностава»).

⁸ «Statuta nec non Liber Promotionum philosophorum ordinis in Universitate Studiorum Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849». Ed. J. Muczkowski. Cracoviae, 1849, p. 186.

⁹ Ср.: А. Р а в и ń с к и. Księgi Podskarbińskie z czasów Stetana Batorego. 1576—1586. Warszawa, 1881, s. 91, 119.

¹⁰ См. Е. Л. Н е м и р о в с к и й. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров. «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 213—215.

Красностав или Красныстав — небольшой городок на реке Вепш, ныне находящийся в Люблинском воеводстве Польской Народной Республики. В 1490 г. сюда из Хрубешува была перенесена резиденция Хелмского католического епископа¹¹. При епископе был капитул, членом которого, возможно, и состоял Иван Федоров Москвитин.

Если это действительно так, то возможность отождествления бакалавра Краковского университета с русским первопечатником почти полностью исключается. Ведь первопечатник был дьяконом православной церкви. Правда, истории известны случаи перехода из католичества в православие и обратно. И все же трудно поверить, чтобы католический каноник стал дьяконом православной церкви.

Попытаемся разобраться, что представляет собой приписка «*sanoniscus Crasnostaviensis*» против имени Ивана Федорова Москвитина в книгах Краковского университета. Сделана ли она одновременно с записью о получении Иваном Федоровым степени бакалавра? Или, иначе говоря, был ли помянутый Иван Федоров красновставским каноником уже в момент получения ученой степени?

Записей, рассказывающих о том, кем был тот или иной бакалавр или магистр, в «Либере Промоционум» много. Однако ознакомление с этими записями убеждает, что все они сделаны много позднее первоначальной регистрации о присвоении ученой степени.

Так, например, под 1484 г. вслед за сообщением о присвоении степени бакалавра Яну Турзо из Кракова указано, что он является гнезненским схоластиком, каноником и епископом Вроцлава¹². Эти звания известный гуманист, сын банкира, финансировавшего первую славянскую типографию Швайпольта Фиоля, приобрел значительно позднее. Кафедру епископа Вроцлава, например, он получил лишь в 1506 г.¹³, т. е. через 22 года после внесения в «Либере Промоционум» первоначальной записи.

Скорее же всего приписки, повествующие о дальнейшей судьбе воспитанников Краковского университета, делались много позднее, через значительный промежуток времени; следовательно, в этом случае легко допустить возможность ошибки.

И еще об одной ошибке. В «Либере Промоционум» указано, что степени бакалавра удостоен «*Joannes Theodorus Moscus*». Строго говоря, это следует перевести как «Иван Федор Москвитин», ибо «Иван сын Федора», что равнозначно «Ивану Федорову», — по-латыни «*Joannes Theodori*». Но и аналогичные ошибки в «Либере Промоционум» и в матрикульных книгах встречаются.

Нередко бывало, что в деловой документации писцы Краковского университета для простоты отбрасывали одно из имен студента или бакалавра, причем иногда отбрасывали его собственное имя, оставляя лишь имя отца. Так, например, в матрикульных книгах рядом с записью о поступлении в университет «Станислава сына Яна из Кракова» сделана помета «*Turzij Johannis episcopi Olomucensis*»¹⁴.

Нечто подобное произошло и с Иваном Федоровым Москвитином. В актах ректората Краковского университета его именуют просто «Федором бакалавром» («*Theodorus bassalarius*»). Чтобы убедиться в том, что в данном случае речь идет о том же человеке, мы просмотрели записи мат-

¹¹ См. «Акты, относящиеся к истории бывшей Холмской епархии». Вильна, 1892, стр. XLl.

¹² «*Statuta nec non Liber Promotionum...*», p. 92.

¹³ J. P t a ś n i k. Turzonowie w Polsce i ich stosunki z Fuggerami. «Przewodnik naukowy i literacki», rocz. 35. Lwów, 1905, s. 1026.

¹⁴ «*Album studiosorum Universitatis Cracoviensis*», t. I. Cracoviae, 1887, p. 250.

рикульных книг и «Либер Промоционум» за первые четыре десятилетия XVI в. и не нашли там ни одного «Ивана Федорова». Как видно, к тем же выводам пришел и публикатор актов ректората В. Вислоцкий, поместивший в указателе к актам «Федора бакалавра» под именем «Moscus Joannes Theodorus» и сопроводивший публикацию следующим примечанием: «Joannes Theodorus, vulgo Moscus nuncupatus», т. е. «Иван Федоров, обычно называемый Москвитинум»¹⁵. К слову говоря, и в актах ректората встречается всего лишь один «Theodorus».

Имя это упоминается в пяти актах, относящихся к 1533—1534 гг. Мы узнаем из них, что Иван Федоров был в эту пору бакалавром «свободных искусств», жил в бурсе «Иерусалим» и имел какие-то денежные дела со студентом Альбертом из Быдгощи¹⁶.

Бурса — это своеобразное общежитие, в котором приезжающие в Краков молодые люди за небольшую плату (а чаще — и без нее) могли жить, питаться и слушать лекции. Крупнейшая из бурс — «Иерусалим» открылась в 1456 г. Дом для нее, имевший 50 комнат, библиотечный зал и кухню, был возведен неподалеку от университета в 1453—1456 гг. на средства, завещанные кардиналом Збигневом Олесницким. Право поступления в бурсу имели юноши вне зависимости от их происхождения, вероисповедания и национальности. Недаром, по словам польского историка А. Карбовяка, бурса «Иерусалим» среди других краковских бурс имела наиболее универсальный и интернациональный характер: «здесь, рядом с обычными школярами, жили бакалавры и магистры, рядом со светской молодежью — воспитанники церковных училищ различных законов, рядом с поляками — школяры из Германии, Венгрии и других стран»¹⁷. Особенно много в бурсе «Иерусалим» было выходцев с украинских и белорусских земель.

Любопытный факт — старшиной бursы как раз в ту пору, когда в ней пребывал Иван Федоров, был некий Томас из Красностава¹⁸. Возможно, с ним и перепутал писец «Либер Промоционум» Федорова, назвав его «каноником красноставским». Спутать «Thomas» и «Theodorus», особенно в сокращенном написании, было не мудрено.

В Краковский университет Иван Федоров попал в пору его расцвета. Ректором университета в 1531—1533 гг. был старый заслуженный профессор, гуманист Станислав Биль, по национальности — украинец, никогда не забывавший прибавлять к своему имени эпитет «Ruthenus» («Русин»).

После небольшого перерыва, вызванного католической реакцией конца XV — начала XVI в., в Краковском университете снова начинают изучать античную литературу. С 1524 г. профессора университета систематически «объясняли» студентам Горация, с 1525 г. — Овидия, с 1536 г. — Плавта¹⁹.

В 20-х годах XVI в. началось систематическое преподавание греческого языка. Иван Федоров обязан своими знаниями в этой области профессору Ежи Либану из Легницы. В эту же пору греческие тексты начи-

¹⁵ «Acta Rectoralia Almae Universitatis Studii Cracoviensis». Ed. dr. W. Wislocki, t. I. Cracoviae, 1893, p. 785, 1057.

¹⁶ Ibid., № 3182, 3183, 3206, 3220, 3223.

¹⁷ A. K a r b o w i a k. Ustawy Bursy Krakowskiej «Jeruzalem». «Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce», t. VI. Kraków, 1890, s. 93.

¹⁸ «Acta Rectoralia...», p. 795. Чтобы еще раз показать, насколько произвольной была практика документации в Краковском университете, отметим, что Томас или Фома фигурирует в актах как Thomas de Krasny staw, Thomas de Crasthystaw, Thome de Cracovia, Paulinus Thomas, Thomas Pawłowicz.

¹⁹ «Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1364—1764», t. I. Kraków, 1964, s. 230.

нают издаваться краковскими типографиями — были выпущены в свет грамматики греческого языка, учебники, классические произведения греческой литературы. Профессор Антоний из Напаханиа читает студентам лекции по «Илиаде» Гомера, Ян из Вроцлава «объясняет» Эврипида, Валериан Пернус — Ксенофонта, Войцех Новопольчик — Гесиода и Демосфена.

Ко времени пребывания Ивана Федорова в Краковском университете относится и развитие здесь гевраистики. С 1528 г. Давид из Варшавы начинает систематическое чтение лекций по древнееврейскому языку. В 1530 г. был издан учебник по этому курсу. Знания в этой области в дальнейшем могли помочь Ивану Федорову при подготовке к печати прославленной Острожской Библии.

Естественно предположить, что и типографскому делу Иван Федоров обучился в Кракове. Здесь в ту пору работали типографии Флориана Унглера, Мацея Шарфенбергера и Иеронима Виетора. Если бы удалось найти какие-либо связи между этими типографиями и последующей деятельностью русского первопечатника, это сильно подкрепило бы нашу гипотезу.

Такие связи имеются. Чтобы установить их с исчерпывающей подробностью, необходимо тщательно изучить достаточно обильную издательскую продукцию краковских типографий 20—40-х годов XVI в. Мы этого сделать не могли. Но и те немногие издания, с которыми мы познакомились в московских книгохранилищах, позволяют сделать интересные выводы.

На последнем листе книги Яна из Львова «Историческое толкование животворных страстей Христовых»²⁰, вышедшей из типографии Унглера в 1538 г., мы нашли заставку, рисунок которой близок заставке, использованной в 1565 г. в московском издании Часовника, напечатанном Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, а также в Учительном Евангелии 1569 г. и Апостоле 1574 г. Можно, конечно, предположить, что книга эта попала в Москву и именно здесь была скопирована заставка. Однако возможность пребывания в Москве сугубо католического сочинения ксендза Яна из Львова весьма сомнительна. Интересно отметить, что Ян из Львова был одним из первых переводчиков Библии на польский язык. Если допустить, что Иван Федоров встречался с ним во время пребывания своего в Кракове, это предположение позволило бы провести ряд важных исторических параллелей.

Орнаментальные украшения, полностью идентичные заставкам Часовника 1565 г., мы находим на л. 40 об. и 135 об. краковской Библии, вышедшей в 1561 г. из типографии наследников Марка Шарфенберга. Оттиски в польской Библии и в московском Часовнике настолько близки, что кажутся сделанными с одной доски.

Из типографии Унглера в 1539 г. вышла Псалтырь с параллельным польско-латинским текстом. Польский перевод выполнен Валентой Врублем²¹. Издание предпринято на средства Петра Кмиты (1477—1553), краковского воеводы, покровителя поэтов и ученых, большого библиофила. На обороте титульного листа книги помещен герб Кмиты, представляющий собой геральдическую композицию, известную под наименованием «Сренява». Рисунок этот почти полностью идентичен типографскому знаку Ивана Федорова, который мы можем видеть в его львовских и острожских изданиях (за исключением небольшой детали — состав-

²⁰ «Joannes Leopoliensis Vivificae Passionis Christi Hystorica Explanatio». Cracoviae, 1538.

²¹ «Zoltarz Davidow». Cracoviae, 1539.

ляющая основу рисунка изогнутая полоса у Кмиты увенчана крестиком, а у Ивана Федорова — стрелой).

В свое время В. К. Лукомский отметил близость типографского знака Ивана Федорова к польскому гербу «Сренява» и указал, что кто-либо из владельцев этого герба мог «приписать» к нему и первопечатника²². Эта гипотеза поддержана не была, ибо по имеющимся в ту пору сведениям жизненный путь типографа не пересекался ни разу ни с одним из владельцев герба «Сренява» или близких к нему гербов «Дружина» и «Рагоза».

Если допустить, что Иван Федоров учился в Краковском университете, а затем работал в типографии Унглера, можно предположить и то, что Петр Кмита «приписал» к своему гербу молодого бакалавра.

Иван Федоров употреблял типографский знак в Апостоле 1574 г., Азбуках 1574 и 1578 гг., Новом Завете 1580 г. и Библии 1581 г. Все эти издания вышли в пределах польско-литовского государства. Сословные различия и привилегии, дарованные шляхте, в ту пору здесь соблюдались свято. Поэтому вряд ли возможно было систематическое применение типографом, не имеющим на то специального права, в качестве издательской марки не домового знака — «гмерка», как у других печатников, а внесенного в геральдические реестры дворянского герба.

Летом 1968 г. автору этих строк посчастливилось ознакомиться с собственноручным письмом Ивана Федорова саксонскому курфюрсту Августу, которое хранится ныне в Городском архиве Дрездена. К письму приклеен бумажный фальц, припечатанный штампом. Оттиск печати сохранился плохо, но все же на нем можно разглядеть изображение гербового щита под короной. На щите — изогнутая полоса, увенчанная стрелой. Думается, что и этот факт говорит о том, что Иван Федоров в бытность свою в Польше получил дворянство.

В пользу нашей гипотезы о пребывании Ивана Федорова в Краковском университете говорят и те оживленные связи, которые он поддерживал с Краковом в период своей деятельности во Львове и Остроге. Напомним, например, что гравюры для львовского издания Апостола исполнил краковский гравер Вендель Шарфенбергер²³.

Нужно вспомнить и прямое указание Дж. Флетчера о том, что типографский станок и литеры были привезены в Москву из Польши²⁴.

Имеет ли наша гипотеза право на существование? Чтобы ответить на этот вопрос положительно, достаточно сказать, что аналогичная гипотеза, связанная с именем белорусского первопечатника Франциска Скорины, в свое время никаких возражений не вызвала. В настоящее время считается общепризнанным, что Скорина учился в Краковском университете и здесь получил ученую степень бакалавра²⁵. В основу этого утверждения положены две короткие записи: одна в матрикульных книгах («Franciscus Luce de Polozko» — «Франциск сын Луки из Плоцка») и вторая в «Либере Промоционум» («Fran. de Poloczko, Litpanus» — «Фран. из По-

²² См. В. К. Лукомский. К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова. В сб. «Иван Федоров первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 167—175.

²³ См. П. Н. Берков. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников. В сб.: «Иван Федоров первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 113—115.

²⁴ G. Fletcher. Of the Russe Common Wealth or Maner of Government by the Russe Emperour. London, 1591, p. 85—86 («... there came a Press and Letters out of Polonia, to the citie of Mosko, where a printing house was set up...»).

²⁵ Ср.: В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, стр. 657, 717; С. Майхрович. Георгий Скарыва. Минск, 1966, стр. 34; Е. Л. Немировский. Белорусский первопечатник Франциск Скорина. «Полиграфия», 1967, № 8, стр. 39, и др.

лоцка, литвин») ²⁶. Никаких других документальных подтверждений пребывания Скорины в Кракове не имеется.

Нельзя не отметить, что в первой записи идет речь о «Франциске... из Плоцка», а не «Полоцка». Плоцк — польский город, отстоявший достаточно далеко от родного города Скорины. Мы не можем не указать здесь, что «Франциск из Плоцка» упоминается в документации Краковского университета и в 1523 г. ²⁷, когда белорусский издатель и просветитель Франциск Скорина вероятнее всего был в Вильне.

Вопрос о пребывании первопечатника Ивана Федорова в стенах Краковского университета вне всякого сомнения должен быть подвергнут дополнительному и более обстоятельному изучению. Предлагаемые нами соображения по этому поводу являются лишь первичной постановкой вопроса.

²⁶ «Album studiosorum...», t. II, p. 91; Statuta nec non Liber Promotionum...», p. 144.

²⁷ «Acta Rectoralia...», p. 622, № 2647.

Л. П. ЖУКОВСКАЯ

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI—XIV вв. В КНИГОХРАНИЛИЩАХ СССР

Древнее рукописное наследие можно рассматривать или как рукописи (т. е. списки одного и того же памятника) или как памятники (т. е. произведения) письменности.

Рукописями являются конкретные дошедшие до нас рукописные книги, грамоты (в том числе и фрагменты), написанные одним или несколькими писцами как единое целое за более или менее короткий срок. В большинстве случаев понятие рукопись совпадает с инвентарным номером ее в книгохранилище. Но, с одной стороны, известны случаи, когда одна и та же рукопись хранится за несколькими инвентарными номерами в одном хранилище¹ или даже части одной и той же рукописи оказываются в разных хранилищах, а иногда и в разных странах². С другой стороны, в составе ныне существующей единой рукописной книги могут оказаться одновременно написанные части одного и того же памятника, причем разрыв во времени написания этих частей может исчисляться веками³. Датируют рукописи временем написания данного экземпляра, данной рукописи как таковой и отдельных частей ее (если они есть).

Рукописи, имеющие одно и то же содержание, композицию составных частей и назначение, являются списками одного и того же памятника письменности. Как правило, древние произведения литературы и письменности не дошли до нас в авторских или редакторских автографах. Они представлены лишь списками, в одних случаях многочисленными, в других единичными, составленными в разное время и в разных местах. Списки эти всегда различаются между собой то более, то менее существенно, поэтому памятник письменности для древнейшего периода ее и раннего средневековья в известной степени абстракция. Памятники

¹ Например, В. А. Мошным установлено, что рукописи № 62, 63, 67 из собр. Гильфердинга в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (ГПБ) составляют в действительности одну и ту же рукопись. См. В. А. Мошин. К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XV, М.—Л., 1958, стр. 415.

² Например, части Слепченского апостола XII в. находятся в пяти книгохранилищах: ГПБ (Фл I 101 и 101а), Народной библиотеке им. И. Вазова в Пловдиве (Болгария), Гос. б-ке СССР им. В. И. Ленина (собр. Григоровича № 14/М.1696), Библиотеке АН СССР (24.4.6/ собр. Срезневского № 53) и Центральной б-ке АН УССР (ДА/11. 25).

³ Например, Саввина книга (Центральный гос. архив древних актов, фонд Библиотеки Московской Синодальной типографии, № 14), датируемая X в. (датируют ее и XI в.), занимает лишь 129 л. из 166; две другие части, дополняющие ее, написаны тоже одновременно, несколькими веками позже. Нам кажется, что случай такого рода правильнее было бы квалифицировать как разные рукописи в составе одной единицы хранения.

письменности датируются по времени создания оригинала, но не по времени написания сохранившихся списков ⁴ (т. е. рукописей, находящихся в определенных книгохранилищах), всегда более поздних по происхождению.

Известно, что литературоведение и история имеют дело преимущественно с памятниками письменности, лингвистика — преимущественно с рукописями. Однако и лингвистам иногда надо иметь в виду не только конкретную рукопись, но и ближайшие родственные и даже отдаленно родственные рукописи, представляющие один и тот же памятник письменности ⁵.

Типологическое и текстологическое исследование сохранившихся древних рукописей одного и того же или близкого содержания позволяет установить, какие из них являются списками одного памятника и какие относятся к разным памятникам. В большинстве случаев это в филологической науке было определено еще в XIX в., но имеются и спорные вопросы, что в значительной степени объясняется отставанием нашей кодикологии. Это не могло не отразиться и на предлагаемом ниже Указателе древних памятников ⁶.

В начале 1967 г. вышел в свет «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для „Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно“)⁷, составленный Н. Б. Шеламановой по материалам, присланным в Археографическую комиссию работниками 38 книгохранилищ нашей страны. В «Предварительном списке» (далее — ПС) указаны 1493 единицы хранения рукописей, написанных до конца XIV в. (некоторые датируются рубежом XIV—XV в.), причем в него не включены берестяные грамоты, а также грамоты и другой актовый материал, написанный на пергамене и бумаге. Не вошли в него, естественно, и разного рода надписи на зданиях и других предметах материальной культуры.

В ПС весь материал расположен хронологически, хотя некоторые отклонения от этого принципа в нем все же есть. Внутри определенных хронологических периодов рукописи приведены по алфавитному порядку названий памятников. Низшим элементом распределения материала является алфавитный порядок названий современных книгохранилищ.

В алфавитном порядке названий памятников много не всегда оправданного разнобоя (см. ниже примечания и отсылки) и даже ошибок. Кроме того, рукописи, относящиеся к одному и тому же памятнику письменности, в силу принятого расположения материала (который в целом мы считаем правильным) оказываются в разных местах ПС, занимающего около 100 стр. и напечатанного даже без типографского выделения названий памятников ⁸.

⁴ Например, Слово о полку Игореве, единственный древний список которого, относившийся, по-видимому, к XVI в., сгорел во время московского пожара 1812 г., датируется концом XII в. и в наше время восстанавливается по несовершенным копиям XVIII—XIX вв.

⁵ См. подробнее: Л. П. Жуковская. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их значение и методика исследования). В кн. «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, стр. 20—35.

⁶ За критические замечания, сделанные при прочтении настоящего Указателя в машинописи, автор благодарит Н. Б. Тихомирова — главного библиотекаря Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина.

⁷ См. «Археографический ежегодник за 1965 год». Посвящен памяти М. Н. Тихомирова. М., 1966.

⁸ В тексте нет особых шрифтов, а разрядка употреблена только среди библиографических данных, для фамилий, что еще больше затрудняет отыскание названия нужного памятника или рукописи.

В ПС имеются недоработки в определении содержания рукописей, далеко не всегда объясняющиеся недостаточностью, фрагментарностью сохранившихся частей самой рукописи, и разноречивостью в определении авторской принадлежности того или иного памятника, который в отдельных случаях нам удалось устранить. Встречаются и несоотносимые данные. Например, об одних рукописях, составляющих списки одного и того же памятника, говорится с точки зрения наличия или отсутствия в них музыкальных знаков, о других — их назначения (например, использования в ту, а не иную часть года), о третьих — с точки зрения состава текстов и т. п. Недостатки такого рода мы смогли устранить только для рукописей евангелия (их 376), хранящихся в главных собраниях страны, и лишь в единичных случаях для других памятников. Полностью устранить их, очевидно, будут сами составители «Сводного каталога», для которого ПС послужит основой. Однако в ближайшие годы можно будет использовать данные лишь опубликованного «Предварительного списка». Публикуемый ниже Указатель, представляющий только стадию в обобщении материалов ПС, должен облегчить пользование лицам, которых интересуют рукописи наших книгохранилищ как списки определенного памятника.

Сами памятники письменности размещаются ниже в алфавитном порядке их нарицательных названий. Имена собственные рукописей, закрепленные за ними традицией (например, Остромирово евангелие), не указываются: они перечислены в самом ПС под заголовком «Рукописи, имеющие специальные названия» (стр. 271—272). Наричательные названия по авторской принадлежности, как правило, даются в отсылках. Рукописи, принадлежащие к одному и тому же типу памятника или представляющие списки определенного памятника, даже если они имеют в ПС недостаточные или несоотносимые с остальными списками данные, перечисляются в алфавитном порядке памятников, но располагаются они вслед за рукописями, имеющими достаточные данные, и заключаются в скобки.

Лицам, которые будут пользоваться ПС и предлагаемым ниже Указателем, необходимо иметь в виду, что многие памятники письменности вошли в состав разного рода сборников⁹ и упоминаются лишь в отдельных редких случаях, когда в ПС имеются на это специальные указания¹⁰. Важно учитывать и то, что в ПС сосуществуют общие и частные определения содержания рукописей. Например, в одних случаях читаем: «Апокрифы», и конкретное содержание их не раскрывается; в других не указывается апокрифический характер памятника, но даются частные определения (см. Сказание Афродитиана, Откровение Авраама, Поучение Моисея о пьянстве, Хождение богородицы по мукам и др.); в третьих указывается и то и другое (Апокрифическое первоевангелие апостола Иакова). Также обстоит дело и по отношению к Словам, Сборникам, Поучениям и т. п. При составлении настоящего Указателя мы смогли преодолеть эти недостатки далеко не везде. Не оказалось возможным на данном этапе работы и полностью идентифицировать все рукописи по их содержанию и соответственно наименованиям. Это предстоит сделать будущим составителям «Сводного каталога».

⁹ Они отмечаются в Указателе звездочкой.

¹⁰ В ПС содержание сборников раскрывается весьма непоследовательно, например важнейший памятник древнерусской литературы — Сказание о Борисе и Глебе — указан для Сильвестровского сборника XIV в. (№ 1209) и не указан для Успенского сборника XII в. (см. № 141). Раскрытие содержания сборников в максимально возможной мере должно быть проведено в будущем Сводном каталоге. Это диктуется прежде всего тем обстоятельством, что многие важные произведения древнерусской литературы представлены только в сборниках.

Актовый материал XI—XIV вв., который, с нашей точки зрения, непременно должен войти в будущий «Сводный каталог», в наш Указатель не включен, поскольку его нет в ПС, а разыскание его связано со специальной работой в местных книгохранилищах.

Предлагаемый Указатель памятников дает представление о составе сохранившейся древней книжности и будет полезен не только лингвистам, литературоведам и историкам, работающим над рукописными материалами в исследовательском плане, но и будущим составителям Сводного каталога, которые, конечно, будут дорабатывать и ПС и Указатель, внося в них необходимые дополнения, уточнения и поправки.

**УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ПО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ НАЗВАНИЯМ ИХ И ПО ИМЕНАМ
ИХ АВТОРОВ (ИЛИ ПО ДРУГИМ ИМЕНАМ
СОБСТВЕННЫМ)**

- Авва Дорофей. Поучения, Слова, Творения. См.: Поучения аввы Дорофея, Слова аввы Дорофея, Сочинения аввы Дорофея.
- Авраам. Книга откровения. См.: Откровение Авраама.
- Азбучный патерик. См.: Патерик азбучный.
- Анастасий Синаит. Слова. См.: Слова Анастасия Синаита.
- Андрей¹¹ Кесарийский. Толкования на апокалипсис. См.: Апокалипсис толковый Андрея Кесарийского.
- Андрей Критский. Каноны. См.: Каноны Андрея Критского.
- Андрей Юродивый. Житие его. См.: Житие Андрея Юродивого.
- Антиох Черноризец. Пандекты. См.: Пандекты Антиоха Черноризца.
- Апокалипсис — 73.
- Апокалипсис толковый Андрея Кесарийского — 755¹¹, 776, 777, 891, 1297. (Апокрифы) — 143*, 403*, 892, 1327¹², 1380*, 1385*. См. также апокрифы со своими, закрепившимися в литературе названиями.
- Апостол апракос краткий — 61, 899¹³.
- Апостол апракос полный — 74, 75, 76, 77, 392, 498, 678, 1301.
(Апостол апракос) — 227, 245, 248, 249, 413, 414, 479, 482, 519, 554, 680, 683, 778, 779, 780, 893, 894, 895, 897, 900, 901, 902, 903, 905, 907, 916, 1417.
(Апостол) — 78, 79, 187, 228, 247, 415, 416, 557, 570, 576, 604, 624, 625, 635 (?), 681, 682, 781, 782, 783, 896, 904, 906, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 917, 1213* (месяцеслов из апостола?), 1299, 1418.
Апостол и евангелие праздничный апракос — 210¹⁴, 679 (?), 936.
Апостол и евангелие краткий апракос — 938, 992, 1300.
Апостол и евангелие полный апракос — 258, 412, 498.
(Апостол и евангелие апракос)¹⁵ — 246, 898, 1298.
Апостол толковый — 181, 784, 1401.
Афанасий Александрийский. Толкования на псалтырь. См.: Псалтырь толковая Афанасия Александрийского.
Афродитиан. Сказание. См.: Сказание Афродитиана.

¹¹ При № 755 ошибочно: «Аггей, архиепископ кесарийский». Числа указывают порядковый номер памятников ПС.

¹² При 1327 определение «апокрифы» употреблено для раскрытия содержания Златой цепи.

¹³ При 899 определение: «неполный» (т. е. краткий?).

¹⁴ При 210 чтения из апостола ПС не указывает.

¹⁵ Имеется в виду книга, в которой чтения из апостола и евангелия распределены по дням года и чередуются, но состав сохранившихся частей не позволяет определить, к полному или краткому апракосу они относятся.

Беседы Григория Двоеслова, папы римского: на евангелие — 250¹⁶; с архидьяконом Петром — 665.

(Беседы [Григория Двоеслова? Иоанна Златоуста?] на Новый завет [на евангелие?]) — 391.

(Беседы Григория Двоеслова) — 626, 684, 918¹⁷.

Беседы из патерика — 858*.

(Беседы) — 515*, 516*, 545*, 860*.

Библейские книги: Иисус Навин, Судей израильтян, Руфь, Есфирь — 1302; Пятикнижие Моисеево — 743.

Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского — 136.

(Богослужебный текст на крюковых нотах) — 135, 350*.

(Богослужебный текст) — 72, 251, 252, 351*, 472, 473, 601, 664, 919, 1206*, 1208*, 1210*, 1288¹⁸, 1289, 1290, 1291, 1416, 1468*, 1469*, 1470*, 1493.

Борис. Житие его. См.: Сказание о Борисе и Глебе.

Бреварий — 1419.

Варлаам. Житие его. См.: Повесть о Варлааме и Иоасафе.

Василий Великий. Поучения. Слова. См.: Поучения Василия Великого. Слова Василия Великого.

Василий Кесарийский. См. Василий Великий.

Геннадий Константинопольский¹⁹. Стослов, или Стословец. См.: Стословец Геннадия патриарха Константинопольского.

Георгий Амартол. Хроника. См.: Хроника Георгия Амартола.

Георгий инок. Летовник. См.: Хроника Георгия Амартола.

Главизны Максима Исповедника — 253, 685²⁰.

Главы Нила — 253.

Главы Феодора Эдесского²¹ — 253, 1324.

Глеб. Житие его. См.: Сказание о Борисе и Глебе.

Григорий Богослов. Слова. См.: Слова Григория Богослова.

Григорий Великий. См.: Григорий Двоеслов.

Григорий Двоеслов. Беседы. Житие его. См.: Беседы Григория Двоеслова.

Григорий Назианзин (Назианский). См.: Григорий Богослов.

Григорий Нисский. Толкования на Песнь песней. См.: Песнь песней с толкованиями Филона Карпафийского, Ипполита и Григория Нисского.

Григорий папа римский. См.: Григорий Двоеслов.

Деяние апостола Фомы — 1380.

Дионисий Ареопагит. Творения. См.: Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Диотра²², или Зерцало, Филиппа Пустынника — 549, 772*, 920, 921.

Дмитрий Солунский. Служба ему. См.: Служба Дмитрию Солунскому.

Дорофей авва. Поучения. См.: Поучения аввы Дорофея.

(Духовные песнопения) — 254.

Евагрий. Слово о целомудрии. См.: Слово Евагрия О целомудрии.

Евангелие апракос краткий²³ — 2, 3, 6, 86, 146, 190, 204, 207, 232, 261, 265, 277, 393, 417, 579, 607, 609, 629, 666, 690, 696, 793, 800, 801, 958, 960, 967, 973, 974, 987, 1306, 1313. См. также: Апостол и евангелие краткие апракосы.

Евангелие апракос полный²⁴ — 53, 54, 55, 56, 82, 85 (?), 137, 138 (?), 147, 148, 149, 176, 177, 179, 184, 185, 191, 197, 213, 214, 217, 230, 231, 255, 256, 257, 260, 262, 263, 264, 266, 267, 270, 272, 276, 279, 280, 281, 419, 420, 421, 422, 428, 480, 486, 488, 490, 494, 507, 508, 512, 513, 514, 517, 558, 561, 569, 577, 578, 580, 581, 605, 606, 608, 610, 627, 628, 631, 686, 687, 688, 689, 691, 692, 693, 694,

¹⁶ При 250 Григорий ошибочно назван Богословом.

¹⁷ При 918 указано: «папы римского Григория».

¹⁸ При 1288 определение: «литургическое содержания».

¹⁹ При 120, 1212 указан как архиепископ; при 144 — патриарх.

²⁰ При 685 уточнение: «К Елпидию попу о любви».

²¹ При 253: «Главы подвижнические»; при 1324: «Главы добродетельны» (добродетельные?).

²² При 920 автор не указан; при 549 и 921 Филипп назван «иноком».

²³ Как краткие апракосы в ПС указаны только 6, 190, 204, 393, 579, 607, 690, 1306.

²⁴ Как полные апракосы в ПС указаны лишь рукописи 53, 54, 137, 185, 257, 558, 578, 605, 606, 608, 627, 628, 687, 688, 689, 691—694, 785, 786, 1295, 1303, 1307—1311. Рукописи 428 и 561 неправильно определены как тетр.

695, 785, 786, 787, 789, 791, 792, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 802, 803, 922, 924 (?), 929, 931, 932, 933, 935, 937, 939, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 954, 956 (?), 957, 959, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 968, 971, 972, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 985, 998, 1000, 1001, $\frac{1}{4}$ 1295, 1303, 1304 (?), 1307, 1308, 1309, 1310, 1311, 1312, 1314, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425. См. также: и Апостол и евангелие полный апракос.

Евангелие апракос ²⁵ — 17, 18, 19, 20, 80, 81, 83, 196, 198, 208, 229, 259, 268, 269, 271, 273, 274, 278, 289, 394, 418, 423, 559, 630, 697, 788, 923, 925, 926, 927, 934, 953, 983, 988, 989, 993, 995, 996, 997, 999, 1002, 1047, 1305, 1342 (?), 1426.

Евангелие тетр ²⁶ — 11, 21, 51, 87, 88, 89, 90, 91, 145, 203, 215, 216, 224, 233, 234, 235, 275, 283, 284, 285, 286, 395, 396, 397, 424, 425, 426, 427, 438, 478, 487, 496, 510, 543, 572, 582, 583, 602, 632, 633, 634, 635, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 770, 790, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 928, 930, 940, 941, 955, 969, 970, 984, 994, 1004, 1005, 1006, 1007, 1008, 1009, 1010, 1011, 1012, 1013, 1014, 1015, 1016, 1017, 1018, 1019, 1020, 1021, 1022, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027, 1028,

²⁵ По сохранившимся отрывкам пока невозможно определить, к кратким или полным апракосам относятся эти рукописи. Рукопись 1047 определена: «месяцеслов». В действительности она — месяцесловная часть евангелия апракос.

²⁶ Рукописи 145, 233, 234, 275, 438, 790, 928, 941, 955, 969, 970, 984, 994 в ПС неправильно определены как апракос; в действительности они — тетры. Из них 970 квалифицируется как часть рукописи 235 — тетра, но сама эта рукопись на стр. 242 названа все же апракосом! Рукописи 804, 930, 940 названы «отрывок», причем для 804 даже не отмечено, что это отрывок евангелия; в действительности все они — евангелие тетр. Рукописи 216, 217, 425, 478, 487, 510, 562, 671, 672, 701, 1015 названы по имени того или иного евангелиста без определения типа книги евангелия (апракос, тетр); кроме 217 и 562, все они — тетры; 217 — апракос; по сохранившимся частям 562 тип книги трудно определить. Рукопись 930 содержит 23 л., но названа все же «отрывок». Рукопись 21 — Зографское евангелие, имеет 304 л., но тоже определена как «отрывок».

1029, 1315, 1316, 1317, 1318, 1319, 1321, 1322.

(Евангелие) ²⁷ — 84, 150, 287, 288, 429, 562, 573, 584, 679, 986, 990, 991, 1003, 1474.

Евангелие толковое Феофилакта Болгарского — 282 ²⁸, 503, 1246, 1320.

Евангелие учительное Константина Болгарского — 59, 193 ²⁹.

Евангелие. Беседы на него Григория Двоеслова. См.: Беседы Григория Двоеслова на евангелие.

Евфросинья Преподобная. Житие ее. См.: Житие Евфросиньи Преподобной.

Елиидий поп. Адресованные ему «Главыны о любви». См.: Главыны Максима Исповедника.

Епифаний Кипрский. Житие его. См.: Житие Епифанья Кипрского.

Ефрем Сирин. Паренесис. Слова. Наказание инокам. См.: Паренесис Ефрема Сирина. Поучения Ефрема Сирина. Слова Ефрема Сирина.

Житие Андрея Юродивого — 772*.

Житие Антония — 539.

Житие Бориса и Глеба. См.: Сказание о Борисе и Глебе.

Житие Варлаама и Иоасафа. См.: Повесть о Варлааме и Иоасафе.

Житие Василия Нового — 1383*, 1427.

Житие Григория, епископа Акрагантского ³⁰ — 1323.

Житие Евфросиньи Преподобной — 92.

Житие Епифанья Кипрского — 290.

Житие Иоанна Богослова — 93.

Житие Иоанна Златоуста — 674.

Житие Кондрата — 22.

Житие Мины — 623.

Житие Никиты Исповедника — 291.

Житие Нифонта Константинопольского — 62, 180.

²⁷ По сохранившимся частям тип книги точно установить невозможно.

²⁸ При 282 имя Феофилакта Болгарского не указано.

²⁹ При 193 название: «Поучения на воскресные дни Константина, пресвитера болгарского». Однако из описания содержания рукописи можно узнать, что оно совпадает с содержанием рукописи 59. См. Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 98.

³⁰ Григорий при 1323 в ПС назван «папой римским»; в настоящее время в каталоге Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина ошибка исправлена.

- Житие Онуфрия Пустынника — 706.
- Житие Панкратия Тавроменийского — 430, 1031.
- Житие Саввы Освященного, написанное Кириллом Скифопольским — 94, 292.
- Житие Симеона Сербского (Саввы?) — 1032.
- Житие Феклы — 23.
- Житие Феодора Студита — 62.
- Житие Феодора Эдесского — 1324, 1326. (Житие, |Жития) — 527*, 596*, 656*, 744*, 747*, 768*, 853*, 854*, 855*, 856*, 1197*, 1203*, 1209*, 1325, 1380*, 1383*, 1384*, 1386*, 1388*, 1467*, 1471*. См. также: Минея, Пролог (Сборник).
- Законник Стефана Душана — 815.
- Златая цепь — 707, 1327.
- Златоструй — 24, 95, 293, 294, 1033.
- Златоуст — 295, 816, 856.
- Зонарь — 1341. См.: (Номоканон).
- Иакова апостола апокрифическое Перво-евангелие. См.: Первоевангелие апостола Иакова.
- Иерофей Афонский. Служба ему. См.: Служба Иерофею Афонскому. Изборник. См.: (Сборник).
- Измарагд — 708.
- Иов. См.: Книга Иова с толкованием Олимпиодора.
- Иоанн Богослов. Житие его. См.: Житие Иоанна Богослова.
- Иоанн Дамаскин. Богословие. Сочинения. См.: Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского. Сочинения Иоанна Дамаскина.
- Иоанн Златоуст. Златоструй. Златоуст. Панегирик. Слова. Житие его. Служба ему. См.: Златоструй. Златоуст. Панегирик Иоанна Златоуста. Слова Иоанна Златоуста. Житие Иоанна Златоуста. Служба Иоанну Златоусту.
- Иоанн Лествичник³¹. Лествица. Слово к пастырю. См.: Лествица Иоанна Лествичника. Слово к пастырю Иоанна Лествичника.
- Иоанн Синайский. См.: Иоанн Лествичник.
- Иоанн экзарх Болгарский. Пролог. Шестоднев. Перевод Богословия Иоанна Дамаскина. См.: Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзар-
- ха Болгарского. Пролог Иоанна экзарха Болгарского. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского.
- Ипполит³². Слово Об Антихристе. Толкования на книгу пророка Даниила. Толкования на Песнь песней. См.: Слово Ипполита Об Антихристе. Толкования Ипполита на Книгу пророка Даниила. Песнь песней с толкованиями Филона Карпафийского, Ипполита и Григория Нисского.
- Ирмологий на крюковых нотах — 63, 97, 199, 1036³³.
- Ирмологий³⁴ — 96, 296, 499, 817, 818, 1034, 1035, 1037, 1328, (Ирмосы) — 218.
- Исаак Сирийский³⁵. Поучение. Слова постнические. См.: Поучение Исаака Сирина. Слова Исаака Сирина.
- Исайя. Книга его. См.: Книга пророка Исайи в редакции толковых пророчеств.
- Исидор Пелусиотский. Слова. См.: Слова Исидора Пелусиота.
- Ихниллат. См.: Повесть «Стефанит и Ихниллат».
- Канон Андрея Критского «На исход души» — 709; (Канон) Андрея Критского — 1428.
- Канон богородице — 431, 1330.
- Канон архистратигу Михаилу — 1329.
- Канон на крестоцеловальную неделю — 1039.
- Каноны из октоиха — 462, 1357.
- Канон рождеству Христову — 431, 611.
- Каноны триодей — 636.
- Канон умершему — 297.
- (Канон, каноны) — 151, 298, 1038, 1043, 1432.
- Канонник-богородичник — 1331.
- Канонник из триоди постной и триоди цветной — 1040.
- (Канонник)³⁶ — 819, 820, 1041, 1042, 1204*, 1205*, 1429, 1430, 1431.
- Кирилл. См.: Молитва святого Кирилла.
- Кирилл Иерусалимский. Огласительные поучения. Слова. См.: Поучения огла-

³² Этот епископ римский папой не считается, но при 66 назван «папа римский».

³³ При 1036 определение: «на крюках».

³⁴ Наличие или отсутствие нот не оговорено.

³⁵ При 749 назван «Сириянин».

³⁶ 1204 и 1205 даны под названием «Сборник».

³¹ При 585, 1044 назван Иоанном Синайским, при 1434 — и Лествичником и Синайским.

- сительные Кирилла Иерусалимского
Слова Кирилла Иерусалимского.
- Кирилл Скифопольский. Житие Саввы Освященного. См.: Житие Саввы Освященного, написанное Кириллом Скифопольским.
- Кирилл Туровский. Молитва. Поучения. Слова. См.: Молитва Кирилла Туровского. Поучения Кирилла Туровского. Слова Кирилла Туровского.
- Климент Словенский. Слова. См.: Слова Климента Словенского.
(Книга Бытия или Палея?) — 442.
- Книга Иова с толкованием Олимпиодора — 563.
- Книга Петра Дамаскина «Воспоминание к своей ему души» — 675.
- Книга пророка Исайи в редакции толковых пророчеств — 139.
- Кондакарь на крюковых нотах ³⁷ — 36, 140, 178.
(Кондакарь) ³⁸ — 64, 98, 299, 383.
- Контакты богородице и воскресению Христа — 885.
(Кондаки) — 1413.
- Конрат. Житие его. См.: Житие Кондрата.
- Константин Болгарский. Евангелие учительное. См.: Евангелие учительное Константина Болгарского.
- Константин Манассия. Сборник с его летописью. См.: Хроника Константина Манассии.
- Кормчая ³⁹ — 57, 188, 192, 300, 398, 476, 477, 710, 821, 822, 875, 1332.
- Лев Деспот. Стихиры — 1342.
- Лествица Иоанна Лествичника ⁴⁰ — 58, 301, 302, 432, 489, 491, 492, 509, 523, 548, 571, 585, 637, 638, 711, 823, 824, 825, 826, 1044, 1045, 1046, 1333, 1334, 1335, 1433, 1434, 1435, 1436.
- ³⁷ При 140 указано: «на безлинейных кондакарных нотах».
- ³⁸ По имеющимся описаниям можно установить, что одни из них на крюковых нотах (таковы 299 и 383), другие содержат по несколько листов на крюковых нотах (таковы 64 и 98, представляющие собой части одной и той же рукописи), однако в ПС этих указаний нет.
- ³⁹ При 875 указано: «Требник со статьями из кормчей книги».
- ⁴⁰ При 585, 1044 указан как Иоанн Синайский, при 1434 — Лествичник и Синайский; при 432 «Лествица» — без имени автора. При 1045 особо указана составная часть Лествицы «Слово к пастырю».
- Лестовник Георгия инока. См.: Хроника Георгия Амартола.
- Летописи: Новгородская Первая — 433; Лаврентьевская — 534.
- Летопись Константина Манассии. См.: Хроника Константина Манассии.
(Лимонис) — 1363. См.: Патерик Синайский (Листок глаголический) — 49, 50.
- Максим Исповедник. Главизны к попу Елпидию о любви. Главы подвижнические. См.: Главизны Максима Исповедника.
- Матфей Властарь ⁴¹. Правила, или Синтагма. См.: Синтагма Матфея Властаря.
- Мерило праведное — 639.
(Месяцеслов) ⁴² — 303, 1047, 1413.
- Мина. Житие его. См.: Житие Мины.
- Минея общая — 1343 ⁴³.
- Минея праздничная, или Трефологий ⁴⁴ — 99, 100, 182, 222, 223, 304, 305, 434, 641, 756, 828, 878, 879, 1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1336, 1337, 1343 ⁴⁵, 1437, 1438, 1439.
- Минея служебные ⁴⁵: январь — 37, 101, 173, 306, 640, 712, 1054, 1055, 1056, 1337; январь — март — 713; февраль — 38, 102, 103, 307, 586, 714, 1057; февраль и август — 308; март — 14, 309,

⁴¹ При 730 имя его указано в другом написании: Матвей Властарь.

⁴² При 303 указано: «Месяцеслов при апостоле»; 1047 в действительности — месяцесловная часть евангелия апракос; 1413 указано: «Часослов и месяцеслов с тропарями и кондаками („Тропарник“)».

⁴³ В составе книги «Обиход церковный».

⁴⁴ При 182, 756, 878, 879 название: «Трефологий»; 1336 — «Минея праздничная (Трефологий)»; при 1337 «Минея служебная (январь (?) или Трефологий)»; 1343 в составе книги «Обиход церковный»; при 99 указано: «на крюковых нотах», при других нет указаний о наличии или отсутствия нотации; при 99 уточнение: сентябрь — ноябрь; при 182: февраль — август, при 222 и 223 указано: «на весь год» (в них всего соответственно два и три листа, а остальная часть рукописи находится на Афоне), но при этом, как правило, месяцы не указаны даже для рукописей большого объема.

⁴⁵ При 1082, 1340, 1443 указано только «месячная»; при 107, 109, 307, 317, 521, 524, 612, 640, 718, 832, 1058, 1064, 1072, 1076, 1078, 1081 отсутствуют определения «служебная» или какое-либо иное, но указан месяц. При 1337 выражено сомнение: «или Трефологий?». При 588 указано: «с проложными житиями». При 1083 указано: «с проложными чтениями».

310, 521, 715, 1058, 1059; март — апрель — 311, 830; март — май — 829; март — август — 716; апрель — 39, 104, 105, 567, 1060, 1061; май — 10, 106, 107, 152, 312, 435, 436, 717, 1062; май — июнь — 313, 831, 1063, 1064; июнь — 108, 109, 1065, 1066, 1067, 1068; июнь — июль — 1069; июнь — август — 587; июль — 25, 40, 110, 314, 518, 718, 1070, 1071, 1072, 1073, 1440; август — 41, 111, 200, 1074, 1075, 1441 (см. также: февраль и август); сентябрь — 7, 42, 112, 153, 719, 832; сентябрь — октябрь — 113, 174, 720; сентябрь — февраль — 588; октябрь — 8, 114, 524, 550, 612, 721, 1076, 1077, 1338; октябрь — ноябрь — 1078; ноябрь — 9, 115, 154, 315, 316, 1079, 1080, 1081, 1082, 1339, 1442; декабрь — 116, 155, 317, 318, 722, 723, 1083, 1084, 1340, 1443; декабрь — январь — 156, 833.

(Миняя служебная)⁴⁶ — 117, 438.

Миняя четья: март — 26; май — 141.

(Миняя) — 319, 320, 321, 437, 1085, 1444.

Миссал — 1.

Михаил архистратиг. Канон ему. См.: Канон архистратигу Михаилу.

Моисей. Пятикнижие. См.: Библиейские книги: Пятикнижие Моисеево.

Моисей. Поучение о пьянстве (апокриф). См.: Поучение о пьянстве.

Молитва Кирилла Туровского — 323.

(Молитва святого Кирилла) — 322.

Молитвы заклиательные — 1089.

(Молитвы) — 324, 1090.

Молитвенник — 236, 1086, 1087, 1088⁴⁷.

Наказание инокам Ефрема Сирина — 613 (Не Слова постнические?).

Никита Иракийский. Толкования на 16 слов Григория Богослова. См.: Толкования Никиты Иракийского на Слова Григория Богослова.

Никита Исповедник. Житие его. См.: Житие Никиты Исповедника.

Николай архиепископ Константинопольский. Слово к проту Афонской горы. См.: Слово Николая архиепископа Константинопольского к проту Афонской горы.

Никон Черногорец⁴⁸. Пандекты. Тактикон. См.: Пандекты Никона Черногорца. Тактикон Никона Черногорца. Нил. Главы подвижнические. См.: Главы Нила.

Нифонт Константинопольский. Житие его. См.: Житие Нифонта Константинопольского.

(Номоканон) — 642. См. также: Зонарь, Синтагма Матфея Властаря. Законописец Стефана Душана. Кормчая.

Обиход церковный⁴⁹ — 614, 1091, 1092, 1342, 1343.

Октоих⁵⁰ — 201, 219, 325, 326, 327, 328, 399, 400, 439, 440, 502, 589, 615, 643, 644, 645, 724, 834, 1093, 1094, 1095, 1096, 1097, 1098, 1099, 1100, 1101, 1102, 1103, 1104, 1105, 1106, 1107, 1108, 1109, 1296, 1344, 1345, 1346, 1347, 1348, 1349, 1350, 1351, 1352, 1353, 1354, 1445, 1446.

Олимпиодор. См.: Книга Иова с толкованиями Олимпиодора.

Онуфрий Пустынный. Житие его. См.: Житие Онуфрия Пустынного.

Откровение Авраама — 1209*.

(Отрывок, отрывки⁵¹) — 171, 172, 389, 390, 471, 848, 889, 890, 1492. См. также: (Богослужебный текст), (Религиозный текст).

Палея толковая первоначальной редакции — 1355.

Палея толковая — 835.

Палея⁵² — 442, 1110.

Пандекты Антиоха Черноризца⁵³ — 15, 35, 481, 646.

⁴⁸ При 566 назван «Черноризец» (по аналогии с Антиохом?).

⁴⁹ При 1342 раскрыто содержание: «Отрывок (содержащий воскресные утренние евангелия со свечильными и стихирами Льва Деспота); при 1343: «Обиход церковный (содержащий стихиры и каноны октоиха, общей и праздничной миней и триоди и др.)».

⁵⁰ При 1347 отмечено: Октоих «особого состава».

⁵¹ Составители ПС злоупотребляют определением «отрывок» (см. примеч. 26), поэтому те «отрывки», содержание которых мы можем уточнить в настоящее время, отнесены в соответствующие группы.

⁵² При 442 выражено сомнение: «Книга бытия (Палея?)».

⁵³ При 481, 646 определение «Черноризец» отсутствует. При 35 уточнено «Слово о вере из Пандект Антиоха Черноризца».

⁴⁶ Месяц не указан.

⁴⁷ При 1088 указано: «Молитвенник („Полустав“)».

- Пандекты Никона Черногорца — 65, 194, 540, 555, 590, 647, 648, 676, 836, 837, 838, 1111, 1356, 1447.
- Панегирик Иоанна Златоуста (Слова на избранные праздники) — 674.
- Панкратий Тавроменийский. Житие его. См.: Житие Панкратия Тавроменийского.
- Пантелеймон мученик. Служба ему. См.: Служба мученику Пантелеймону.
- Параклитик ⁵⁴ — 462, 497, 522, 546, 1112, 1357.
- Паремейник — 142, 186, 202, 237, 329, 330, 331, 332, 401, 441, 484, 504, 525, 536, 725, 726, 1113, 1114, 1115, 1116, 1117, 1118, 1119, 1120, 1121, 1122, 1123, 1124, 1125, 1358, 1359, 1360, 1448, 1449, 1450.
- Паренесис ⁵⁵ Ефрема Сирина — 535, 652, 839, 1361. См. также: Поучения Ефрема Сирина, Слова Ефрема Сирипа.
- Патерик азбучный ⁵⁶ — 649, 727, 1362.
- Патерик Иерусалимский — 1362.
- (Патерик поглавный) — 840.
- Патерик Синайский — 16, 679; (Лимонис) — 1363 (?).
- Патерик Скитский — 650, 1199*, 1363, 1364.
- (Патериковые повести ⁵⁷) — 596*, 768*, 851*, 858*, 1392*, 1385*, 1386*.
- Первоевангелие апостола Иакова (апокриф) — 1226.
- («Переписная книга какого-то монастыря») — 1451.
- (Песнопение богородице) — 333 (канон?).
- Песнь песней с толкованиями Филона Картавийского, Ипполита и Григория Нисского ⁵⁸ — 220, 1126.
- Петр Дамаскин. Книга «Воспоминание к своей ему души». См.: Книга Петра Дамаскина «Воспоминание к своей ему души».
- Повесть Аммона мниха о убиенных святых отцах в Синае и Раифе — 1324.
- Повесть о Варлааме и Иоасафе ⁵⁹ — 841, 1030, 1365, 1420.
- Повесть: «Стефанит и Ихнилат» — 871.
- Повести патериковые. См.: (Патериковые повести).
- (Повести) — 1199*.
- Помянник — 1127.
- Поучения ⁶⁰ аввы Дорофея — 651, 729, 767, 842, 1128, 1366, 1452.
- Поучения Василия Великого — 352*.
- Поучения Ефрема Сирина — 27, 616, 652, 729, 1129, 1367. См. также: Паренесис.
- Поучения Иоанна Златоуста — 211, 352*.
- Поучение Исаака Сириня — 843.
- Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского ⁶¹ — 12, 34, 352*.
- Поучения Кирилла Туровского — 352*, 1472*.
- («Поучения на воскресные дни Константина пресвитера Болгарского»). См.: Евангелие учительное Константина Болгарского.
- Поучение о пьянстве — 1201*.
- Поучения Феодора Студита — 1368.
- (Поучения монахам ⁶²) — 334, 528, 591.
- (Поучение, Поучения ⁶³) — 49, 143, 157, 160*, 209*, 348*, 349*, 402*, 515*, 516*, 527*, 529*, 545*, 728, 851*, 852*, 855*, 856*, 860*, 1194*, 1196*, 1199*, 1207*, 1327, 1379*, 1382*, 1384*, 1385*, 1386*, 1387*, 1473*.
- Правила, собранные Матфеем Властарем. См.: Синтагма Матфея Властаря.
- (Прокимен) — 442, 443.
- Пролог годовой краткий ⁶⁴ — 335.

⁵⁴ При 462 указано: «Каноны из октоиха»; при 1112 назван «Параклит»; при 1357 читаем: «Параклитик (каноны... из октоиха)».

⁵⁵ При 535 описка: «Перенесис»; при 652 в разъяснении: «Поучения Ефрема Сирина (Паренесис)».

⁵⁶ При 727 название: «Патерик по алфавиту».

⁵⁷ При 768: сборник «патериковых выписей»; при 858: «Сборник бесед и выписок из патерика».

⁵⁸ При 220 Ипполит и Григорий Нисский не названы.

⁵⁹ При 1030: «Житие Варлаама и Иоасафа»; при 1420: «Варлаам и Иоасаф».

⁶⁰ Здесь и ниже «Поучения», возможно, синоним к «Слова» «Сочинения».

⁶¹ При 352 общий заголовок: «Сборник слов и поучений»; при 12: «Поучения», без определения их.

⁶² При 528: «поучения инокам».

⁶³ При 856 сообщается: «Сборник житий, слов и поучений особого состава (соединение Торжественника с Златоустом)». У 1327 слово «поучения» употреблено при раскрытии содержания Златой цепи.

⁶⁴ Здесь и ниже конкретизация содержания пролога дана с разных точек зрения, что не позволяет их сопоставить: пролог годовой краткий, пролог годовой (не указано, краткий или полный), про-

Пролог годовой — 1130.

Пролог стихной на март — август — 847.

Пролог: октябрь — август ⁶⁵ — 1159; сентябрь — февраль — 158, 338, 339, 340, 341, 450, 451, 452, 453, 454, 485, 511, 733, 734, 1141, 1142, 1143, 1144, 1145, 1146, 1147, 1148, 1149, 1150, 1151, 1152, 1153, 1154, 1155, 1156, 1371, 1458, 1459; сентябрь — март (!) — 845, 1157, 1158; сентябрь — январь — 189, 846; сентябрь — ноябрь — 735, 736, 844; сентябрь — 1163; октябрь — декабрь — 1160; октябрь — ноябрь — 455; ноябрь — февраль — 1372; ноябрь — 456; декабрь — февраль — 457; январь — март — 1453; март — август — 337, 446, 447, 448, 449, 526, 544, 1131, 1132, 1133, 1134, 1135, 1136, 1137, 1138, 1139, 1369, 1454, 1455, 1456, 1457; март — июль — 366; март — сентябрь (!) — 574; март — апрель — 444, 445; март и (!) май — 731, 732; март — 1370; май — 594, 1140.

(Пролог) ⁶⁶ — 495, 593.

Пролог (отрывок) 159, 458, 459, 592, 595, 1161, 1162, 1164.

(Миней служебная с проложными житиями, сентябрь — февраль) — 588.

(Миней служебная с проложными чтениями, декабрь) — 1083.

Пролог Иоанна экзарха Болгарского к его Богословию — 43.

Псалтырь — 28, 119, 195, 225, 342, 343, 345, 346, 347, 460, 461, 564, 565, 654, 655, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 745*, 849, 1165, 1166, 1167, 1168, 1169, 1170, 1171, 1173, 1174, 1175, 1176, 1178, 1179, 1180, 1181, 1182, 1183, 1184, 1185, 1186, 1188, 1189, 1190, 1191, 1192, 1377, 1378, 1461, 1462, 1463, 1464, 1465, 1474*.

Псалтырь гадательная — 1187.

лог стихной; в одних случаях указывается, на какие именно месяцы, в других нет.

⁶⁵ Здесь, видимо, годовой пролог без начала, остальные — полугодовые (сентябрь — февраль и март — август), квартальные или их части. При 1456 стоит «март — август». Вероятнее всего, это — пролог, так как стоит среди прологов.

⁶⁶ При обеих рукописях уточнения нет, хотя объем каждой из них около 200 л.

Псалтырь следованная ⁶⁷ — 771, 850, 1373, 1375, 1376, 1460.

Псалтырь толковая Афанасия Александрийского — 1374.

Псалтырь толковая Никиты Ираклийского — 653.

Псалтырь толковая Феодорита Киррского — 31.

(Псалтырь толковая ⁶⁸) — 29, 30, 44, 118, 344, 1172, 1177, 1402.

Псевдо-Дионисий Ареопагит. Творения. Сочинения с толкованиями. См.: Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Пчела — 1193, 1466.

Пятикнижие Моисеево — 743.

(Религиозный текст ⁶⁹) — 161*, 474, 1292. Савва Освященный. Житие его. См.: Житие Саввы Освященного, написанное Кириллом Скифопольским.

Савва Сербский. Типик его. Служба ему. См.: Устав (Типик) Саввы Сербского. Служба Савве Сербскому.

«Сборник юридический, содержащий списки Пространной редакции Русской Правды (Пушкинский список), Устава Ярослава „О мостех“, устава Владимира о церковных судах, договорной грамоты 1229 г. Смоленска с Ригой („Мушин-Пушкинский сборник“)» — 746.

(Сборник ⁷⁰): 4 — Изборник Святослава 1073 г. (см. также 1198); 5 — Изборник Святослава 1076 г.; 143 — слов

⁶⁷ Из них 771, 1373, 1375, 1376 имеют определение: «Псалтырь с воследованьем».

⁶⁸ Из них 1402 имеет определение: «Толкование на псалтырь».

⁶⁹ Прилагательное «религиозный» употреблено неправомерно к книгам, текстам; по-видимому, речь идет о богословской учительной или богослужебной литературе (ср. выше: Богослужебный текст).

⁷⁰ Содержание сборников указываем, если оно раскрывается в ПС, но не вошло полностью в соответствующие рубрики настоящего Указателя (см. номера с знаком*). Поскольку нет полной уверенности в том, что в тех случаях, когда раскрывается содержание сборников, оно раскрыто полностью и полностью отразилось в соответствующих рубриках предлагаемого Указателя, даем перечень всех номеров рукописей, при которых стоит определение «сборник»: 4, 5, 120, 143, 160, 161, 209, 221, 348—353, 402, 403, 462, 463, 493, 501, 505, 515, 516, 527—530, 545, 596, 656, 744—747, 768, 772, 851—860, 1194—1214, 1294, 1327, 1379—1392, 1467—1474.

и поучений, содержащий древнейшие списки Слов Климента Словенского, апокрифы (Хожденне богородицы по мукам и др.); 221 — [Ярославский]; 352 — слов и поучений Кирилла Туровского, Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Сказание Афродитиана; 350 — богослужебный на крюках; 351 — богослужебный; 353 — толкования на священное писание; 403 — апокрифов и разных слов; 463; 493; 501 — с летописью Константина Манассии; 505 — смешанного содержания; 856 — житий, слов и поучений особого состава: соединение Торжественника с Златоустом; 857 — учительный; 859 — богословский; 1198 — типа Симеонова или Святославова изборника (см.: 4); 1199 — Патерик Скитский, повести, слова и поучения, выписи; 1200; 1201 — толково-учительный, с поучением Моисея о пьянстве; 1202; 1206 — богослужебный; 1208 — богослужебный; 1209 — «Сильвестровский», включающий жития святых, в том числе Бориса и Глеба, книгу откровения Иоанна и др.; 1210 — богослужебного содержания; 1213 — «12 месяцев с апостолом и тропарями святым»; 1294; 1381 — канонический и обрядовый; 1382 — поучений, слов, патериковых повестей, выписей; 1386 — слов, поучений, патериковых повестей, житий и пр.; 1388 — аскетико-житийный; 1389 — служб святым; 1390; 1391 — канонический; 1392 — назидательных чтений; 1468 — богослужебный; 1469 — богослужебный; 1470 — богослужебный; 1472 — поучений Кирилла Туровского, слов и чудес; 1474.

Святцы — 354, 1475.

Символ веры — 355.

Симеон, Новый богослов. Творения. См.:

Сочинения Симеона Нового богослова.

Симеон Сербский. Житие его. См.: Житие

Симеона Сербского (?).

Синаксарник — 356, 1215.

Синаксарь ⁷¹ — 748.

Синодик новгородский — 1393.

Синодик — 1476.

Синтагма Матфея Властаря — 730 ⁷², 1216.

⁷¹ При 748 ошибочно: «Синаксарь».

⁷² При 730: «Правила, собранные Матвеем Властырем».

Сказание Афродитиана — 352*.

Сказание о Борисе и Глебе — 1209*

(см. также: 141, содержание которого в ПС не раскрыто).

Слова. См. также: Поучения.

Слова аввы Дорофея — 842.

Слова Анастасия Синаита — 1223.

Слова Василия Великого ⁷³: Слова постнические — 551, 556, 861, 1217, 1218; Слово на 40 мучеников — 520; Слова — 352*.

Слова Геннадия архиепископа Константинопольского. См.: Стословец.

Слова Григория Богослова: 13 слов — 32;

Слова — 657, 658; Слово второе на

погребении Василия Великого ⁷⁴ —

1221; 16 слов с толкованиями Никиты

Ираклийского — 862, 863, 1219, 1220.

Слово Евагрия О целомудрии — 1212*.

Слова Ефрема Сирина: Слова поучительные — 1223* (см. также: Поучения Ефрема Сирина; Паренесис); Слово о покаянии — 357, 1222; Слово о втором пришествии — 865; Слова — 464, 506, 864, 1211*. См. также: Наказание инокам.

Слова Иоанна Златоуста: Слова о покаянии, о Каине и Авеле и др. — 359;

Слова — 26, 358, 360, 674*, 1211*,

1223*; Слова и поучения — 211, 352*.

Слово к пастырю Иоанна Лествичника.

См.: Лествица Иоанна Лествичника.

Слово Ишполита об Антихристе — 66.

Слова Исаака Сирина ⁷⁵: Слова постнические — 465, 541, 552, 553, 603,

749; Слова — 1224.

Слова Исидора Пелусиота ⁷⁶ — 500.

Слова Кирилла Иерусалимского — 352*.

Слова Кирилла Туровского: Слово о

слепце — 1225; Слова и поучения —

352*, 1472* ⁷⁷.

Слова Климента Словенского — 143*.

Слово Максима Исповедника — 1436.

Слово Николая, архиепископа Константинопольского, «К проту Афонской

горы» — 404.

⁷³ При 1218 назван Василием Кесарийским; при 551: «О постничестве Василия Великого»; при 861: слова «О постничестве».

⁷⁴ При 1221: «Василия Кесарийского».

⁷⁵ При 749 назван «Сириянин».

⁷⁶ При 500 назван «Пелусиотский».

⁷⁷ Из определения при 1472 не ясно, принадлежат ли Слова Кириллу Туровскому: «Сборник поучений Кирилла Туровского, слов и чудес».

Слова Феогноста Чернеца — 1223*.
 Слово похвальное Иоанну Златоусту — 674.
 Слова похвальные — 596*, 744*.
 Слово на рождество богородицы из апокрифического [первоевангелия] Иакова — 1226.
 Слово [на страсти] Христовы — 597.
 (Слова)⁷⁸ — 402*, 403*, 656*, 744*, 747*, 768*, 851*, 852*, 853*, 856*, 1196*, 1199*, 1207*, 1327*, 1379*, 1380*, 1382*, 1384*, 1385*, 1336*, 1467*, 1471*, 1473*.
 Служба великой субботы (паремии) — 1228.
 Служба Дмитрию Солунскому — 162, 163.
 Служба Иерофею Афонскому — 45.
 Служба Иоанну Златоусту — 1227.
 Служба мученику Пантелеймону — 1394.
 Служба на пасху — 1395.
 Служба Савве Сербскому — 1396.
 Служба Успению («нотный отрывок») — 238.
 Служба на день усекновения главы Иоанна Предтечи — 1477.
 (Службы) — 745*, 1214*, 1389*.
 Служебник — 13, 46, 67, 212, 361, 362, 363, 364, 405, 466, 467, 468, 469, 475, 537, 542, 575, 598, 659, 660, 750, 751, 752, 753, 773, 866, 867, 868, 869, 870, 1230, 1231, 1232, 1233, 1234, 1235, 1236, 1237, 1238, 1239, 1240, 1241, 1478, 1479, 1480, 1481, 1482, 1483, 1484.
 «Служебник особого состава» — 1229.
 Сочинения. См. также: Слова, Поучения.
 Сочинения аввы Дорофея — 1293.
 Сочинения Иоанна Дамаскина — 661.
 См. также: Богословие Иоанна Дамаскина.
 Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита⁷⁹ — 530*, 531, 1400.
 Сочинения Симеона Нового богослова — 1293.
 Стефан Душан. Законник его. См.: Законник Стефана Душана.

⁷⁸ При 1327 определение «сборник слов» употреблено при раскрытии содержания Златой цепи.

⁷⁹ При 531 есть указание: «с толкованиями». При 1400 неточное определение: «Творения Дионисия Ареопагита митрополита Киприяна» (имеется в виду, что рукопись написана митрополитом Киприаном).

Стефанит. См.: Повесть «Стефанит и Ихнилат».
 Стихирарь⁸⁰ минейный на крюковых нотах⁸¹ — 47, 121, 124, 125, 126, 1397, 1398.
 (Стихирарь месячный⁸²) — 165, 166.
 Стихирарь постный⁸³ на крюковых нотах — 60, 128, 365.
 Стихирарь праздничный на крюковых нотах⁸⁴ — 52, 205.
 (Стихирарь на крюковых нотах)⁸⁵ — 68, 122, 127, 129, 367, 754, 872, 873.
 (Стихирарь) — 123, 130, 131, 164, 366, 368, 369, 538, 1205*, 1242, 1243, 1244, 1485, 1486.
 Стослов⁸⁶ Геннадия, патриарха⁸⁷ Константинопольского — 120, 144, 1212*.
 Тактикон Никона Черногорца⁸⁸ — 566, 617, 774, 1245, 1399.
 Творения... См.: Поучения, Слова, Сочинения.
 Типик Саввы Сербского. См.: Устав (Типик) Саввы Сербского.
 Типик. См.: Устав.
 Толкования Ипполита⁸⁹ на Книгу пророка Даниила — 132; на Песнь песней — 1126 (видимо, и 220, но не отмечено в заголовке).
⁸⁰ Стихирари, по определениям, данным в ПС, не могут быть отчетливо противопоставлены, так как охарактеризованы с разных сторон выборочно, например: минейный (то же, видимо, и месячный) — на крюковых нотах (то же — на крюках; нет, однако, уверенности, что наличие нотации на рукописях в ПС отмечено последовательно) — праздничный или постный — на весь год. Частные замечания см. ниже.
⁸¹ При 47 определение: «месячный крюковой»; при 121, 1397, 1398: «месячный на крюковых нотах»; 125: минейный на сентябрь — август.
⁸² Обе рукописи XII—XIII вв., но наличие — отсутствие крюковых нот не оговорено.
⁸³ При 60 и 365 определение: «великопостный».
⁸⁴ При 52 определение: «на крюках».
 При 205 определение: «Стихирарь (праздники)».
⁸⁵ При 367 определение: «на крюках»; при 754 определение: «на весь год».
⁸⁶ При 120 определение: «сборник слов»; при 1212 — «Стослов».
⁸⁷ При 120 и 1212 назван архиепископом.
⁸⁸ При 566 неправильное название «Черноризец».
⁸⁹ При 132 назван «папой римским».

- Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова — 862, 863, 1219, 1220.
- Толкование Андрея⁹⁰ Кесарийского на Апокалипсис. См.: Апокалипсис толковый Андрея Кесарийского.
- Толковое евангелие. См.: Евангелие толковое Феофилакта Болгарского.
- Толковая псалтырь. См.: Псалтырь толковая.
- Толковые пророчества (Книга пророка Исайи). См.: Книга пророка Исайи в редакции толковых пророчеств.
- Торжественник — 95, 856*, 874.
- Требник⁹¹ — 33, 239, 240, 370, 406, 599, 618, 769, 875, 876, 877, 1247, 1248, 1249, 1250, 1403, 1414, 1415; см. также: Чпп...
- Трефологий. См.: Минея праздничная.
- Триодь постная — 133⁹², 226, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 409, 470, 600, 619, 662, 757, 758, 759, 760, 761, 880, 881, 882, 1251, 1252, 1253, 1254, 1255, 1256, 1257, 1258, 1260, 1261, 1262, 1263, 1404, 1405, 1406, 1407, 1408, 1409, 1410, 1487. См. также: Триодь постная и Триодь цветная.
- Триодь постная и Триодь цветная — 167, 168, 169, 206, 243, 1259, 1439.
- Триодь цветная — 48, 69⁹³, 70, 170, 175, 241, 242, 378, 379, 483, 560, 620, 663, 762, 764, 883, 884, 1264, 1266, 1267, 1268, 1411, 1412, 1488. См. также: Триодь постная и Триодь цветная.
- (Триодь) — 371, 380, 407, 408, 410, 621, 677, 763, 1265.
- Тропари богородице и воскресению Христа — 885.
- Тропари святым — 1213*.
- (Тропари) — 1413.
- Тропарник⁹⁴ — 1413.
- Устав Владимира о церковных судах — 746*.
- Устав Ярослава «О мостех» — 746*.
- Устав (Типик) Саввы Сербского — 1032.
- («Устав⁹⁵ монастырский церковного служения») — 134.
- (Устав о посте и эпитимиях) — 381.
- Устав Студийский — 71, 568.
- Устав церковный Иерусалимский — 532, 887, 1269.
- Устав церковный — 382, 383, 622, 765, 886, 1270, 1271, 1272, 1427⁹⁶.
- Фекла. Житие ее. См.: Житие Феклы.
- Феогност Чернец. Слова его. См.: Слова Феоноста Чернеца.
- Феодор Студит. Поучения. Житие его. См.: Поучения Феодора Студита. Житие Феодора Студита.
- Феодор Эдесский. Главы подвижнические. Главы добродетельные. Житие его. См.: Главы Феодора Эдесского. Житие Феодора Эдесского.
- Феодорит Киррский. Толкования на псалтырь. См.: Псалтырь толковая Феодорита Киррского.
- Феофилакт Болгарский. Толкования на евангелие (То же: Евангелие с толкованием). См.: Евангелие толковое Феофилакта Болгарского.
- Филипп Пустынник⁹⁷. Диоптра (То же: Зерцало). См.: Диоптра Филиппа Пустынника.
- Филон Карпафийский. Толкования на Песнь песней. См.: Песнь песней с толкованиями.
- Хроника Георгия Амартола⁹⁸ — 411, 547, 827.

⁹⁵ Определения уставов в ПС не соотпостельны: об одних говорится, содержат ли они устав Студийский или Иерусалимский (появился на Руси в XIV в.), другие характеризуются на основании составных частей: относятся ли они к содержанию и порядку церковных служб (церковный устав) или излагают правила жизни и быта монахов (монастырский устав). Последний содержит разнообразную бытовую лексику и является важным лингвистическим и историческим источником. В рукописи 71, например, содержатся и церковный и монастырский уставы, но это не отмечено; указано лишь, что он — Студийский; 568 только церковный, но это не указано; а при других рукописях церковного устава не указано, Студийский или Иерусалимский устав они содержат.

⁹⁶ При 1427 назван Типиком.

⁹⁷ При 549, 921 назван Филиппом иноком.

⁹⁸ При 827 устаревшее (после исследования В. М. Истрина) определение: «Летовник Георгия инока».

⁹⁰ При 755 ошибочно назван «Аггей, архиепископ кесарийский».

⁹¹ При 1414 и 1415 статьи из требника при часослове.

⁹² При 133 уточнение: «на крюковых ногах».

⁹³ При 69 уточнение: «на крюковых ногах».

⁹⁴ При 1413 указано: «Часослов и мессяцеслов с тропарями и кондаками („Тропарник“»).

Хроника ⁹⁹ Константина Манассии — 501*.

Хронограф ¹⁰⁰ — 766, 1302.

Хронографические выписки ¹⁰¹ — 743.

⁹⁹ Указана под менее употребительным названием «Летопись», которое является специфическим для определенных древнерусских памятников.

¹⁰⁰ При 1302 имеются в виду помещенные при библейских книгах дополнительные статьи «от книг хронографа».

¹⁰¹ При 743 имеются в виду хронографические выписки в конце Пятикнижия Моисеева.

Часослов — 384, 385, 386, 475, 1273, 1274, 1275, 1276, 1277, 1278, 1279, 1413, 1414, 1415, 1489.

Чин елеосвящения ¹⁰² — 1280, 1281, 1282, 1283.

Чин пострижения иноков — 387.

Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского — 183.

Шестоднев служебный — 244, 775, 888. (Шестоднев) — 388, 533, 745*, 1284, 1285, 1286, 1287, 1490, 1491.

¹⁰² В ПС везде «елеосвящения», что вносит некоторую двусмысленность.

ОБ ОДНОМ ПОЛЬСКОМ ГОВОРЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

В Латвийской ССР поляки составляют, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., 2,9%. Они проживают в основном в Резекненском, Краславском и Даугавпилсском районах, но нигде не являются национальным большинством и не представляют сплошного массива населения. Очень мало поляков и в Мадонском районе, где расположена интересующая нас деревня Дарвиниеки (Darvinieki).

Впервые об этой деревне упоминает Г. Мантойфель. В его книге, изданной почти 100 лет назад и посвященной Латгалии, говорится о польском населении четырех деревень¹, расположенных неподалеку от г. Варакляны. В их числе называется д. Дарвиниеки (7 км на северо-запад от Вараклян), имевшая тогда польское название «Dziegciogówka», которое впоследствии заменено было латышским эквивалентом. Это подтверждают и жители деревни: а *teras nazywa darviniik'i*, а *gaņej nazyval'i z'eks'erufka*. По данным Г. Мантойфеля, население деревни к началу второй половины XIX в. достигало 50 человек и состояло лишь из поляков.

Теперь в деревне говорят по-польски человек шесть (почти все представители старшего поколения). Молодежь, так же как многие из жителей старшего и среднего поколений, понимает польский язык, но говорить по-польски затрудняется. В повседневном употреблении вараклянский говор аугшземниекского диалекта латышского языка, воспринятый польскими жителями деревни от окружающего латышского населения.

Активно употребляется также русский язык, что объясняется историческими причинами: до возникновения латвийского буржуазного государства он был государственным языком, мужчины старшего поколения посещали русскую школу (так называемые народные школы), а во время первой мировой войны были призваны в царскую армию, где говорили по-русски: *nu jak ja na vojny, teš juš po rusku ta byļa fšystka žeč..., čtery roki na vojnie ja byļ... a jak f čternastym roku f p'etnastym roku vz'el'i, tam rusk'e fšyscy byl'i, po rusku ta rozмова byļa*.

Русский язык жителей деревни не лишен белорусского влияния, что отмечают и сами жители: *u našej vóscy juš i ran'i muvil'i tak ni to po rusku ni po b'alarusku, vot tak oņi, tak'ij jenzyk prostyj byl, i vot caļa vóska tak, taka rozмова juš*. Таким образом, русская речь жителей деревни тоже требует изучения и соответствующей характеристики.

Представители старшего поколения, сохранившие польскую речь, с детьми в семье говорили по-польски. Следовательно, первым языком, который усваивали дети, был польский: *lotefsk'eј razмовы n'e slyšel'i*,

¹ G. Manteuffel. *Inflanty polskie*. Poznań, 1879, s. 49.

rok'i pošl'i do školy. После того как дети начинали посещать школу (латышскую), общаться с ними на польском языке становилось все труднее: дети постепенно переходили на латышский. Поскольку польский был только языком семьи, а латышский и русский — средством общения вне семьи, польский язык вытесняется и из этой узкой сферы употребления, чему способствуют также смешанные браки, весьма распространенные в деревне: jak juš žonuų začēn'l'i lotefkuf brac'i tak vot i ten jenzyk i zmešal s'a.

Польские говоры на территории Латвии не изучались; невозможно определить, насколько речь жителей д. Дарвиниеки типична для поляков, населяющих другие районы Латвии (Резекненский, Краславский, Даугавпилсский). Учитывая, однако, что условия функционирования польской речи одинаковы (везде она ограничена рамками семьи), можно предполагать, что ряд явлений польской речи в данной деревне характерен для всей территории распространения этой речи в Латвии.

Вопрос о диалектной основе польского языка в Латвии тесно связан с рассмотрением истории и специфики распространения польского языка к востоку от этнических границ Польши, которое началось в XV в. и было обусловлено причинами политического, социального, идеологического и культурного характера. Полонизация имела место на территории б. Великого княжества Литовского и Украины и ограничивалась вплоть до XIX в. высшими и средними слоями населения. С XIX в. этот процесс захватывает и крестьянство, в результате чего образуются, как отмечают исследователи, три сплошных массива населения, говорящего на польском языке: 1) преимущественно на правом берегу Вилии, приблизительно между Вильнюсом и Швенченисом; 2) на север от Каунаса, в треугольнике между реками Неман, Невежис, Вилия; 3) смолвенский (приблизительно между Видзами, Зарасаем и Даугавпилсом)². Население, говорящее по-польски, проживает также на западе Гродненской и частично Брестской областей БССР, а также на севере и северо-западе Витебской и Гродненской областей БССР, вдоль границы с Латвийской и Литовской ССР.

Польские говоры на территории СССР представляют собой, по-видимому, в большинстве своем новообразования, возникшие на белорусском, литовском или украинском субстрате³. Языковой базой их явился культурный диалект польского языка, на котором общались высшие и средние слои населения б. Великого княжества Литовского и Украины и который через несколько столетий был воспринят ополячившимся белорусским, литовским и украинским крестьянством. Эти новообразования ближе польскому литературному языку, чем его диалекты. Весьма условным представляется употребление в данном случае термина «говор». Здесь правильнее было бы говорить о разновидности польской речи, перенесенной на иноязычную почву. Однако в польской диалектологии уже имеет свою традицию термин «dialekty kresowe», которым определяются говоры, возникшие вне этнических границ Польши и связанные с иноязычным субстратом.

Исторические данные относительно польского населения интересующего нас района Латвии очень скудны. Удалось обнаружить лишь кос-

² H. T u r s k a. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. Wilno, 1939, 1—2.

³ Пока лишь в Полесье обнаружены островные польские говоры, которые возникли в результате организованного переселения мазурских крестьян для работы на лесных промыслах. См. В. Л. В е р е н и ч. Польские говоры на территории СССР и задачи их изучения. В сб. «Питання мовознавства і методикі викладання моу». Мінск, 1965, стр. 204.

венные указания на то, что польские крестьяне, живущие в Латвии уже давно, могли быть пришлыми (либо из Виленщины, либо из-под Гродно) ⁴. Эти данные подкрепляются самими информантами, единогласно утверждающими, что их предки-поляки не были исконными местными жителями: *ojcy ojcu był'i natural'ny pol'ak'i, a s ročontku jak pšyšli, moža sto l'at žyl'i, pol'ak'i tyłko był'i*. Относительно места, откуда они прибыли, сведения расходятся: одни называют Виленщину: *był'i n'iby z Vil'no pšesłane*; другие — район Белостока и Пассиене (на границе Латвии с РСФСР, в непосредственной близости от границы БССР): *i tutyj pšyšli i Dukal'sk'ij s Pas'in'iji, a z'anofsk'ij z Be'astogu*.

Д. Дарвиниеки возникла в конце XVIII — начале XIX в. Район этот до последней трети XVIII в. не был заселен, о чем свидетельствуют данные «Межевых книг местечка Вараклины с деревнями» и карта, относящаяся, как и межевые книги, к 1785 г. и являющаяся дополнительным материалом к ним ⁵. В самых ранних из имеющихся церковных книг Вараклинского прихода (1838 г.) уже упоминается деревня и фамилии, которые носят ее теперешние старожилы ⁶. Таким образом, архивные материалы не противоречат информации, полученной от самих жителей.

Обратимся к собственно языковым фактам и рассмотрим наиболее существенные черты фонологической, морфологической и синтаксической систем, отличающих местный вариант польского языка от литературного польского языка.

В области фонетики прежде всего обращает на себя внимание качественное и количественное изменения безударных гласных, широко распространенные в речи информантов деревни: *tyl'ku* вм. *tyl'ko*, *xl'ebym* вм. *xl'ebeł*, *v'ečar* вм. *v'ečur*, *dobža* вм. *dobže*, *xuroba* вм. *xoroba* и др. Аканье представлено непоследовательно: *parečk'i* вм. *požečki*, *tak sama* вм. *tak samo*, *po b'atarusku* вм. *po b'atorusku*, *kamun'isty* вм. *komun'isći*, за исключением некоторых морфологических форм, о которых будет сказано ниже.

Как известно, качественное изменение безударного вокализма не свойственно западнославянским языкам, а типично для восточнославянских, в частности для русского и белорусского, и связано с характером ударения.

Из явлений, связанных с ударением, отметим случаи его подвижности или постановки на другом месте в слове по сравнению с нормой литературного языка. Например, в формах 2 л. ед. ч. повелительного наклонения ударение может быть на последнем слоге: *zaběs*, *putbš*, *pojěc'*, *kurij*, *opsyr*, *karm'í*, *pšežyváj*, но возможны формы и с ударением на предпоследнем слоге (причем у одного и того же информанта): *potágaj*. В сочетаниях отрицания *nie* с односложным глаголом ударение переносится на отрицание не всегда; наблюдается произношение *ńe má*, *ńe věm*, хотя случаи с ударением на отрицании более распространены (30 примеров с ударением на отрицании и 7 примеров с ударением на глаголе в тексте из 6500 слов). Также более распространен, согласно нормам литературного языка, перенос ударения на предлог, если за ним следует односложное местоимение (*ú nas*). Случаи с предлогом безударным (*u nás*) более редки. Что касается места ударения, то польская норма часто нарушается. Это, очевидно, объясняется проникновением в польскую речь норм русского языка: *f safxbs*, *k'ilbmetruf*, *nazyvác'*, *f kuták*, *napás'c'*, *rembnt*, *paralizovany* и др.

⁴ 1884 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. СПб., 1884, стр. 99.

⁵ Центральный гос. архив ЛатвССР, ф. 666, № 976.

⁶ Там же

В области вокализма пужно еще отметить употребление *o* вместо общепольского *u* (из *ō*): *ogrot* вм. *ogrut*, *gnoj* вм. *gnuj*, *kroj* вм. *kruf*, *stoł* вм. *stuł*, *mój* вм. *tuuj*, *swoj* вм. *sfuj*. Здесь иногда наблюдаются колебания: встречаются и *tuuj*, *tvuj*.

Носовые гласные *ę*, *o* в конце слов теряют носовое качество, и вместо *ę* встречаем обычное *a* как результат широкого произношения потерявшего носовой оттенок безударного *ę*, а вместо *o* — чистое *o*: *is'c' na robotę* вм. *na robotę*, *rozmowa v'edl'i* вм. *rozmowe*, *v n'ez'el'a* вм. *niedziele*, *co ja zrob'a* вм. *zrobie*, *n'i moga* вм. *nie mogę*; *z żono* вм. *z żonę*, *z'imo* вм. *zimę*, *jezo* вм. *jedzę*, *n'e xco* вм. *nie chcę*, *s'ejo* вм. *sieję*. Иногда после *o* происходит слабый носовой согласный *n* или сочетание *on*: *s'ejon*, *krašon* (= *farbuja*), но такие случаи единичны.

Гласный *ę* в *sieę* возвратных глаголов может выступать как *e* чистое или как *a*, а также как *i*, иногда даже как *o*: *n'e zostáli s'e*, *opsypáli s'e*, *vz'et s'a*, *nap'iji s'a*, *oženit s'a*, *oženit s'i*, *zebrál'i s'i*, *us'óndon s'o*, *n'i ru-gájon s'o*. Иногда гласный вообще исчезает, например *psevruc'itos'*, *zostatas'*, но это уже морфологизованное явление, имеющее соответствие и в русском языке.

В середине слова вместо *ę* и *o* находим сочетание чистого гласного *o* или *e* с носовыми согласными *m* или *n*. Сочетания *en*, *on* наблюдаем перед всеми согласными, кроме губно-губных *b*, *p*, перед которыми выступают сочетания *em*, *om*: *majontek*, *s'ęnta*, *požondek*, *ks'onc*, *jenč'neń*, *jenzyk*, *mensa*, *monš*, *menšcyzna*, *sons'at*, *čęns'c'*, *pšenza*, *renka*, *rency* (им. п. мн. ч.), но *tromba*, *peršystemna*, *dembem* (тв. п. ед. ч.). Гласные, являющиеся рефлексам носовых в середине слова, могут в безударном положении, как и вообще все безударные гласные, подвергаться качественным изменениям: *dumbrofsk'i*. Лишь в единичных случаях в середине слова *o* и *ę* имеют носовой оттенок, например перед щелевыми — *mežu* (дат. п. ед. ч.), *sp'sat*, иногда перед *l* — *začęli*.

Потеря носовыми назальности свойственна и собственно польским диалектам; во всех позициях она известна, например, в говорах средней части северной Малопольши⁷. Некоторые польские исследователи, однако, считают потерю назальности *o* в конце слова одним из признаков наличия восточнославянских черт в диалекте⁸.

В области консонантизма следует отметить произношение *chy* как *xi*: *mux'i*, *s'm'ex'i*, *x'il'i s'a* вм. *muxy*, *s'm'exy*, *xyl'i s'e*; смягчение *d* в сочетании *dv*: *z'v'e*, *z'v'es'c'e*; твердое *n* перед твердыми согласными: *stonca* вм. *stońce*, *mlož'ęncu* вм. *młożęńcu*, *pončoškam* вм. *pońčoškom*; менее мягкий характер среднеязычных согласных *ś*, *ź*, *ć*, *dź*: *s'ostra*, *z'le*, *plac'ic'*, *l'uż'i*. Этим говор отличается от польского литературного языка и сближается с белорусским; спорадическое произношение звонкого фрикативного *h*: *najhroz'ńejše*, *harbataj* (тв. п. ед. ч.); произношение звонкого *v* в середине слова в позиции после глухих согласных: *s'vinka*, *svobodnyj*, *svoje*, *s'venta*, *skvas n'ęji*, *xwyc'i*; появление в редких случаях *r* на месте общепольских *ż*, *ś* (из общеславянского *r'*): *v jednyx broszkach* вм. *brzózkach*, *krywa* вм. *krzywa*, *parečki* вм. *porzeczki*.

В области морфологии обращает на себя внимание отсутствие оппозиции между лично-мужской и неличной грамматической категорией и на-

⁷ B. Bartnicka-Dąbkowska. Podstawowe wiadomości z dialektologii polskiej z ćwiczeniami. Warszawa, 1959, s. 40.

⁸ T. Zdaniewicz. Wpływy białoruskie w polskich gwarach pod Sejnami. Poznań, 1966, s. 37. См. также Н. Турская. Язык польский на Вилеńсзчыńіе. «Wilno i ziemia wileńska», Wilno, 1930, s. 221. Г. Турская отмечает, что носовые гласные в речи Виленщины часто представлены как сочетания *en*, *on* во всех позициях. В конце слов теряет назальность не только *ę*, что соответствует и литературной норме, но и *o*.

лично лишь одной из них во всех тех грамматических классах слов, где в литературном языке выступают обе категории. Например, прошедшее время представлено лишь формами на *-li* (неличная форма на *-ly* отсутствует): *m'odu n'i, nan'es'l'i (pszczoły), krowy byl'i, vot zebrał'i s'i ve fs'i z'efčenty, tam byl'i jaki to* (неличная форма вм. лично-мужской *jacyś*) *pol'ak'i* (вм. *polacy*), *iny ras tuty studenty* (вм. *studenci*) *taki* (вм. *tacy*) *pšyjadu* и т. п.

Личные местоимения 3 л. мн. ч. имеют лишь одну общую форму *on'i*; противопоставление между лично-мужской формой *oni* и неличной *one* отсутствует.

Наблюдается смешение категорий среднего и женского родов: существительные среднего рода в именительном и винительном падежах ед. ч. имеют окончания форм женского рода. Все согласующиеся с этими существительными классы слов в этих падежах также получают, как правило, окончания женского рода: *jak ta m'asta nazywałas', ta ml'eka, ta ml'eka benz'im voz'ic', tšy dni p'il'i ta vesel'a, tšec'a ta była, nazbiska dub'ick'ij, k'edy ta prava benz'i* (здесь *prawo* 'закон').

Именительный и винительный падежи существительных женского рода на *-a* тоже, как правило, совпадают и имеют окончание *-a* (случаи употребления других окончаний в винительном падеже немногочисленны). Это объясняется широким произношением в винительном падеже потерявшего назальность *ę* и совпадением его с *a*: *na cała foska dwa tšy człowiek'i, fsystka robota vot zrop, oni p'ijo... i wutka i p'iva*. Следовательно, в именительном и винительном падежах имеется одна общая форма для существительных женского и среднего родов, а также для согласующихся с ними классов слов. В остальных падежах единственного числа существительных среднего рода преобладают окончания, свойственные литературному языку. Лишь в родительном падеже отмечены две формы с окончанием женского рода: *z luški* (от существительного *łóžko*), *s pas'in'iji* (от имени собственного *Pos'in'ije*). Нет ни одного слова среднего рода, которое во всех падежах имело бы окончания женского рода. Учитывая это, рассматриваемое явление представляется возможным объяснить фонетическим процессом аканья, приведшего к совпадению форм именительного и винительного падежей существительных среднего рода с соответствующими формами существительных женского рода⁹.

Во множественном числе существительные среднего рода не имеют специфических показателей, поскольку в именительном и винительном падежах наблюдается сильная тенденция к генерализации окончаний *-i, -u* для всех родов.

В личных местоимениях 3 лица после предлогов представлены формы без *n*, хотя и непоследовательно: *z jim, z jix, u jego, pžez jego* и др.

Глагол *być* употребляется лишь в форме 3 лица ед. ч. настоящего времени: *jagody dobry jest, renkav'icy jest zbonzane, te dwa nazbisk'i jest*. Другие формы настоящего времени этого глагола представлены единично, например, *jestem, pčal'nik jestem* (= *pszczelarz*).

Из синтаксических явлений можно отметить наличие конструкций типа *u mnie jest, u nas jest* вместо *ja tam, my mamy: u n'ix z'ec'i byl'i, u*

⁹ Аканьем объясняется также совпадение форм именительного и винительного падежей ед. числа слов среднего рода и женского рода в сейненских польских говорах (см. Т. Z d a n e w i c z. Ibid., s. 87, 88). Аналогичные явления отмечены в русских говорах, в частности они характерны для южного наречия, а в той или иной степени и для всей территории акающих русских говоров (см. «Русская диалектология», изд. 2. М., 1965, стр. 100). Они широко известны также в белорусских говорах (см. «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта № 115 и комментарий к карте, стр. 556).

jix był ten c'if (= tyfus), *teras u nas owecki u nie ma*. Однако эта конструкция вытесняется другой — с дательным падежом: *lonka nam była, jemu brat był, mn'e fotograf'ija jest, tam jim kwatera jest* и др. Данный оборот имеет соответствие в латышском языке (*viņam bija brālis*), и его распространение объясняется проникновением латышской конструкции. Он наблюдается также в русской речи латышей¹⁰. В настоящее время в польской речи жителей деревни он более распространен, чем оборот типа *u mnie jest*: в тексте длиной 6500 слов встретился 21 оборот с дательным падежом и лишь 2 с предлогом *u* + родительный падеж. Любопытны случаи употребления в одном предложении обоих оборотов: *u nas był'i tyl'ko vot mo-jem ojcu tšy kon'i, i kon' nam jest juš u nas*.

После глагола *boleć* употребляется дательный падеж: *tak'ij staruz'i trošeč'ki co zabol'i*. Данное явление имеет аналогию в латышском языке.

Эти особенности польской речи д. Дарвиниеки, которые мы связываем с белорусским влиянием, в большинстве своем наблюдаются также в тех польских говорах, для которых безоговорочно признается белорусский субстрат, например в сейненских. Сейненские говоры занимают территорию к востоку от Сувалок до Августова, смыкаясь на юго-западе в прилегающих к Гродно районах с белорусским населением. Рассмотрению роли белорусских элементов в этих говорах посвящена цитируемая выше монография Т. Зданевича. Небезынтересно отметить, что из рассмотренных им фонетических и морфологических особенностей в нашем материале меньшее распространение имеет звонкое фрикативное *h*, совсем не наблюдается инфинитив на *-kc'* типа *p'ekc'*, а образование местоимений с суффиксом *-s'c'i* представлено лишь двумя примерами (на текст в 15 366 словоупотреблений). Некоторые явления, имеющие соответствия в белорусском языке (например, более твердое произношение согласных $\frac{z}{z}$, $\frac{c}{c}$, $\frac{z}{z}$, $\frac{s}{s}$, звонкое произношение *v* после глухих согласных в середине слова), в сейненских говорах не встречаются. Остальные приводимые Т. Зданевичем факты характерны и для описываемого нами говора.

Многие рассматриваемые нами явления можно объяснить и русским влиянием в силу большой близости русского и белорусского языков (например, аканье, произношение *chy* как *x'i*, потерю носовыми гласными носового качества, отсутствие оппозиции между лично-мужскими и неличными формами, употребление лишь формы *jest* от глагола *być* в настоящем времени и др.), тем более что языковая ситуация вполне допускает такое влияние. Возможно, польская речь информантов связана издавна с переходными белорусскими говорами на белорусско-русском языковом пограничье, но вопрос о том, какие именно говоры участвовали в ее образовании, из-за недостатка надежных исторических данных остается открытым. Вообще говоря, вопросы такого рода не всегда можно решить определенно и однозначно. Однако мы можем говорить о присутствии русско-белорусских системных элементов в польской речи информантов, и даже беглый анализ показывает, что они занимают здесь достаточно большое место.

Кроме русско-белорусских системных элементов, наблюдаются явления, которые можно интерпретировать как факты проникновения в польскую речь элементов фонетической, морфологической и синтаксической системы латышского языка.

Так, некоторые фонетические особенности находят соответствие в фактах варакиянского говора латышского языка, которым владеют наши

¹⁰ З. А. Толмачева, Т. А. Якубайтис. О структурно-типологическом изучении латышско-русских языковых контактов. Изв. АН ЛатвССР, 1967, № 5 (238), стр. 59.

информанты, например палатализация \dot{z} : $\dot{z}'iva$, $\dot{z}'ica$, $g\dot{z}'iby$. Палатализацию \dot{z} , \dot{s} в вараклянском говоре отмечают латышские диалектологи¹¹. В польской речи информантов мягкое \dot{s}' не обнаружено, а \dot{z}' зарегистрировано лишь перед i .

Имеют место также явления, обусловленные влиянием акцентуационной системы латышского языка. В этом отношении интересны слова с двумя ударениями: на первом слоге — по нормам латышского языка и на предпоследнем — по нормам польского языка, например *kółxóznju*, *káždéti*, *n'éz'él'a*, *prácbvac'*, *spókbjny*, *čárn'ica*. Такие слова встречаются не часто: в тексте длиной 6500 слов — всего 37. С ударением только на первом слоге встретилось лишь слово *elektryk*; *él'ektrykam* (тв. п. ед. ч.), *él'ektryka* (вин. п. ед. ч.).

Некоторые факты латышской языковой интерференции в области синтаксиса изложены выше (например, оборот с дательным падежом типа *mnje jest*). К этому можно еще добавить употребление предложного падежа (в значении местного) после глаголов движения при обозначении направления действия: *tam v zakrystuji zejz'i* (*zejz'i* — форма 3 л. ед. ч. простого будущего от глагола *zajść*), *co on tam f s'rotku vl'es'c 'moży*. В латышском языке при обозначении и места и направления действия употребляется локатив. В рассматриваемых примерах наблюдаем замену предлога *do* предлогом *w* по типу соответствующих русских конструкций, т. е. латышско-русскую интерференцию.

Латышское влияние прослеживается также и в морфологии. Материал этот очень интересен и будет исследован отдельно.

Таким образом, в д. Дарвиниеки очень сложная языковая ситуация, которая характеризуется сосуществованием нескольких систем: белорусско-русской, польской, латышской. В данной статье был рассмотрен только польский компонент этого сложного многоязычного целого, полное описание которого может быть осуществлено в рамках теории языковых союзов и билингвизма. При этом следует особо подчеркнуть, что в данном случае длительное и интенсивное контактирование языков представлено на диалектном уровне, а такой тип языковых контактов очень слабо изучен.

¹¹ M. Rudzite. *Latviešu dialektoloģija*. Rīgā, 1964, 303. lpp.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Е. ЦЫМБАЇФ

СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА ТРУДЯЩИХСЯ СССР И ПРИДУНАЙСКИХ СТРАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Советская литература ежегодно пополняется новыми работами о Великой Отечественной войне. Этой теме посвящаются монументальные исследования, воспоминания, сборники документов и материалов. Многие из них раскрывают героическую роль Коммунистической партии, под руководством которой советский народ «разгромил агрессоров и очистил свою землю от захватчиков... сокрушил фашизм — самое мрачное порождение империализма»¹. В ряде книг отводится значительное место показу братской помощи советского народа освободительному движению в странах, подвергшихся нашествию гитлеровцев. К числу книг, рассказывающих об освободительном походе Советской Армии на Балканы, относятся работы С. С. Бирюзова, П. Г. Кузнецова, И. И. Локтионова, Ю. Ф. Стрехнина и других².

Наряду с этим все еще недостаточно полно показано сотрудничество трудящихся освобожденных от фашистских захватчиков стран с войсками Красной Армии, их помощь фронту.

Автор настоящего сообщения делает скромную попытку частично восполнить этот пробел, показать трудовые усилия в помощь фронту моряков Черноморского и Дунайского советских пароходств, сотрудничество с ними в этом благородном деле трудящихся Болгарии, Югославии и других Придунайских стран.

В годы Великой Отечественной войны рабочий класс СССР, руководимый Коммунистической партией, оказывал действенную помощь Красной Армии в разгроме немецко-фашистских захватчиков. Непосредственное участие в боевых операциях принимали моряки Черноморского транспортного флота. Они помогали Советским Вооруженным Силам оборонять Одессу и Севастополь, перебрасывали десант в Керчь и Феодосию, вместе с воинами сухопутных войск, авиации и флота отступавали Кавказ, а затем освободили Украину, Крым и Молдавию. Преодолевая невиданные трудности, зачастую под огнем противника, под воздействием его бомбардировочной авиации, моряки своевременно доставляли фронту людские резервы, боеприпасы, горючее, военную технику, продовольствие.

Значительную помощь коллектив Черноморского пароходства оказывал войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов на заключительном этапе войны, когда они, перейдя государственную границу СССР, при поддержке патриотических антифашистских сил

¹ Л. И. Б р е ж н е в . Пятьдесят лет великих побед социализма. Политиздат, 1967, стр. 34.

² С. С. Б и р ю з о в . Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963, 336 стр.; С. С. Б и р ю з о в . Суровые годы. Изд-во «Наука», 1966, 560 стр.; П. Г. К у з н е ц о в . Маршал Толбухин. М., Воениздат, 1966, 274 стр.; И. И. Л о к т и о н о в . Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М., Воениздат, 1962, 318 стр.; Ю. Ф. С т р е х н и н . Отряд «Бороды». Невыдуманные истории. М., Изд-во ДОСААФ, 1963, 239 стр.

Придунайских государств успешно громили гитлеровских захватчиков. Для снабжения наступающих войск и осуществления оперативных перевозок широко использовалась крупная водная магистраль — Дунай. Летом и осенью 1944 г. советские войска разгромили крупную группировку врага на юге и вышли к нижнему Дунаю. Грузы для фронта отправлялись морем из Одессы в порты Килия и Вилково. Здесь многие из них переваливались на баржи и буксирами направлялись вверх по Днестру и Дунаю. После освобождения Измаила и ряда других портов в низовьях Дуная Совнарком СССР образовал 14 октября 1944 г. советское Дунайское пароходство ³.

Задачи советского транспортного флота на Дунае усложнились с развитием наступательных операций Красной Армии в связи с возрастающей необходимостью перевозок для оказания помощи братским народам и их вооруженным силам.

По завершении Ясско-Кишиневской операции войска 3-го и 2-го Украинских фронтов в сентябре 1944 г. приступили к Белградской операции.

Большую работу проделали моряки во время переправы через Дунай войска 46-й армии. В ней принимали участие 130 пароходов, буксиров и барж. За пять суток в середине сентября 1944 г. дунайцы доставили в порты Корабия и Бечета 40 593 солдата и офицера, 519 орудий и минометов, 419 автомашин, 4372 лошади, около 3 тыс. т. боеприпасов и продовольствия и большое количество других армейских грузов ⁴. Затем, выполняя приказ военного командования, экипажи 17 буксиров и 51 баржи в течение 21—28 сентября перебросили из Русе в порт Лом войска 57-й армии ⁵. Одновременно при активном участии трудящихся болгарского порта Русе дунайцы осуществили переправу в Джурджу частей 46-й армии. Водники-болгары помогли соорудить из спаренных барж специальные паромы, на которых через Дунай было перевезено 2036 автомашин, 18 450 солдат и офицеров, 130 орудий, 4700 лошадей, 3050 повозок и другие грузы ⁶ наступающих частей 3-го Украинского фронта.

Оперативные перевозки по Дунаю приходилось осуществлять в крайне тяжелых фронтовых условиях. Отступавшие войска оккупантов беспощадно разрушали портовые сооружения, уничтожали и вывозили механизмы, транспортные средства, взрывали мосты, подъездные пути, дебаркадеры. Они затопили на Дунае около 600 самоходных и несамоходных судов, а те, которые оставались на плаву, были, как правило, непригодны к эксплуатации. На оставленных судах гитлеровцы демонтировали судовые двигатели, на многих буксирах подорвали фундаменты машин, сняли арматуру ⁷. Таким образом воинские и другие перевозки на Дунае пришлось организовывать параллельно с возрождением портового хозяйства, подъемом и ремонтом судов. Так, с первых дней после освобождения от протпвника широко развернулись восстановительные работы в Измаильском порту. Совместно с инженерной воинской частью портовика и железнодорожники за трое суток перешли подъездные пути, отремонтировали трофейные вагоны, поставили на рельсы паровоз. Это дало возможность наладить подвоз боеприпасов с железнодорожной станции в порт и перевалку их на транспортные суда. В итоге уже в сентябре 1944 г. измаильские портовики перерабатывали около 30 тыс. т грузов для фронта ⁸. В течение двух первых месяцев работы дунайцы своими силами организовали ремонт 120 судов и включили их в эксплуатацию ⁹.

Плавание транспортных судов по Дунаю осложнялось постоянной миной опасностью. Караваны буксиров с баржами шли, как правило, только за тральщиками, потому что большинство узких фарватеров реки было заминировано ¹⁰. Кроме того, про-

³ Одесский облпартархив, ф. 4980, оп. 6, д. 99, л. 51. 14 апреля 1944 г. Азовская военная флотилия была преобразована в Дунайскую военную флотилию («История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, М., 1962, стр. 454).

⁴ Филнал Центрального военно-морского архива СССР (далее ФЦВМА), ф. 19, д. 34 469, л. 7.

⁵ Там же, л. 9.

⁶ Там же, л. 11.

⁷ Одесский облпартархив, ф. 4980, оп. 6, д. 102, л. 31.

⁸ Там же, ф. 4982, оп. 1, д. 3, лл. 13—14.

⁹ Там же, ф. 4980, оп. 6, д. 102, л. 31.

¹⁰ Там же.

тивник широко применял плавучие мины, спуская их вниз по течению в виде упаковочных ящиков, комков сена, кусков дерева и т. п.¹¹ Большая вина за создание минной опасности на Дунае, осложнение в связи с этим оперативных перевозок, ничем не оправданные человеческие жертвы, гибель многих военных и транспортных судов лежит на англо-американских войсках, которые с апреля по сентябрь 1944 г., когда уже по существу отпала в этом необходимость, сбросили в воды Дуная около 2500 магнитных мин¹². Теперь известно, что эту операцию наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции совершили с единственной целью затормозить наступление Красной Армии на Балканах. Минная опасность в значительной мере осложняла условия работы Дунайского советского пароходства, а также затрудняла плавание судов других Придунайских государств.

Советское Дунайское пароходство испытывало значительные трудности еще и потому, что его коллектив, особенно плавсостав пополнялся моряками в основном из других бассейнов страны, которые, естественно, не знали местных условий, не имели опыта плавания по этой сложной водной магистрали. С освобождением советских дунайских портов Наркомат Морского Флота СССР командировал в помощь дунайцам большую группу специалистов из Черноморского бассейна. Среди них были начальник Черноморского пароходства П. Макаренко, начальник морской инспекции М. Григор, капитаны дальнего плавания В. Баглай, Д. Кнаб, Р. Слишко, Т. Рымкус, диспетчеры Я. Болек, А. Ковбасян¹³. Прибывали квалифицированные кадры моряков на Дунай и из других пароходств. В составе судовых экипажей самоходного флота и на баржах трудились представители пятнадцати национальностей¹⁴, проживающих на территории СССР.

Жители Придунайских государств охотно помогали советским речникам, многие из них включались в работу Дунайского пароходства. Целые команды судов были укомплектованы из румын, болгар, югославов. В начале 1945 г. 50% плавсостава транспортного флота пароходства было укомплектовано иностранными речниками. Около 400 югославов, 261 румын, 125 чехословаков, 76 болгар и большое количество моряков других национальностей¹⁵ дружно работали, добросовестно выполняли свой долг, старались сделать все возможное, чтобы ускорить победу над ненавистным врагом — фашизмом.

Забываясь о бесперебойном снабжении боеприпасами левого фланга 3-го Украинского фронта, дунайцы в начале сентября 1944 г. организовали доставку воинских грузов от причалов Измаильского порта в Тульчу, где боеприпасы перегружались в железнодорожные вагоны и отправлялись дальше, к линии фронта¹⁶. Для поддержания правого фланга 3-го Украинского фронта были организованы перевозки воинских грузов вверх по Дунаю до Чернаводы, Лома и Видина с последующим удлинением рейсов по мере освобождения портов Русе, Турну-Северина и Белграда¹⁷.

Почетная обязанность выпала в те дни на долю ренийских портовиков. Выполняя приказ военного командования, они в самые сжатые сроки с помощью специально оборудованных барж переправили через Дунай личный состав и материальную часть 2-го механизированного корпуса, вплоть до тяжелых танков¹⁸. В конце октября 1944 г. большое количество дунайских судов, в том числе буксирные пароходы «Жан Милот», «Троян», «Паун», «Сватошлук», «Сербия», были сосредоточены на переправах Дубровинца, Гроцки и Белграда¹⁹. С их помощью фронт получал все необходимое для успешного ведения боевых действий.

¹¹ ФЦВМА, ф. 88, д. 36952, л. 14.

¹² С. С. Б и р ю з о в. Суровые годы, стр. 434—435.

¹³ Одесский облпартархив, ф. 13, оп. 3, д. 238, л. 115.

¹⁴ Там же, ф. 4980, оп. 6, д. 99, л. 42.

¹⁵ Там же, л. 65.

¹⁶ ФЦВМА, ф. 19, д. 34470, л. 99 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, ф. 10, д. 18581, л. 52.

¹⁹ Там же, ф. 19, д. 34469, лл. 15—16.

К этому времени по решению Государственного Комитета Обороны транспортный флот Черноморского бассейна начал плановые перевозки по нескольким линиям. Одну из них — Одесса — Констанца — Варна — порты Дуная обслуживали морские суда «Ардеал», «Николаев», «Земляк» и «Сызрань», общей грузоподъемностью более 26 тыс. т. Они перевозили грузы исключительно для фронта²⁰. Из Одесского порта в ноябре 1944 г. по указанной морской линии было отправлено войскам 3-го Украинского фронта, а также болгарской, югославской и румынской народным армиям более 26 тыс. т. военного снаряжения и боеприпасов. Обратными рейсами возвращалось в СССР оборудование фабрик, заводов и другие материальные ценности, увезенные оккупантами²¹.

В результате тесного сотрудничества советских моряков и работников транспортного флота Придунайских государств, их изобретательности, стремления как можно лучше удовлетворить нужды фронта было налажено в широких масштабах буксирование речных барж морскими судами между портами Дуная и Черного моря²². В обычное время такие комбинированные рейсы считались недопустимыми, опасными. Но в сложившейся военной обстановке появилась необходимость заведомо пойти на риск. И это оправдало себя.

Работники Дунайского пароходства внесли свой посильный вклад в благородное дело помощи народам государств, освобожденных от фашистских захватчиков. Известно, например, что в тот период испытывали большую нужду в продовольствии и медикаментах жители Белграда, нуждалась в оружии и боеприпасах Народно-освободительная армия Югославии. В воинских частях НОАЮ не хватало оружия, боеприпасов, снаряжения.

Коммунистическая партия и Советское правительство не могли остаться безучастными к нуждам братского народа. Для Освободительной армии, населения Белграда и других городов Югославии срочно было выделено 50 тыс. т зерна²³. Его перевозки осуществляло в основном Советское Дунайское пароходство. В октябре-ноябре 1944 г. из Рени и Измаила один за другим уходили караваны с хлебом, медикаментами оружием. Эти грузы шли в румынский порт Калафат, затем переправлялись с помощью железнодорожного парома в болгарский порт Видин, расположенный в 30 км от югославской границы, и дальше поступали по назначению. Баржи с зерном и другими грузами, предназначенными для югославского народа и его армии, водили буксиры «Смирна», «Алекос», «Караиман», «Евгений», «Дионисий»²⁴. Активное участие в осуществлении перевозок грузов для Югославии принимали начальник службы эксплуатации пароходства В. В. Визиров, старейший черноморский капитан дальнего плавания Д. В. Кнаб, начальник агентства Дунайского пароходства в Калафате П. Ф. Брюхнов, начальник порта Рени П. М. Обозный, старший диспетчер пароходства Я. Э. Болек²⁵ и другие.

Большая переброска воинских грузов по Дунаю, наряду с постепенно возрастающими народнохозяйственными перевозками, продолжалась и в 1945 г. Работники пароходства в тесном содружестве с моряками Дунайской военной флотилии помогали командованию Красной Армии решать оперативные задачи, принимали участие в высадке десантных подразделений. Они обеспечивали доставку значительного количества необходимых грузов войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, а также 1-й Болгарской армии, вместе с военными моряками работали на переправах, перебрасывали боевые соединения через водные рубежи. Так в течение января — апреля 1945 г. ими было переправлено через Дунай около 413 тыс. солдат и офицеров, 23 тыс. раненых, более

²⁰ ФЦВМА, ф. 10, д. 18283, л. 216.

²¹ Одесский облпартархив, ф. 13, оп. 3, д. 238, л. 115.

²² Центральный архив Министерства морского флота СССР, ф. 1, оп. 2/5, д. 1, л. 2.

²³ П. Г. Кузнецов. Там же, стр. 198.

²⁴ ФЦВМА, ф. 19, д. 34470, лл. 161, 189.

²⁵ Филиал Одесского областного государственного архива в г. Измаиле, ф. Р-751, оп. 1, д. 58, л. 45, 232, 257.

11 тыс. военнопленных, 723 танка, свыше 11 тыс. автомашин, почти 2500 орудий, около 41 тыс. лошадей, большое количество боеприпасов, горючего и других воинских грузов²⁶. Все эти грузы без задержки перерабатывались портовиками нижнего, среднего и верхнего Дуная. За указанное время работники Измаильского порта погрузили и выгрузили 16 253 т воинского имущества, техники и боеприпасов, портовики Галаца — 7134 т, Будапешта — 11 032 т, Вены — 18 984 т²⁷. Круглосуточно трудились, обеспечивая бесперебойное снабжение фронта работники портов Варна, Русе, Джурджу, Белград, Калафат и Братислава.

На заключительном этапе войны моряки Черноморского торгового флота, выполняя свой интернациональный долг, перевезли значительную часть грузов из 215 тыс. т товаров, которые по советско-болгарскому договору были переданы нашей страной Болгарии²⁸. Осенью 1945 г., когда болгарский народ испытывал серьезные затруднения в связи с засухой, Советское правительство, проявляя свое дружелюбие, выделило для Болгарии дополнительно 20 000 т пшеницы, 30 000 т кукурузы и большое количество фуража. В этих перевозках принимали участие 22 судна Черноморского и Дунайского советских пароходств. Их экипажи доставили ценные грузы болгарскому народу в самые сжатые сроки²⁹.

Все это свидетельствует о том, что в годы Великой Отечественной войны моряки Черноморского и Дунайского советских пароходств вместе с военными моряками при активной поддержке водников Придунайских государств оказали Красной Армии значительную помощь в разгроме врага, сыграли немалую роль в освобождении братских народов от фашизма и восстановлении их экономики.

²⁶ ФЦВМА, ф. 88, д. 36952, л. 51.

²⁷ Там же, л. 52.

²⁸ А. Н а к о в. Помощта на Съветския Съюз за възстановяването на нашето народно стопанство (1944—1948). «Профсъюзни летописи», кн. 2-я, Профиздат, София, 1963, стр. 114—115.

²⁹ А. Н а к о в. Там же, стр. 116, 137.

В. И. ПОРУДОМИНСКИЙ

СЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ В. И. ДАЛЯ

Многие страницы жизни и деятельности Владимира Ивановича Даля изучены недостаточно. Для потомков главный труд Даля — «Толковый словарь живого великорусского языка» — заслони́л черты личности его создателя. Мы говорим «Даль» — и вспоминаем четыре тома словаря на книжной полке, да еще, пожалуй, толстый сборник «Пословиц русского народа». Внешний облик Даля знаем, в лучшем случае, по известному портрету Перова (Даль изображен им незадолго до смерти).

Цель этих заметок — воскресить несколько эпизодов из жизни Даля, заново прочитать и обдумать несколько страниц его биографии.

Весной 1828 г. русская армия перешла Дунай, началась война с Турцией. Последовал приказ: всех недоучившихся студентов-медиков отправить на театр военных действий — не хватало врачей. Этот приказ имел к Далю самое прямое отношение: Даль учился на медицинском факультете Дерптского университета. Он поступил туда, выйдя в отставку, после нескольких лет службы на флоте.

В связи с приказом об отправке на фронт рухнула мечта Даля о медицинской карьере. Однако университетское начальство, наслышанное о незаурядных способностях Даля, разрешило ему несколько задержаться в Дерпте и в марте 1829 г. досрочно защитить диссертацию на степень доктора медицины.

«Добрые товарищи выпроводили меня с прощальной песнью за городскую заставу — и ямщик погнал коней по прямой дороге в Силистрию...»¹, — писал Даль в рассказе «Болгарка», где, как и во многих других произведениях Даля, при внимательном чтении легко обнаружить немало автобиографических строк. В «Болгарке» Даль вспоминал, как тяжело было ему, лишь недавно сбросившему мундир морского офицера, вновь натягивать на себя военную форму. Он страдал от того, что расстается с вольными университетскими правами, «с людьми, с которыми в такое короткое время свыкся и сжился — под благоденственным влиянием этого всеобщего духа стремления к познанию высоких и полезных истин»². Вспомним к тому же, что среди дерптских друзей Даля были поэты Жуковский, Языков, Воейков.

Легко восстановить маршрут, по которому следовали в те годы врачи, да и не только врачи, из Прибалтики к театру военных действий: Изборск — Нейгаузен — Шклов — Могилев — Бердичев — Скуляны — Яссы — Браилов — и, наконец, «Каладаш, селение на этом берегу Дуная, верстах в четырех ниже Силистрии», здесь Даль переночевал, «укрывшись от дождя в глухом, обширном подземелье — вновь выстроенной на живую нитку запасной житнице, где чутко отдавались одинокие выстрелы под-силистрийских батарей»³.

На одной из станций, неподалеку от Браилова, Даль впервые встретился с чумою, начались посты, где сторожа «окуривали» документы и кое-какие из вещей в специаль-

¹ «Полное собрание сочинений Владимира Даля (казака Луганского)», т. VII. Изд. М. О. Вольф, 1897—1898, стр. 112 (далее во всех цитатах, приведенных по этому изданию, указываются только том и страница).

² VII, 109.

³ VII, 112—114.

ных чанах, — впоследствии на всем протяжении войны и сразу после нее Далю придется сталкиваться и в качестве врача бороться с этой «страшной гостьей».

Наблюдательный Даль не склонен был объяснить распространение этих ужасных болезней, косящих солдат и мирных жителей, тем, что они были сообщены нам турками, а полагал, что причина их — «местность и обстоятельства»: «царство сырости, неоприятности, нищеты, тесноты», а также — «суеверие, недоверчивость, недостаток в пище, в средствах, в присмотре» ⁴.

Огромное впечатление произвела на Даля битва под Кулевчами, в которой он участвовал. Здесь видел он «тысячу, другую раненых, которыми покрылось поле и которым на первую ночь ложем служила мать — сырая земля, а кровом небо; ... нагие, изрубленные, исколотые, стонали они...». Здесь он «толкался и сам между ранеными и полутрупам, резал, перевязывал, вынимал пули с хвостиками; мотался взад и вперед, поколе наконец совершенное изнеможение не распростерло меня, среди темной ночи, рядом со страдальцами» ⁵.

Вместе с русской армией Даль перешел через Балканы, участвовал в боях на Камчике, под Айдосом и оставил нам описание взятия Сливно. Особенно интересно его сообщение о том, как встречали болгары русскую армию: «Пехота кинулась тушить пожар, испуганные жители, болгары мало-помалу начали выглядывать из домов своих, встретили нас хлебом и солью, выносили продажные съестные припасы и напитки; город снова ожил и превратился в шумный базар; необузданная радость обуяла мирных жителей, которые от роду не видывали еще неприятеля, судили о нем по образу турецкого воинства и увидели вместо того братский, крещеный народ, коего язык, созвучием своим с их родным языком, напоминал о родстве и о братстве! — При взятии Сливно господствовал примерный порядок; из имущества жителей не было тронут ни клочка... — обоюдная дружба жителей и победителей утвердилась в первой взаимной встрече, и первые объявили, что если русские не оставят завоеванных мест за собою, то славяне, с женами, детьми и скорбом своим последуют за ними и сожгут при выступлении дома свои» ⁶.

В одном из сливненских двориков Даль обнаружил раненого болгарина, он осмотрел и обмыл его раны — два сабельных удара по голове и по плечу — и перевязал их.

В рассказе «Небывалое в былом» — уже не автобиографическом, но написанном безусловно, как и все у Даля, на основе лично известных ему подлинных фактов, приведен противоположный пример — спасение болгарами раненого в сражении русского воина. Солдат, опасаясь, что «самоотвержение» спасителей дорого им обойдется, просил выдать его туркам, но «болгары однакож не хотели этого слышать, говорили, что брата своего не предадут, и, поскольку постоянно могли быть застигнуты врагом, передавали раненого „с рук на руки далее“ пока он, наконец, не очутился в Сербии. И здесь „состраданию не было конца, особенно со стороны женщин“, которые „завалили“ его „хлебом и другими съестными припасами“» ⁷. Русский солдат был помещен в лучший дом — к мельнику, где его и выходили.

В рассказах Даля, где так или иначе упоминается поход 1829 г., тоже находим описания, небезытересные для этнографов.

На окраине Сливена, к примеру, он встретил посреди виноградника несколько болгарских девушек — одна из них пряла на ходу шерсть, в руках ее было красное веретено. Узнав, что Даль — врач, девушка повела его к раненому. Далее следует весьма живописное изображение болгарского городка:

«Чернобровая красавица моя, рослая, статная, ловкая, шла впереди, указывая мне путь по узеньким, излучистым тропинкам, перебежала скоро из калиточки в калиточку, поперек тесных улиц и переулков, вела меня по садам, дворам, огородам и виноградникам, оглаживаясь на меня с улыбкой и тщательно запряя вслед за нами все низенькие притворы и калиточки и вывела меня, наконец, на устланный плитняком

⁴ VII, 140.

⁵ VII, 117—118.

⁶ VII, 119—121.

⁷ II, 116.

небольшой двор, на котором стояла изба с широкими навесами, на прихотливо изукрашенных резьбою столбиках, около которых обвивался виноград, заткавший, гибкою и волнистою лозою своею, почти все пространство между столбиками. По каменной стене и забору также вился сеткою виноград... ключ журчал у ног наших, протекая по высеченному в плитняке желобку через двор — словом, ступив на удивленный, обнесенный высокою оградою дворик этот, невольно пожелал я жить и умереть здесь»⁸.

В другом рассказе находим описание двора и дома в Шумле:

«Я очнулся днем, под навесом, среди небольшого двора, обнесенного чистым каменным забором и устланного плитой. Навес был деревянный, красивой отделки, с резьбой и пестрой окраской; между столбами, по которым вился виноград, верх был забран по углам решеткой, в виде стрельчатых сводов; прямо передо мной протекал ручеек по каменному желобу; далее стояло поперек красивенькое легкое строение, в котором три яруса свешивались уступом один над другим, а кровля, как широкополая шляпа, покрывала маковку. Разные столбики, переходы, лесенки и решетки, красные, зеленые, голубые, даже с позолотой, придавали этому зданию вид красивенькой детской игрушки; а несколько стройных, высоких тополей, огромные кусты роз и вьющийся до самой кровли здания виноград служили истинным для него украшением»⁹.

Предстает перед нами и дом сербского мельника — «чистая изба с широкими парами, которые были устланы, по-турецки, войлоками и коврами»¹⁰.

Из домашней утвари на Даля произвела, видимо, особое впечатление керамическая посуда: он не раз отмечает, что встречал в домах «не горшки, а античные кувшины, урны и вазы»¹¹. Даже воду солдатам радушные болгарки подают «в изящных этрусских кувшинах, в классических чашах Эллады»¹².

В рассказах Даля разбросаны также беглые, однако достаточно четкие описания одежды. Встречный болгарин, например, был «в бурой суконной куртке, турецких шароварах и штиблетах такого же бурого крестьянского сукна, с небольшой синей цифровкой или прошивами, и в круглой черной смушатай шапке, с накинутым на плечи плащом того же сукна, на белом суконном подбое...»¹³.

Мы не упомянули многие страницы Даля, посвященные войне 1823—1829 гг., не упомянули, в частности, и об осаде Шумлы, где ему также пришлось побывать. Нужно пожалеть, что произведения Даля теперь почти не читаются, — они могут заинтересовать, если не литературными достоинствами, то, во всяком случае, историческими и этнографическими сведениями.

Кончилась русско-турецкая война, но не кончилась походная жизнь Даля. Весной 1836 г. 3-й пехотный корпус, в котором он служил, был направлен в Польшу для участия в подавлении «мятежа».

Взятие русскими войсками Варшавы принесло Далю тяжелую утрату: выстрелом из окна был убит его младший брат Лев (адъютант одного из полков). Мистическая подробность: Даль, находившийся со своим лазаретом в одной из деревень, выйдя за какой-то надобностью на улицу, услышал одиночный выстрел, сердце его сжалось в тревожном предчувствии — всю жизнь он был уверен, что слышал выстрел, оборвавший жизнь брата.

Польская «кампания» почти не оставила следа в творчестве Даля, правда, вошла в его биографию несколько неожиданную страничку: доктор медицины Даль оказался конструктором и строителем моста через Вислу. В корпусе Ридигера не нашлось инженера, который взялся бы из подручных средств навести мост через широкую, полноводную реку и тем самым обеспечить переправу войск. Даль решил в короткий срок эту

⁸ VII, 123.

⁹ II, 109—110.

¹⁰ II, 117.

¹¹ V, 10.

¹² VII, 121.

¹³ II, 115.

сложную задачу. Мост был не только хорош, но и нов по конструкции. Недаром в 1833 г. в Петербурге вышла книга «Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера», которую в том же году перевели на французский и издали в Париже.

В воспоминаниях дочери Даля Екатерины и его внучки Ольги¹⁴ интересно рассказывается история постройки моста (не по фактам, где мемуаристки немало напутали, а по интонации, по общей окраске). Семейная традиция сохранила остро иронический, может быть, даже сатирический рассказ Даля о наведении моста. Не снискав почестей в качестве строителя, он чуть было не подвергся наказанию за самовольное разрушение моста, которым собирался воспользоваться противник. Желая доложить о своих действиях, Даль мчит к начальству. Но и «ближайшая власть», и высокие власти были до того пьяны, что втолковать им что-либо оказалось невозможно. Заснули — мост был, пробудились — моста нет, и противник не сумел Вислу форсировать. Дело выиграло «во сне».

В воспоминаниях П. И. Мельникова-Печерского, близко знавшего Даля и многое от него слышавшего, тот же эпизод сообщен с иным — не ироническим — акцентом, но и здесь речь идет о том, что вместо благодарности Даль поначалу получил разнос.

Представляет интерес еще один «польский эпизод» в жизни Даля.

С 1833 г. Даль служил чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском.

В 30-е годы в Оренбурге жило много ссыльных поляков. С некоторыми из них Даль сразу же вступил в весьма близкие отношения, в том числе с Томашем Заном — другом Мицкевича, активнейшим участником Виленского общества променистых и филломатов. На судебном процессе Зан принял всю вину на себя и был наказан строже всех — год в крепости и ссылка в Оренбург. Здесь Зан посвятил себя изучению края и стал устройтелем естественного и этнографического музея при Неплюевском военном училище. Вскоре после приезда в Оренбург Даль занялся созданием местного краеведческого музея и, вполне понятно, сошелся с Заном¹⁵. Музей, устроенный Заном, был хорошо оборудован и пользовался широкой известностью; сам Зан стал заметной фигурой в тогдашнем оренбургском обществе¹⁶.

И вдруг 26 октября 1833 г. мецанин Стариков, содержащийся в тюремном замке, донес коменданту Оренбурга генерал-майору Глазенапу, что находящийся вместе с ним поляк Мейер (рядовой) объявил, будто нижние чины из поляков, огорченные несчастным исходом польской революции, намереваются устроить как в Оренбурге, так и по всей линии мятеж. Главными предводителями назначались: Зан, бухгалтер пограничной комиссии Сузин (тоже из друзей Мицкевича), портушей-прапорщик Виткевич, унтер-офицеры Ивашкевич и Ковальский, неизвестный рядовой из разжалованных польских офицеров. Мятежники 27 или 28 октября ночью, разделившись на пять или более партий, собираются напасть на значительные дома, лишить жизни военного губернатора, дивизионного и бригадного генералов, коменданта и плац-майора, полицмейстера и других чиновников, у которых встретят сопротивление, и завладеть городом. Единомышленниками мятежа являются все нижние чины из поляков, а также из русских (до 30 человек). Незадолго перед этим Зан (также по словам Мейера) под видом ботанических занятий и собрания минералов ездил по Оренбургскому краю с целью склонить служащих по Оренбургской линии нижних чинов к мятежу¹⁷.

27 октября к Глазенапу явился рядовой Кживицкий и также донес о заговоре.

¹⁴ Е. В. Даль. В. И. Даль (По воспоминаниям его дочери). «Русский вестник», 1879, № 7; О. П. Демидова (Вейс). Воспоминания. Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 473.

¹⁵ См. Н. Н. Модестов. Даль в Оренбурге. Оренбург, 1913.

¹⁶ О музее Зана см. также «Письма из Оренбурга 1833 года». «Русский архив», 1902, № 8.

¹⁷ И. С. Шукшинец. Дело о поляках в Оренбурге 1833 года (По архивным данным). Там же.

По приказу Перовского Зан, Сузин, Виткевич, Ивашкевич и Ковальский были взяты под стражу. На квартирах у них был произведен обыск и найдены письма, которые легко было расшифровать, как имеющие отношение к предполагаемому мятежу.

Для разбора дела Перовский образовал комиссию под собственным началом, в которую вошли генералы Глазенап и Стеллих, полковник Павлов, ротмистр Геке, чиновник особых поручений Даль и аудитор Слагагузов. Следствие велось месяц и завершилось оправданием обвиняемых, отрицавших существование заговора; в письмах же, по их словам, речь шла о служебном и имущественном положении Виткевича.

Трудно объяснить позицию Перовского, особенно если учесть, что это происходило всего через два года после разгрома польского восстания. Назначая Перовского в Оренбург, император Николай I просил постороже смотреть за сосланными поляками. Может быть, желание показать, что во вверенном ему крае «все спокойно», сыграло в решении дела о заговоре не последнюю роль (тем более что, докладывая о нем, пришлось бы коснуться большого для Николая I вопроса о законности восшествия на престол — среди оренбургских поляков ходили слухи, что «великий князь Константин Павлович несправедливо показан умершим»).

Трудно сказать также, какую позицию занимал в ходе следствия Даль. Однако, учитывая отношение Даля к восстаниям «инородцев» в Оренбургском крае, случавшимся в годы его службы, у нас есть все основания предположить, что он был одним из тех людей, кто подсказал губернатору оправдательный приговор. Перовский очень считался с мнением Даля, поручал ему наиболее секретные и щекотливые поручения, связанные с управлением краем. В нашем распоряжении имеется также и бесспорный пример отношения Даля к ссыльным полякам: уезжая из Оренбурга, он передал руководство созданным им музеем не кому-либо из русских чиновников, а ксендзу Михаилу Зеленко, сосланному как раз за участие в восстании 1831 г.

*

В конце 50-х годов Даль оставляет государственную службу (последнее десятилетие он был управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде) и перебирается в Москву, чтобы целиком отдаться работе над «Толковым словарем».

Среди посетителей его московского дома мы находим немало активных славянофилов — Погодина, Аксакова, Кошелева. Дочь Даля Ольга увлеклась славянофильством и очень сдружилась с Иваном Сергеевичем Аксаковым¹⁸. Сам Даль, по воспоминаниям, посмеивался над Аксаковым, говоря, что тот, несмотря на презрение к Европе, не умеет обходиться без иностранных слов.

Через знакомых славянофилов Даль познакомился с деятелями Московского Славянского комитета и с эмигрантами, приезжавшими в Россию из порабощенных славянских стран.

Долгое время в его доме жил черногорский священник Матвей Саввич, которого все называли поп Мато. Поп Мато привез учиться в Россию младшего сына Савву, а сам собирал пожертвования среди москвичей. Попу было под пятьдесят: огромного роста, в плечах косая сажень, всегда одетый в национальный костюм и, несмотря на священный сан, увешанный кинжалами и пистолетами, он неизменно привлекал внимание — на улицах за ним ходила толпа. Поп Мато очень близко подружился с Далем, называл его отцом, а жену Даля — матерью; всем остальным членам семьи говорил «ты». Воспоминания внуки Даля о попе Мато наполнены таким количеством ярких деталей, что сомневаться в их достоверности не приходится.

Примерно в это же время (в конце 60-х годов) в доме Даля появился еще один славянский эмигрант. Аксаков, приглашенный пафером на свадьбу Ольги, не смог участвовать в церемонии и прислал вместо себя своего молодого приятеля — болгарина-эмигранта Станишева.

Константин Николаевич Станишев¹⁹ заканчивал в те годы Московский универси-

¹⁸ См. О. П. Демидова (Вейс). Указ. воспоминания.

¹⁹ Некоторые сведения о нем (некрологи) собраны в архиве Д. Д. Языкова. ЦГАЛП, ф. 637, оп. 1, ед. хр. 26.

тет по математическому факультету. В юности он учился в Афинской гимназии. Станишев навсегда остался в России, стал преподавателем, а затем и директором Лицея цесаревича Николая, перевел на русский язык с греческого «Начальную геометрию по Эвклиду». Со временем он сблизился с Катковым, писал в «Московские ведомости». В 60-х годах Станишев был заметным лицом среди молодых болгарских эмигрантов. О круге его друзей свидетельствует одно письмо к Погодину²⁰, которое подписали следом за Станишевым (он — первый) Петко Каравелов, Нешо Бончев, Марин Дринов — хорошо известные в болгарском освободительном движении. Здесь же подпись поручика лейб-гвардейского Преображенского полка К. Кесякова — одного из инициаторов «принятия болгар в сербскую службу». «Только при взаимном взгляде на будущее устройство своей судьбы возможен, по моему мнению, успех в деле изгнания турок из Балканского полуострова и политическое самостоятельное существование для обоих народов: болгар и сербов», — писал Кесяков²¹.

Станишев и круг его друзей не безразличен для нас: после бракосочетания Ольги молодой болгарин стал частым гостем в доме Даля и сделал в конце концов предложение другой его дочери — Марии (они обвенчались, когда Даля уже не было в живых).

Даль мог встречаться с болгарскими эмигрантами и в доме своего старинного приятеля писателя А. Ф. Вельтмана, на литературных вечерах у которого часто бывал в 60-е годы²². Именно в эти годы знаменитый болгарский художник Николай Павлович работал над иллюстрациями к роману Вельтмана «Райна, княгиня Болгарская», а сам писатель был очень известен и популярен среди болгар.

Славянофилов сблизжало с Далем их участливое отношение к его труду над «Толковым словарем» (Копелев одолжил деньги на издание первого тома; Погодин заботливо следил за тем, как движется работа и всячески пропагандировал словарь), но Даль не был горячим сторонником славянофильских идей. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к Погодину, написанное еще в 50-е годы, во время Крымской войны. Даль высказывается в нем резко отрицательно о погодинских теориях «панславизма»²³.

В жизни В. Даля было несколько случаев, которые приучили его быть «до крайности осторожным». Чтобы правильно судить о Дале, нужно следить за тем, как он «проговаривался» — в письмах, в словах, в поступках.

В 40-е годы его считали не просто важным, но идеальным чиновником, «сухарем», «аккуратным немцем», а он писал друзьям о невыносимой петербургской жизни, о пропасти, которая лежит между министерским бумагомараньем и настоящим полезным делом.

Добролюбов резко полемизировал с Далем о грамотности и потом, познакомившись с ним, писал: «Я был приятно поражен, найдши в Дале более чистый взгляд на вещи и более благородное направление, нежели я ожидал. Странности, замашки, бросающиеся в глаза в его статьях, почти совершенно не существуют в разговоре, и таким образом общему приятному впечатлению решительно ничто не мешает»²⁴.

Даль был как бы в стороне от передовых идей и движений времени. Он всю жизнь занимался «своим» делом. Но он не мог многого не видеть, не понимать, и эта его пронизательность на каждом шагу вступала в конфликт с желанием казаться (или быть) благонамеренным. И не так уж удивительно, что им интересовалось Третье отделение. Кроме сочинения пасквиля ему вменялись в вину написанные им «Русские сказки», в которых, по мнению Бенкендорфа, было много «предсудитель-

²⁰ Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 231, р. II, п. 31, ед. хр. 20.

²¹ Там же, п. 15, ед. хр. 29.

²² Участие Даля в четвергах Вельтмана подтверждают, в частности, воспоминания А. Ф. Кони. См. его «Воспоминания о писателях». Л., 1965, стр. 81.

²³ Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 231, р. II, п. 10, ед. хр. 18.

²⁴ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, т. IX, стр. 282.

ных мест, клонившихся к внушению презрения к правительству и к возбуждению нижних военных чинов к ропоту...»²⁵

В 1832 г., тотчас после выхода сказок в свет, Даль был арестован. Его спасло заступничество Жуковского перед самим царем.

Приведенные здесь сведения о малоизвестных и неизвестных фактах жизни и деятельности Даля могут быть использованы при составлении его полной биографии. Но как их осмыслить, характеризуя мировоззрение этого интересного и в высшей степени разностороннего человека? Не кажется ли, что подчас эти факты свидетельствуют о каких-то противоречиях Даля — противоречиях сложных, далеко не всегда поддающихся скорому объяснению? По-видимому, так оно и есть. Прогрессивные тенденции в деятельности Даля тесно переплетались с тем, что сам он нередко называл «благомыслием», т. е. с официально понятой политической благонадежностью. Обязанность биографа — объективно разобраться во всем этом, не претворяя Далья исторически неоправданных требований и — тем более — не приписывая ему «соблазнительно»-передовых взглядов.

²⁵ И. Заостровцев. Бенкендорф преследует Даля. «Нева», 1966, № 8.

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. В. ПОПОВ

МОСКОВСКАЯ КОПИЯ КОНЦА XV в. С БОЛГАРСКОЙ МИНИАТЮРЫ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО СТОЛЕТИЯ

Связи средневековой болгарской и древнерусской культуры очевидны уже на раннем этапе их развития. Однако в период так называемого второго южнославянского влияния (XIV—XV вв.) они ограничивались, в основном, областью литературы и письменности. Менее очевидны эти связи в области изобразительного искусства. Памятники болгарской живописи редко служили источником для древнерусских художников и иллюстраторов этого времени¹. Тем значительнее и интереснее, если не по своим художественным результатам, то в историческом плане, является факт копирования болгарской миниатюры московским мастером XV в.

Речь идет о лицевых изображениях в сборнике Слов Василия Великого из Троицкого собрания ГБЛ (ф. 304, № 129, л. 18 об.) и рукописи Шестоднева того же автора из Иосифова — Волоколамского монастыря (ГБЛ, ф. 113, № 443, л. 1 об.). На миниатюрах изображен пишущий в келии Василий.

Первая рукопись², датируемая по филиграммам 1380—1390 годами, выполненная полууставом двух чередующихся почерков, принадлежит к так называемому «болгарскому изводу» и создана, по всей вероятности, в Болгарии. Ее украшения приближаются по типу к орнаментальным построениям тырновских рукописей середины XIV в. (инициал «М» на л. 19), т. е. к «неовизантийскому» стилю, и так называемому «балканскому» (заставки на лл. 1, 19, 78)³. Миниатюра Слов, значительно уступая по своей художественной ценности памятникам эпохи Иоанна Александра, входит в обширную группу произведений болгарской живописи позднепалеологовского времени.

Проследить историю появления рукописи в России и Троице-Сергиевой лавре необычайно трудно. Однако, если вспомнить приток болгарских эмигрантов в Россию после 1396 г., связи Пантелеймонова монастыря на Афоне, назвать имена Киприана и Григория Цамблака, Воейко Войтеговича из Тырнова, можно представить ее в самых общих чертах. Во всяком случае в последние десятилетия XV в. сборник находился в Москве или Троицком монастыре, на протяжении второй половины XIV — середины XV в. поддерживавшем постоянные сношения с Афоном, балканскими странами и южнославянскими беженцами и располагавшем значительным собранием памятников южнославянской культуры. Отсюда рукопись могла быть вытребована в столицу для копирования и «справки», т. е. выверки текста. Результатом аналогичной «справки»

¹ С XV в. намечается обратное воздействие древнерусского искусства на искусство болгарское (Н. М а в р о д и н о в. Врзките между българското и руското изкуство. София, 1955, стр. 50—51 и сл.)

² Описание см.: А р с е н и й. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I, М., 1878, стр. 95—96; Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 22. М., 1960, стр. 96 (сост. Т. Б. Ухова отмечает связь указанных миниатюр).

³ Остальные заставки (малые) на лл. 33, 150 и чередующиеся золотые (лл. I, 78) и киноварные инициалы принадлежат к числу общераспространенных в славянских рукописях XIV—XV вв.

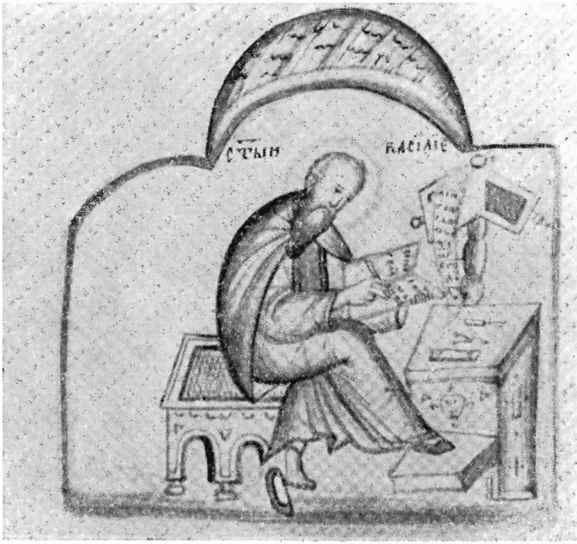

Рис. 1. Василий Великий.
Миниатюра.
Слова Василия Великого

Рис. 2. Василий
Великий. Миниатюра.
Шестоднев Василия
Великого

явилась миниатюра волоколамского Шестоднева ⁴. Текст позднейшей рукописи, естественно, восходит к иному памятнику, возможно более древнему (см. заставку с павлинами на л. 2). По филиграням Шестоднев датируется 1480 годами ⁵, о чем говорит и его почерк, ползуственный с элементами скорописи, обнаруживающий знакомство с южнославянской традицией и греческим минускульным письмом (лл. 22 об., 39, 55, 56, 84 об., 106, 106 об., 117, 136 об. и т. д.), — характерная особенность московской письменности XV в. Миниатюры Шестоднева сопровождают греческие надписи, заголовок и отрывок из канона Василию. Они принадлежат, по всей вероятности, русскому писцу. Отсюда и ошибки в написании отдельных букв (ξ), и ошибки грамматические — неточность ударений, отсутствие некоторых надстрочных знаков и присущая письму скованность копии ⁶.

Связь памятника с Москвой подтверждает вкладная запись начала XVI в. на л. 137: «В лѣто 7027 (1518—1519) великого князя дядякъ Данило Мамыревъ прислал[с]ию книгу Шестодневник по своем животѣ при игуменѣ при || Данилѣ въ Осифовъ ма (на)стырь». Даниил Куприянович Мамырев (упоминаемый в документах как Д. Купреанов или Киприанов) был довольно заметной фигурой при дворе Ивана III.

Говоря о художественном оформлении рукописей, необходимо отметить стремление московского иллюстратора к воссозданию норм палеологовского периода, отразившихся (однако далеко не в классической форме) в болгарском памятнике. Детально следуя оригиналу, и в технике, и в коричнево-зеленоватой раскраске, и в рисунке, мастер XV в. не избежал характерных для своего времени статичности и линейности. Элемент патетики ранней миниатюры подменен в его работе некоторым безразличием артистизма. Стаффаж утратил свежесть непосредственно увиденного предметного мира (эффект, к которому охотно прибегали художники «Палеологовского Ренессанса»). Отсутствие надписей на свитке и в книге внутренне обесценило изображение, акцентировав лишь чисто формальное сходство с болгарской миниатюрой. То же заметно и в заставке Шестоднева, выполненной менее профессиональным мастером. Появление в миниатюрах киноварных греческих надписей объясняется тем же интересом к византийскому и южнославянскому письменному наследию, и вместе со всем оформлением Шестоднева отражает широкое внимание столичных кругов конца XV в. к греко-южнославянской культуре (нередко воспринимаемой как единое целое). Стилистически миниатюра волоколамской рукописи близка к группе «акварельных» иллюстраций известной Книги пророков 1489 г. (ГБЛ, ф. 173, № 20), также восходящих к памятнику палеологовского времени. Это говорит о возможности ее исполнения художником, работавшим непосредственно в Кремле. Отражая общий для своего времени интерес к графическим решениям, отмеченные миниатюры, в силу стиливой искусственности, несколько обособлены от основных явлений московской художественной культуры конца XV в. Заложенные в них тенденции нашли наиболее полное выражение лишь в «неоклассической» волне изобразительного искусства следующего столетия.

⁴ Описание см.: И о с и ф. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 77; П. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина — Сторожевского и Пафнутиева — Боровского. СПб., 1891, стр. 35 (XXXVII). Владельческие записи XVII, XIX вв. (лл. 2, 136 об., 137 об.). Переплет кожаный, тисненый, первой половины XVI в. Лист с миниатюрой наклеен, но выполнен на той же бумаге.

⁵ Водяные знаки: л. 1 (С. М. Briguet. Les filigranes, v. IV. Paris, 1923, № 14802—1475, 1476 гг.), остальные лл. (Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899, № 2702 — по недатированной рукописи 1480-х годов; см.: Там же, ч. I, стр. 295—296).

⁶ Оригиналом для надписей, как и для заставки на л. 2, послужила рукопись XIV в. (заключение о греческом тексте любезно проделано Б. Л. Фонкичем).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Одна из важнейших черт новой, откровенной после победы Октября исторической эпохи — расширение и углубление пролетарского интернационализма, обогащение его новым содержанием. Составляя неотъемлемую часть марксистско-ленинского учения как идеологии рабочего класса, пролетарский интернационализм отвечает объективной необходимости сплочения отдельных отрядов рабочего класса перед лицом общего врага. С победой Великой Октябрьской социалистической революции и расколом мира на две системы главным содержанием классовой борьбы стала борьба между социализмом и капитализмом на международной арене. Завоевания Октября — могучая база революционных преобразований в различных странах. В. И. Ленин предвидел, что «...пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»¹. Важное значение для победы Октября имели братская солидарность и поддержка пролетариев других стран.

Главным критерием подлинного интернационализма в новую эпоху стало отношение к первому в мире социалистическому государству. Еще отчетливее это новое содержание пролетарского интернационализма проявилось после возникновения мировой системы социализма со свойственными ей закономерностями экономического, политического и оборонного сотрудничества суверенных социалистических государств. «Находясь на переднем крае борьбы против империализма, за мир и социальный прогресс человечества, социалистическое сотрудничество вносит решающий вклад в дело развития революционного процесса»².

Именно поэтому империалистическая реакция всегда стремилась и стремится подорвать международную солидарность трудящихся, отравить их ядом буржуазного национализма, «развести по национальным квартирам». Особое внимание в империалистической пропаганде уде-

ляется попыткам принизить роль Советского Союза и влияние идей Октября, отрицать повторяемость отдельных черт Октябрьской революции как проявление общих закономерностей социалистической революции.

Опровержением подобных измышлений служит реальная жизнь, ход исторических событий. Почетная задача исследователей — на конкретном историческом материале раскрывать богатство и многообразие интернациональных связей трудящихся, их взаимную помощь в борьбе, воздействие идей Октября на ход революционного процесса, формы и методы сотрудничества в построении социализма и коммунизма. И сколько бы ни было об этом написано, важно и нужно продолжать и углублять поиски, так как проблема поистине неисчерпаема.

Этой важной задаче отвечают вышедшие в Болгарии к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции несколько юбилейных сборников. В издательстве Болгарской коммунистической партии вышел подготовленный Институтом истории БКП сборник «БКП и дело Октября. 1917—1944»³. Почти одновременно Издательство литературы на иностранных языках опубликовало сокращенный перевод этой книги на русский язык⁴. Издательство Болгарской академии наук выпустило сборник Института истории БАН «Октябрьская революция и болгаро-советская дружба»⁵. Музей революционного движения в Болгарии посвятил пятидесятилетию Октября свой третий ежегодник⁶.

Сборник «БКП и дело Октября» построен по хронологическому принципу и охватывает период от победы Великой Октябрьской социалистической революции до победы народной революции в Болгарии в сентябре 1944 г. Опираясь на архивные материалы, периодическую печать и другие источники, а также на проведенную ранее монографи-

³ «БКП и дело на Октомври. 1917—1944». София, 1967, 487 стр.

⁴ «Болгарский народ в защиту социализма». София, 1967.

⁵ «Октомврийската революция и българо-съветската дружба». София, 1967, 508 стр.

⁶ «По пътя към победата». София, 1967, 208 стр.

¹ В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 250.

² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 55.

ческую разработку ряда проблем, авторы (Р. Аврамов, С. Димитрова, Ц. Николов, Б. Григоров, Н. Недев, В. Хаджиниколов и Н. Горниенски) освещают деятельность БКП по пропаганде идей Октября, воспитанию болгарских трудящихся в духе подлинного пролетарского интернационализма и непримиримой классовой борьбы, а также движение солидарности с Советской Россией.

Партия тесных социалистов была единственной партией, которая в целом, как партия, сразу же и безоговорочно приветствовала победу Октября. Уже 10 ноября 1917 г. газета «Работнически вестник» писала: «Грандиозные события в России снова приковывают внимание всего мира... С горячей радостью мы приветствуем русский самоотверженный пролетариат, носитель мира, свободы и братства народов»⁷.

В сборнике показано, какую титаническую работу проводили тесные социалисты в массах, несмотря на все трудности военного времени и цензуру, популяризируя внешнеполитические и внутренние акты молодой Советской республики, подчеркивая их международное значение для трудящихся всех стран. В то же время победа Великой Октябрьской социалистической революции требовала нового отношения к актуальным проблемам революционного рабочего движения. Углубленная теоретическая работа знаменовала процесс постепенной большевизации партии, которая в 1919 г. стала коммунистической. Этому способствовало знакомство с трудами В. И. Ленина. В сборнике мы находим сведения о полулегальных и нелегальных изданиях и распространении в Болгарии произведений В. И. Ленина.

Хронологический принцип построения и стремление к систематическому изложению событий имеют свою негативную сторону, так как при этом неизбежно повторение некоторых общеизвестных фактов и положений. Однако этот недостаток в данном случае с лихвой компенсируется целостностью воссоздаваемой картины: все события внутренней жизни Болгарии соотносятся с положением на международной арене, которое характеризовалось борьбой «...всемирной буржуазии против Советской Российской республики»⁸.

Большой интерес вызывают страницы, рассказывающие о борьбе болгарских трудящихся под руководством БКП за вывод из Болгарии врангелевских войск, за оказание помощи голодающим России, за восстановление дипломатических отношений между обеими странами, за принятие советского предложения заключить пакт о дружбе и взаимопомощи в начальный период второй мировой

войны (так называемая «Соболевская акция»). В сборнике рассматривается кампания за посылку в СССР рабочей делегации для ознакомления с успехами социалистического строительства. Первым, кому удалось, преодолев все преграды, выехать в Советский Союз, был редактор газеты «Работническо дело» Петко Напетов, издавший затем книгу «В стране строящегося социализма».

Много внимания уделяется освещению деятельности БКП по созданию Отечественного фронта, организации вооруженной борьбы трудящихся и подготовке всенародного восстания. «Сочетание народного восстания 9 сентября 1944 г. с победоносным наступлением Советской Армии на Балканах не только обеспечило победу восстания, но и придало ему большую силу и размах», — отмечал Г. Димитров⁹. Заключение дает общую картину триумфа дружбы СССР и народной Болгарии.

Сборник иллюстрирован фотографиями плакатов, афиш, обложек книг, рукописных листовок. Имеются редкие снимки.

Второй рассматриваемый сборник «Октябрьская революция и болгаро-советская дружба» тематически близок к первому, но хронологические рамки его шире и он построен по иному — проблемному принципу. Сборник имеет следующие разделы: 1) Непосредственные отзвуки и влияние Октябрьской революции в Болгарии; 2) Болгаро-советские отношения и борьба за дружбу (1917—1944 гг.); 3) Братское сотрудничество в строительстве социализма; 4) Участие болгар в Октябрьской революции и социалистическом строительстве в СССР. К участию в сборнике привлечен большой круг не только болгарских, но и советских авторов. Первая статья Х. Христова дает общую картину влияния Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Болгарии. Автор следующей статьи Т. Колева рассматривает процесс большевизации БКП в период до 1923 г. (когда, как известно, в ходе антифашистского Сентябрьского восстания, был сделан решительный шаг к большевизации БКП). Автор отмечает, что влияние Великой Октябрьской социалистической революции на партию тесных социалистов определялось тремя факторами: 1) происшедшим в результате революции коренным переломом в мировой истории; 2) характером самой партии как революционной марксистской партии рабочего класса, 3) революционной обстановкой в Болгарии, требовавшей изменения работы партии.

Обстоятельный очерк взаимоотношений между Советской Россией и Болга-

⁷ «БКП и дело на Октомври», стр. 22.

⁸ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 41, стр. 163.

⁹ Г. Димитров. Сч., т. 14. София, 1955, стр. 271.

рией в период правительства Земледельческого союза дает в своей статье Я. Йопов. Охарактеризовав деятельность правительства БЗНС как «наивысшую точку развития буржуазной демократии в Болгарии», Я. Йопов проследживает вытекающие из мелкобуржуазной природы БЗНС колебания, постоянную оглядку на империалистические круги западных стран и формулирует вывод, что «основная слабость внешней политики правительства БЗНС состояла в том, что оно пренебрегало поддержкой, которую могло бы получить в результате восстановления дипломатических отношений с Советской Россией, что ощущению изменило бы положение Болгарии в международном отношении»¹⁰.

Проблеме отношения буржуазных и мелкобуржуазных партий к Октябрьской революции посвящена и статья В. Хаджиниколова. Для понимания своеобразия положения в Болгарии и тех трудностей, с которыми сталкивались прогрессивные силы страны в борьбе за дружбу с Советским Союзом, эта проблема имеет немаловажное значение.

Две статьи болгарского и советского авторов (В. Васильева и Г. Чернявского) как бы перекликаются между собой (хотя освещают разные исторические периоды). Г. Чернявский на материалах советской печати и архивных документов рассказывает о движении солидарности трудящихся Советского Союза с революционной борьбой болгарских трудящихся в годы, когда над Болгарией после подавления Сентябрьского восстания 1923 г. опустилась ночь монархо-фашистского террора. На предприятиях проходили митинги протеста против фашистских зверств в Болгарии. Через профсоюзы, МОПР и другие организации советские трудящиеся переводили собранные ими деньги для болгарских братьев по классу. В статье В. Васильева также на материалах печати и архивов рассматривается целеустремленная и настойчивая деятельность болгарских коммунистов по разоблачению антисоветской клеветы о «демпинге» в годы первой советской пятилетки. Богатые революционные традиции болгарских трудящихся и их упорная борьба привели к полному провалу антисоветской кампании в Болгарии.

Значительную часть сборника составляет его третий раздел, посвященный братской дружбе двух стран в ходе строительства социализма. Хронологические рамки помещенных в данном разделе статей различны, различна и их тематика; все они представляют значительный интерес, так как построены на новом материале и касаются актуальных проблем.

¹⁰ «Октомврийската революция и българо-съветската дружба», стр. 144.

В статье В. Божинова рассматриваются советско-болгарские политические отношения в период от победы революции в Болгарии до победы социализма (1944—1958 гг.). Автор отмечает два главных, решающих фактора победы революции в Болгарии: большевизацию БКП и великие победы Советской Армии. Болгария была одной из первых стран, освободившихся от фашизма и империализма и получивших возможность выработать действительно народную, национальную политику, полностью отвечающую чувствам, воле и интересам болгарского народа. Автор пишет об огромном значении деятельности советских представителей в Союзной Контрольной Комиссии, которые не допустили вмешательства США и Англии во внутреннюю жизнь страны. Защита Советским правительством национальных интересов Болгарии на Мирной конференции в Париже — одна из самых светлых страниц болгаро-советских отношений.

Статья З. Златева об экономических отношениях между Болгарией и Советским Союзом охватывает гораздо меньший период — всего с 1944 по 1948 г. Однако это были наиболее трудные для Болгарии годы. На большом статистическом и архивном материале автор убедительно показывает решающее значение советской помощи для преодоления хозяйственной разрухи в Болгарии, для создания там основ социалистической экономики.

Весьма интересна как по постановке вопроса, так и по материалам и выводам статья Б. Матеева о творческом применении в Болгарии ленинского кооперативного плана. Успешная деятельность БКП привела к тому, что уже в 1950 г. в болгарской деревне произошел коренной перелом, обеспечивший в дальнейшем полную победу кооперативного строя. Автор показывает, что причины этого — в правильном использовании опыта советских колхозов, а также в том факте, что социалистическая реконструкция сельского хозяйства Болгарии опиралась не только на болгарскую промышленность, но и на промышленность СССР и других социалистических стран.

Интересные данные о помощи Советского Союза в механизации сельского хозяйства Болгарии в период 1948—1958 гг. содержатся в статье советского исследователя Д. Песчаного. СССР не только поставлял Болгарии сельскохозяйственные машины, но и оказал ей существенную помощь в подготовке кадров квалифицированных механизаторов.

Статьи А. Накова, В. Чичовской, В. Белановского и Г. Караева касаются различных аспектов взаимной помощи советского и болгарского народов в борьбе за социализм и коммунизм, за всеобщую безопасность народов.

Четвертый раздел содержит три статьи. А. Тишев рассматривает тему об участии болгар в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне, но подходит к ней несколько иначе, используя опубликованные и неопубликованные воспоминания самих участников исторических событий. Статья Д. Доронченкова освещает новый вопрос — о деятельности болгарских молодежных бригад, приглашенных участвовать в стройках советской страны в 1956—1960 гг. К январю 1959 г. на советских объектах работали 9759 болгарских юношей и девушек. Характерным проявлением социалистического интернационализма была не только активная помощь в получении ими производственной квалификации, дружба советской и болгарской молодежи и совместное участие в социалистическом соревновании, но и содействие в получении высшего и среднего специального образования. К середине 1960 г. около 20% приехавших учились в вузах, техникумах и средних школах. Когда закончился срок работы бригадиров, многие из них остались завершать образование в советских вузах.

Статья Р. Грипиной стоит по теме несколько особняком. Это очерк — биография интересного человека, болгарского военного инженера С. Н. Ванкова, с середины 80-х годов прошлого века жившего в России. После победы Октябрьской революции он работал в Советской России.

Рассмотренные книги не свободны от недостатков. Построение сборника «Октябрьская революция и болгаро-советская дружба» несколько рыхлое. Есть повторения. В частности, статья Х. Несторова «Болгарский народ в борьбе против империализма в поддержку советской страны. 1918—1923» отчасти повторяет статью Ц. Николова «Участие трудящихся

Болгарии в защите Советской власти (1917—1920 гг.)». Внешнеполитический аспект истории Болгарии за этот же период освещен также в упомянутой статье Я. Йоцова. Имеются опечатки. В 1919 г. состоялся XV конгресс БЗНС, а не XVI, как это указано в сборнике «БКП и дело Октября».

Ежегодник Музея революционного движения Болгарии («По пути к победе») отличается от двух рассмотренных сборников по существу. Он содержит не только статьи и публикации, а в значительной своей части документальные очерки на основе имеющихся в музее материалов. Тематика очерков крайне разнообразна. Это и революционные связи Ленина с марксистами в Болгарии, и отдельные факты и эпизоды революционных битв Болгарской коммунистической партии и Рабочего молодежного союза, и материалы к биографиям деятелей коммунистической партии. Материалы сборника знакомят с богатством хранящихся в музее документов. К сожалению, научный аппарат сборника не на высоте, кое-где даются ссылки на фонды музея, а чаще — никаких ссылок вообще нет. Нельзя не отметить также выход в свет нового издания избранных статей и выступлений руководителей Болгарской коммунистической партии на тему о Великой Октябрьской социалистической революции и болгаро-советской дружбе¹¹.

Вышедшие в Болгарии к 50-летию Октября книги во многом расширяют и углубляют наши знания о братской стране, вносят новый вклад в болгаро-советскую дружбу.

¹¹ «Великий Октябрь». София, 1967, 333 стр.

А. Н. Киришевская

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Все передовое человечество торжественно отметило пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

В юбилейном году вышло в свет немало книг о влиянии Октябрьской революции на революционные процессы в других странах. Одной из таких книг является книга югославского академика Фердо Чулиновича, переведенная на русский язык¹.

¹ Ф. Чулинович. Отклики Октября в югославянских землях. Перевод с сербско-хорватского В. В. Зеленина, В. Г. Карасева, Г. М. Славина, под ред. проф. В. П. Радькова. М., «Прогресс», 1967, 303 стр.

В рецензируемой книге исследуется влияние Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в югославянских землях Австро-Венгрии в период первой мировой войны и первые послевоенные годы, на процесс образования объединенного югославского государства, а затем и социалистической Югославии. Международное значение Великого Октября ярко раскрывают ленинские слова: «Русская революция бросила искры во все страны мира и еще ближе подвинула к краю пропасти зарвавшийся империализм»².

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 43.

служащие эпиграфом к книге. Как известно, В. И. Ленин очень внимательно следил за революционной борьбой за рубежами нашей Родины, развернувшейся с особенной силой после Октября. Богатый фактический материал о национально-освободительной и социально-революционной борьбе в югославянских землях Австро-Венгрии, собранный в книге Чулиновича, часто прямо перекликается с высказываниями В. И. Ленина. Не ставя перед собой задачу дать подробный анализ рецензируемой книги, отметим ее политическую актуальность и обратим внимание читателя на некоторые события и факты, ярко иллюстрирующие ленинские высказывания о международном значении революции в России.

Рецензируемая книга состоит из трех частей. В первой части («Введение») кратко рассказывается о возникновении и характере первой мировой войны; о бедствиях, обрушившихся на народные массы воюющих стран, об отношении правительств этих стран и широких народных масс к Февральской буржуазно-демократической и особенно Октябрьской социалистической революции; в специальном разделе говорится об откликах на революцию в России среди народов Австро-Венгрии.

Во второй части «Великая Октябрьская социалистическая революция и югославянские земли в конце первой мировой войны» автор исследует различные формы революционного движения в югославянских землях: движение так называемого «зеленого кадра», восстания в сухопутных войсках и (особенно подробно) восстания в военно-морском флоте, вспыхнувшие в конце 1917—1918 гг. в важнейших военно-морских базах Австро-Венгрии: Шибенике, Боке Которской и Пуле.

В третьей части («Заключение») рассматривается обстановка в югославянских землях после первой мировой войны, рассказывается об образовании Коммунистической партии Югославии, возглавившей массовое революционное движение в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, объясняются причины поражения нарастающей социалистической революции в стране. Работа Чулиновича имеет широкую историко-научную базу (архивные материалы, обширная литература, свидетельства современников революционных событий, описываемых в книге, и др.). В монографии дается хронология важнейших революционных событий в югославянских землях в период 1917—1921 гг.

Одной из форм антивоенной борьбы в югославянских землях в годы первой мировой войны было движение так называемого «зеленого кадра». В каждом военном округе Австро-Венгрии имелся запасной батальон, в котором мобилизованные в армию рекруты проходили воен-

ное обучение. В югославянских землях такие батальоны назывались «военными кадрами». Уже в первые месяцы войны югославянские солдаты, отказываясь воевать за интересы габсбургской монархии, уклонялись от военной службы, многие из них уходили в леса. Этим людям народ дал шуточное название: «зеленый кадр». Такие «зеленые кадры» были во всех частях Австро-Венгрии, но наиболее широкое распространение движение «зеленого кадра» получило в югославянских землях (стр. 55).

Автор подчеркивает, что с осени 1917 г. бегство югославянских солдат из австро-венгерской армии стало массовым и объяснялось не только национальными, но и социально-революционными причинами (стр. 55—56). Движение «зеленого кадра» вызвало немалое беспокойство у австро-венгерского командования. Так, генерал Глайзе-Хорстенау в своей книге «Крушение Австро-Венгрии и становление государств — ее преемников» писал, что «отряды «зеленого кадра» уже к лету 1918 г. представляли собой весьма значительную армию, располагавшую пулеметами и даже несколькими орудиями, и в конце концов превратились в грозную силу (стр. 56). Точные сведения об общем числе «зеленокадровцев» отсутствуют, но Ф. Чулинович не считает преувеличенным предположение, что к концу первой мировой войны в югославянских землях их насчитывалось около 200 тыс. человек (стр. 57).

Большинство буржуазных историков характеризуют действия «зеленого кадра» в югославянских землях в конце первой мировой войны как действия шаек грабителей и убийц. «Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, — пишет Ф. Чулинович, — что в конце 1918 — начале 1919 года «зеленокадровцы» конфисковывали имущество, но забирали они его у деревенских мироедов, и не было случаев, чтобы они присваивали что-либо себе; как правило, конфискованное имущество раздавалось деревенской бедноте» (стр. 58). Этот вывод подкреплен рядом архивных документов, ярко рисующих своеобразный характер движения «зеленого кадра» (см. стр. 59—82).

Центральное место в рецензируемой книге занимает освещение восстаний, вспыхнувших в австро-венгерском военно-морском флоте под непосредственным воздействием идей Великого Октября. Наряду с общими причинами восстаний — недовольство трудящихся масс бессмысленной кровопролитной войной, голод и разорение в стране, возросший гнет и т. д. — автор отмечает и причины, порожденные специфическими условиями флотской жизни: резкое разделение и антагонизм между командным составом и рядовыми матросами, грубое обращение офицеров с матросами, недостаток

продуктов питания, привилегированное положение некоторых национальностей (немцев, венгров). В книге Чулиновича ярко показано, как общее революционное настроение, охватившее австро-венгерский флот, ломало искусственно возведенные барьеры. Так, экипажи кораблей умышленно подбирались из представителей разных национальностей, ибо командование полагало, что людям, говорящим на разных языках, трудно объединиться. И все же, несмотря на это, матросы объединились и стали в авангарде общей революционной борьбы (стр. 97—98).

Хотя матросские волнения в австро-венгерском военно-морском флоте происходили и до Октябрьской революции, но они вызывались преимущественно экономическими причинами. С осени же 1917 г. во флоте начались политические выступления. «И можно с полным основанием считать, — пишет Ф. Чулинович, — что на развитие этого движения (как социально-революционного, так и национально-освободительного) оказала влияние Октябрьская революция» (стр. 98).

Выступления матросов произошли в трех основных центрах: в Шибенике (в октябре 1917 — начале 1918 г.), Боке Которской (в начале 1918 г.) и в Пуле (в течение 1918 г.). «Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиоки...»³, — говорил В. И. Ленин на проводах первых эшелонов социалистической армии 14 января 1918 г. Многочисленные факты, собранные во второй части книги Ф. Чулиновича, как нельзя лучше подтверждают эти пророческие ленинские слова. В конце января разразилась забастовка в Пуле, а в начале февраля вспыхнуло Которское восстание.

При описании революционного выступления матросов в Боке Которской автор использовал книги австрийского публициста Б. Фрея «Матросы из Котора», итальянского военного писателя капитана Нери «Мятеж в Боке Которской», рапорт контр-адмирала А. Ганзы верховному главнокомандованию в Бадене, хранящийся в венском военном архиве, воспоминания участников восстания и очевидцев: члена Центрального революционного матросского комитета Ш. Уйдур, К. Дешковича, Б. Вукогича, Э. Заманья, М. Лепетица и др., собранные Чулиновичем и составившие ценную коллекцию, хранящуюся в архиве Института истории государства и права в Загребе.

Бока Которская, благодаря своему исключительно выгодному географическому положению, занимала важнейшее место в дислокации австро-венгерского

военно-морского флота на Адриатическом море. Это был военный порт первого класса, где находилась большая часть судов австро-венгерского военно-морского флота (в начале 1918 г. там было около 40 кораблей, на этих кораблях и береговых укреплениях служило около 6 тыс. матросов, преимущественно югославян из Приморья). Матросов этой базы волновали те же вопросы, что и матросов других баз: затянувшаяся война, многолетняя служба без длительных отпусков, голод, хищения продовольствия, предназначенного для матросов, жестокое обращение офицеров с матросами, плохие вести из дому и т. д. (стр. 132). Особенное возмущение вызывали плохое питание и тяжелые сверхурочные работы, назначаемые помимо обычной утомительной службы. Активный участник матросского восстания в Боке Которской Ш. Уйдур вспоминал: «Варево из гнилого мяса воняло так, что даже самый голодный из нас не мог его проглотить» (стр. 133). В конце января 1918 г. чаша терпения матросов переполнилась. Залпы «Авроры» и советский Декрет о мире указали им путь, как можно добиться окончания ненавистой всем войны.

Особенностью восстания в Боке Которской было то, что в нем приняли участие матросы всех национальностей и оно имело характер преимущественно антивоенного и классово-революционного движения (стр. 138). В его подготовке большую роль сыграла подпольная газета, вокруг которой группировались матросы. На нелегально устраиваемых собраниях часто шла речь о советском Декрете о мире, о социалистическом устройстве общества, в котором не может быть места национальному угнетению. Принимавшие в них участие социалисты считали, что восставший военный флот будет служить наглядным примером для всех угнетенных, которые возьмутся за оружие, свергнут старую власть, установят социалистический строй и покончат с войной по примеру Советской России (стр. 139).

Ф. Чулинович подробно описывает ход восстания, вскрывает причины его поражения, рассказывает о драматической гибели главных руководителей восстания. Не вызывает возражений общая оценка Которского восстания. По мнению Чулиновича, оно «имело революционный характер и явилось откликом на Октябрьскую революцию в югославянских землях. Принципы Октября воодушевляли повстанцев, а то обстоятельство, что попытка некоторых руководителей восстания — социалистов окончилась неудачей, не умаляет и сегодня его исторического значения» (стр. 233).

«Огненные языки революционной стихии вспыхивают все сильнее и сильнее над всем прогнившим мировым старым

³ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 35, стр. 246.

строем»⁴, — говорил В. И. Ленин на III Съезде Советов 18 января 1918 г. Как видно из всего описания Которской восстания, оно было яркой вспышкой «революционной стихии», еще не организованной, лишенной руководителя и поэтому обреченной на поражение.

Известие о восстании в Боксе Которской нашло живой отклик среди матросов и рабочих военных предприятий Пулы. Характерной чертой революционного движения в Пуле в 1918 г. была связь матросских волнений с выступлениями рабочих пульских предприятий, большинство которых находилось на военном положении. «Империалистическая война, — указывал В. И. Ленин, — чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический...», привела к чудовищному угнетению трудящихся масс, превращению «тылов» передовых стран в военнокаторжные тюрьмы для рабочих⁵. Собранные Чулиновичем материалы о положении рабочих Пулы ярко иллюстрируют эту ленинскую мысль. В январе 1918 г. рабочие Пулы забастовали. Наряду с экономическими требованиями забастовщики выдвинули требование об окончании войны и заключении мира без аннексий и контрибуций. Но признаниям представителей адмиралтейства забастовка возникла под явным воздействием революции в России (стр. 238—241).

Революционное брожение среди матросов и рабочих Пулы не затихало на

протяжении всего 1918 г. Однако отсутствие политического руководства в лице пролетарской партии (КПЮ была создана в апреле 1919 г.) привело к тому, что движение масс в конце концов оказалось в подчинении у развернувшегося с большой силой национально-буржуазного движения, хотя влияние Октябрьской революции несомненно видно в факте создания матросских Советов в октябре 1918 г. (стр. 252—255).

В книге Ф. Чулиновича революционные выступления в югославянских землях предстают перед читателем как часть всего международного революционного движения, развернувшегося после Великого Октября. Одновременно с этим мы четко видим их специфику, связанную с условиями места, времени, среды, переплетение в революционных выступлениях солдат, матросов и рабочих национальных и социально-политических мотивов.

Пользуясь многочисленными документальными материалами, введя в научный оборот многие новые архивные документы и свидетельства современников событий, Ф. Чулинович написал нужную и интересную книгу об одном из наиболее ярких периодов в истории народов Югославии.

Перевод книги Ф. Чулиновича на русский язык заслуживает полного одобрения. Книга будет с интересом прочитана советским читателем, она расширяет представление об истории революционного движения братских югославянских народов, о влиянии идей Октябрьской революции на это движение.

В. Панов

⁴ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 35, стр. 289.

⁵ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 33, стр. 3.

«КОЛО», 1966, бр. 8, 9, 10

В конце 1966 г. вышел специальный выпуск журнала «Матицы хорватской» «Коло», посвященный хорватскому национальному Возрождению¹. Он включил доклады и сообщения, прочитанные на научной сессии, состоявшейся 29—31 марта 1966 г. в Загребе по случаю 130-летней годовщины хорватского национального Возрождения. В этот выпуск «Коло» вошли также материалы, специально написанные к сессии, но не зачитанные на ней, и некоторые другие исследования, имеющие отношение к теме хорватского национального Возрождения.

На страницах журнала выступили историки, филологи, литераторы, лингвисты, экономисты, историки культуры, искусствоведы, философы из Загреба, Белграда, Скопье и других городов Югославии.

Рассматриваемый выпуск «Коло» имеет следующие разделы: введение, история, экономика, компаративные литературные темы, вопросы языка, литература, музыка, изобразительное искусство, учреждения в области культуры, наука, приложения.

Журнал открывается «Вступительным словом» старейшего хорватского писателя М. Крлежи.

В разделе «История» выступает профессор Загребского университета Я. Шидак со статьей «Хорватское национальное Возрождение — идеи и проблемы»². Хорватский ученый — автор ряда глубоких исследований по иллиризму. И в настоящей работе он опирается на широкий круг источников и литературы,

² J. Šidak. Hrvatski narodni preporod—ideje i problemi. «Kolo», *ibid.*, s. 137—157.

¹ «Kolo», 1966, бр. 8, 9, 10.

рассматривая некоторые сложные вопросы иллирийского движения, которые по-разному трактовались в научной литературе и до сих пор вызывают споры. Прежде всего это касается хронологических рамок хорватского национального Возрождения. Я. Шидак придерживается мнения, что оно исчерпывается по своему содержанию и хронологически совпадает с иллиризмом. Историк ограничивает иллирийское движение 1835—1848 годами (включительно). Началом его он справедливо считает выход национальных периодических изданий Л. Галя, которого загребский ученый, в противовес иным мнениям, считает ведущей личностью, «мотором» иллиризма.

Я. Шидак подчеркивает огромное влияние хорватского идейного наследия на формирование национальной идеологии иллиризма. По его мнению, ведущая идея движения — мысль о национальном единстве южных славян — была продиктована не столько потребностью хорватов в некоей моральной опоре для борьбы с растущей угрозой мадьяризации или порождена исключительным влиянием учения о славянской взаимности Я. Жоллара, но явилась последовательным продолжением исконной хорватской традиции, которая постоянно поддерживалась, меняя иногда свою форму и наполняясь новыми мыслями. Нам представляется, однако, что национальная идеология иллиризма была обусловлена в первую очередь общественно-экономической и политической обстановкой, в которой жили хорваты в первой половине XIX в., но она, безусловно, была связана с идейными исканиями предшествующих поколений.

В статье говорится о тесном сплетении южнославянских объединительных тенденций и узко хорватской проблематики в идеологии и тактике иллирийского движения. Автор рассматривает также отношение к идеям иллиризма в других югославянских землях и австрийскую политику относительно хорватского национально-освободительного движения.

Национальному развитию Далмации в первой половине XIX в. посвящена статья В. Форетича³. Автор считает национальное Возрождение в Далмации составной частью общехорватского Возрождения, но отмечает и некоторые его специфические черты. В. Форетич считает, что начало Возрождения в Далмации относится к 30-м годам и завершается его первый этап 1849 годом. Автор подчеркивает большой вклад журнала «Зора далматинска» и его редактора А. Кузманича в дело хорватского Возрождения в Далмации. На наш взгляд,

эта роль была сложной и противоречивой, ввиду явно сепаратистской позиции А. Кузманича и временами «Зоры» в 1844—1847 гг. в вопросе о хорватском литературно-языковом единстве, который являлся одним из важнейших вопросов хорватского общественно-национального развития.

Х. Поленаквичу принадлежит статья «Иллиры и иллирийские идеи в Македонии»⁴. Содержание этой работы значительно шире ее названия. Она охватывает культурные связи Македонии с Хорватией с 30-х годов XIX в. до начала XX в. Утверждение автора о прямом влиянии идей иллиризма на деятельность просветителей в Македонии во второй половине XIX в., в частности на братьев Миладиновых и Петковичей, представляется преувеличенным.

Общую характеристику экономической обстановки в хорватских землях в годы иллиризма дает И. Караман⁵. Статья подводит определенный итог исследованиям в этой области.

Тесно связано тематически с работой И. Карамана сообщение В. Крестича, посвященное состоянию путей и средств сообщений в Хорватии в конце XVIII—первой половине XIX в.⁶ Автор придерживается мнения, что в Хорватии в середине XIX в. единый урегулированный внутренний рынок еще не сложился, в то же время эта область не вошла и в формировавшийся общеимперский рынок. Вопрос об образовании и развитии хорватского внутреннего рынка, крайне сложный и весьма важный для понимания развития капитализма в хорватских землях, еще не получил обстоятельного освещения и поэтому высказанные мнения следует рассматривать как предварительные.

Сравнительная характеристика художественной литературы в годы иллиризма дана в статьях профессоров Загребского университета И. Франгеша⁷ и А. Флакера⁸. И. Франгеш показывает связь хорватской литературы с европейским романтизмом, отмечая в то же время отличительные черты национальной литературы хорватов эпохи иллирийского

⁴ H. P o l e n a k o v i ć. Ilirci i ilirske ideje u Makedoniji. «Kolo», s. 170—179.

⁵ I. K a r a m a n. Ekonomske prilike u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 180—193.

⁶ V. K r e s t i ć. Stanje saobraćaja u Hrvatskoj u vreme ilirskog pokreta. «Kolo», s. 194—199.

⁷ I. F r a n g e š. Evropski romantizam i hrvatski narodni preporod. «Kolo», s. 200—214.

⁸ A. F l a k e r. Književnost hrvatskog preporoda prema sentimentalizmu («Marta Posadnica» u hrvatskoj književnosti). «Kolo», s. 215—225.

³ V. F o r e t i ć. Prva faza hrvatskog narodnog preporoda u Dalmaciji (do sredine 19. stoljeća). «Kolo», s. 158—169.

движения. А. Флакер рассматривает элементы сентиментализма в хорватской литературе 30—40-х годов XIX в. на основе хорватско-русских литературных связей.

В разделе сравнительно-литературных тем помещена статья М. Живанчевича «Иллирийский вариант идеи о славянской взаимности»⁹. Но по содержанию она больше относится к разделу «История». Основное место в статье занимает показ идейного влияния Я. Коллара на ведущих деятелей иллиризма. Но в заключении автор проводит мысль, что идея славянской взаимности родилась у югославян на местной почве, под влиянием политических условий и уходит в глубь XVII в., Коллар же только «разжег души». Вряд ли можно согласиться с подобным выводом автора. Взгляды Коллара на славянскую взаимность, имевшие горячих последователей в югославянской среде в первой половине XIX в., отличались от общеславянских взглядов и концепций, наблюдавшихся у югославянских писателей, историков и лингвистов в предыдущие столетия, и научно-теоретическими основами, и национальным содержанием, и влиянием на практическую деятельность по сближению славянских народов. В статье М. Живанчевича употребляются понятия «славянская взаимность», «панславизм», «всеславянство», «славянофильские чувства». Автор не раскрывает их и создается впечатление, что обозначаемые ими идейные явления рассматриваются как тождественные по своему содержанию. И. Мажуранич и С. Враз неоправданно причислены к так называемой «демократической левице».

Вклад деятелей хорватского национального Возрождения в создание литературного национального языка хорватов, как и различия литературно-языковых концепций Гая и Караджича, раскрываются в содержательной статье академика Л. Йонке¹⁰. В разделе «Вопросы языка» помещены также работы З. Винце, Д. Брозовича и М. Могуша¹¹.

Литературной проблематике хорватского национального Возрождения посвящена статья М. Шицела¹². Автор высту-

пает против распространенного до недавнего времени в историко-филологических исследованиях отождествления начального этапа новой хорватской литературы, обозначаемого понятием «литература иллиризма», с общественно-политическим иллирийским движением и хронологического ограничения этого этапа рамками иллиризма. Автор полагает, что следует отказаться от искусственного выделения в развитии новой хорватской литературы периодов, называемых чисто историческими терминами — «литература иллиризма», «литература 50—60-х годов». Выступая за пересмотр периодизации новой хорватской литературы, он предлагает именовать литературную эпоху, начиная с 40-х и до половины 70-х годов «периодом классического романтизма».

В статье Т. Чубелича рассматривается вопрос о месте и роли народного творчества в литературной жизни хорватского Возрождения¹³.

В небольшом сообщении Ф. Петре¹⁴ говорится о непримиримой борьбе двух литературно-языковых концепций в годы иллиризма. Сторонники одной из них видели основу новой хорватской литературы в далматинско-дубровницком классицизме XVI—XVII вв., сторонники же другой — связывали ее с живым народным творчеством. К сожалению, автор со всей четкостью не говорит о том, в какой мере каждая из этих концепций отвечала интересам развития хорватской литературы в новое время.

Т. Чолак выступил со статьей «Зора далматинска» и ее вклад в литературу иллирийского движения¹⁵. Это исследование, основанное на конкретном материале, касается оригинальной поэзии на страницах «Зоры». Автор проводит мысль, что «Зора далматинска», несмотря на все ее колебания, являлась все же иллирийским журналом и по праву занимает место в истории новой хорватской литературы. Вряд ли следует ставить далматинский журнал в один ряд с «Даницей» и «Коло», но известного его вклада в развитие хорватской национальной литературы отрицать нельзя.

Р. Травнич в небольшом сообщении показывает близость творчества П. Пре-

⁹ M. Živančević. Piriska varijanta ideje o slovenskoj uzajamnosti. «Kolo», s. 226—232.

¹⁰ Lj. Jonke. Jezična problematika u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 233—242.

¹¹ Z. Vince. Pogledi na jezična pitanja u Dalmaciji u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda; D. Brozović. Jezično značenje hrvatskog narodnog preporoda; M. Moguš. O Gajevoj «Kratkoj osnovi». «Kolo», s. 243—248, 249—253, 254—257.

¹² M. Šicel. Književni problemi u doba hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 258—271.

¹³ T. Čubelić. Usmeno narodno stvaralaštvo — literaturno-teoretski poticaj i kulturno-ideološka komponenta u hrvatskom narodnom preporodu. «Kolo», s. 272—280.

¹⁴ F. Petre. Dvije književne koncepcije u razdoblju narodnog preporoda. «Kolo», s. 281—283.

¹⁵ T. Čolak. «Zora dalmatinska» i njen doprinos književnosti ilirskog pokreta. «Kolo», s. 284—302.

радовича мироощущению современного читателя¹⁶.

Ряд статей в журнале посвящен развитию хорватской национальной культуры в годы иллиризма. Профессор Л. Жупанович в обстоятельном исследовании останавливается на состоянии музыкального искусства в период хорватского национального Возрождения¹⁷. Н. Туркаль рассматривает вопрос о принципах обработки первой хорватской оперы Лисинского «Любовь и злоба» в соответствии с требованиями современной музыкальной сцены с целью включения ее в постоянный репертуар оперных театров¹⁸. Слабо изученному вопросу развития изобразительного искусства в Хорватии в первой половине XIX в. посвящена статья М. Пеича¹⁹.

Председатель «Матицы хорватской» Я. Равлич выступает как автор статьи «Учреждения и общества культуры в годы хорватского национального Возрождения»²⁰. Она отмечает основные моменты истории и деятельности культурно-просветительных учреждений и организаций в Загребе.

О постепенном проникновении кайкавского диалекта, а затем и национального литературного языка на театральную сцену Загреба говорится в сообщении С. Батушича²¹. Краткие сведения о состоянии типографского дела и книготорговли в Загребе в XIX в. приведены в сообщении Т. Якича²².

М. Брандт выступает в «Коло» с исследованием «Общественные науки в период хорватского национального Возрождения»²³. Поскольку автор, в отличие от большинства хорватских ученых, считает 1830—1850-е годы лишь первым этапом хорватского национального Возрождения, статья хронологически не ограничивается указанными годами, а захватывает и 60-е годы XIX в. Это пер-

вое исследование, дающее целостную картину состояния общественных наук в хорватских землях во второй и третьей четверти XIX в. Но она перенасыщена именами ученых и названиями их научных трудов. В то же время статья лишена обобщающей характеристики уровня научных знаний в разные периоды, и только в исключительных случаях в ней говорится о месте и значении отдельных исследований в развитии научной мысли.

Состояние естественных наук, особенно во 2-й половине XIX в., обстоятельно показано в статье В. Блашковича²⁴.

В. Базала выступает со статьей «Врачи в период так называемой «иллирийской идиллии»²⁵. Не ограничиваясь хронологическими рамками иллиризма, автор пытался показать общественную деятельность врачей в хорватских землях в XVIII—XIX вв. По ряду вопросов эта статья вызывает возражения прежде всего фактического характера. Не оправдана, на наш взгляд, характеристика итальянца-сплитчина Ю. Баймонти, жившего во 2-й половине XVIII в., как «предтечи иллиризма». Статья содержит фактические ошибки: впервые с идеей об издании газеты на хорватском языке выступил не А. Праунспергер, как это утверждает автор, а Ф. Богданич еще в конце XVIII в.; читальня в Загребе была организована не в 1846, а в 1838 г.; она никогда не именовалась Народным домом; «Зора далматинска» издавалась не до 1848 г., а до середины 1849 г. и т. д. Весьма искусственным представляется и название статьи.

Завершается рассматриваемый выпуск «Коло» информационными сообщениями.

Среди югославских ученых нет единого мнения относительно того, был ли иллиризм только фазой хорватского национального Возрождения или эти явления совпадали по времени; нет единодушия и в определении хронологических рамок Возрождения. Это подтверждают и опубликованные в «Коло» научные исследования, охватывающие период с конца XVIII до начала XX в. Но несмотря на имеющиеся хронологические и тематические отклонения, рассматриваемый выпуск «Коло» в целом освещает круг проблем, связанных с эпохой иллирийского движения. Представленные в журнале статьи подводят итог и отражают уровень научных знаний по иллиризму, в первую очередь степень изученности этой проблемы в самой Югославии.

¹⁶ R. Travinčić. Petar Preradović i današnji čitalac. «Kolo», s. 299—302.

¹⁷ L. Županović. Glazbena umjetnost u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 303—320.

¹⁸ N. Turkalj. «Ljubav i zloba» Vatroslava Lisinskog—opera hrvatskog bidermajera. «Kolo», s. 321—332.

¹⁹ M. Peić. Likovne umjetnosti u doba hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 333—347.

²⁰ J. Ravlić. Ustanove i društva kulture u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 348—366.

²¹ S. Batusić. Hrvatski jezik osvaja zagrebačku pozornicu. «Kolo», s. 367—369.

²² T. Jakić. Štamparstvo i knjižarstvo u Zagrebu za vrijeme ilirskog preporoda. «Kolo», s. 370—374.

²³ M. Brandt. Društvene nauke u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 375—390.

²⁴ V. Blašković. Prirodne nauke u doba hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», s. 391—401.

²⁵ V. Bazala. Liječnici u razdoblju tzv. «ilirske idile». «Kolo», s. 402—428.

Хотя организаторы и участники научной сессии пытались осветить в докладах и сообщениях, которые легли в основу опубликованных в «Коло» статей, важнейшие вопросы сложного периода в историческом развитии хорватов, именного национального Возрождением, среди представленных исследований явно преобладают работы по литературно-языковой и культурной тематике. В журнале нет ни одной статьи, раскрывающей социально-политическую мысль в годы иллиризма и ее классовые корни, программные требования участников движения, наконец, самую развитую форму их национальной деятельности — политическую борьбу. Полностью отсутствует такая важная для понимания иллиризма проблема, как ход и особенности развития хорватской нации. Хотя все авторы подчеркивают значение илли-

ризма в своих конкретных исследованиях, все же обобщающая оценка этого этапа национальной борьбы хорватов и ее влияния на последующее развитие хорватской нации была бы полезным завершением научного сборника. Не получили в журнале отражения и различные концепции по важнейшим проблемам иллиризма, имеющиеся в хорватской исторической науке.

Опубликованные в «Коло» статьи и сообщения свидетельствуют о живом интересе научной общественности Югославии к истории иллиризма. В то же время в них намечены и те направления, по которым в первую очередь должно развиваться дальнейшее исследование хорватского национально-освободительного движения эпохи зарождавшегося буржуазного общества.

И. И. Лещиловская

W. ZAJEWSKI. Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1820—1831. Gdańsk, 1967, 287 s.

В. ЗАЕВСКИЙ. Внутренняя борьба политических группировок в ноябрьском восстании 1830—1831 гг.

Ноябрьское восстание 1830—1831 гг. в Королевстве Польском привлекает пристальное внимание историков Польской Народной Республики. Они отказались от подхода, присущего польской буржуазной историографии межвоенного периода, сводившей всю проблематику этого восстания к польско-русской войне 1831 г. В 1955 г. при Институте истории Польской академии наук была создана специальная группа, которая под руководством проф. Ю. Дуткевича занимается всесторонним изучением ноябрьского восстания.

Литература об этом восстании пополнилась монографией В. Заевского «Внутренняя борьба политических группировок в ноябрьском восстании 1830—1831 гг.», изданной Научным обществом в Гданьске. Исследование В. Заевского состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен характеристике политических группировок в ноябрьском восстании, второй — политическим конфликтам в период диктатуры Ю. Хлопицкого и борьбе за детронизацию Николая I. В третьем разделе проанализирована борьба вокруг проекта реформы Национального правительства в феврале — июне 1831 г.; четвертый раздел содержит материал о внутренней борьбе во время наибольшей активности левизы восстания от 29 июня до 15 августа 1831 г.; в пятом разделе рассматривается упадок левизы восстания при правительстве Я. Круковецкого и последнего вождя М. Рыбиньского. Такая структура книги позволяет

автору подробно рассмотреть борьбу политических группировок в период восстания и сосредоточить главное внимание на деятельности его левого лагеря. По определению В. Заевского, предметом исследования в его монографии являются «коренные внутренние политические конфликты в период ноябрьского восстания» (стр. 5). Он справедливо подчеркнул, что после 29 ноября 1830 г. решающим стал вопрос о преобладании той или иной политической группировки, от чего зависело дальнейшее развитие восстания либо капитуляция восставших. В дальнейшем, после падения диктатуры Хлопицкого, когда простая капитуляция оказалась уже невозможной, борьба приобрела иное направление: продолжение восстания или переговоры, форма правления (монархия или республика), превращение восстания в «национальную» или «социальную» революцию и пр. Вокруг этих вопросов разгорелась упорная борьба формировавшихся тогда политических группировок.

В. Заевский исследует характер политических группировок, или партий, в Королевстве Польском накануне и в период ноябрьского восстания — «аристократическо-соглашательской партии», «революционной, или патриотической партии» и калишан, одновременно получивших название «доктринеров», «конституционалистов» и т. д. Несомненной заслугой автора является то, что он не ограничился общим описанием деятельности этих партий, а предпринял удач-

ную попытку выяснить наличие внутри них отдельных групп и проследить борьбу между ними.

Автор указал на сложный состав политических группировок, выступавших в период восстания. Он подчеркнул, что консервативный лагерь отличался значительной раздробленностью и было бы более правильно говорить лишь о руководителях отдельных консервативных групп. Разобщенность аристократов помешала им создать единую политическую партию. Внутри групп, составлявших социальную базу консерваторов (аристократия, богатая шляхта, высшие чиновники, генералитет, церковная иерархия), существовали политические, имущественные и другие противоречия, мешавшие их политическому объединению. В. Заевский отметил, что в консервативном лагере была группа неаргументов и самых влиятельных среди аристократов фрондеров во главе с кн. А. Чарторьским, стремившимся установить отношения с Николаем I как с конституционным королем.

В монографии отмечено, что калишане не составляли организованной политической партии; их общность основывалась на соседских, территориальных, экономических и семейных связях. Они вышли из среды состоятельной шляхты и потому имели близкие политические взгляды. Но эта группировка была неоднородной: существовало консервативное крыло во главе с В. Немоевским, тяготевшее к кн. А. Чарторьскому, и либеральное крыло, возглавлявшееся Б. Немоевским.

В монографии уделяется много внимания характеристике демократического лагеря восстания — повстанческой левицы, представленной Патриотическим обществом и его сторонниками, а также редакциями газет «Нова Польска» и «Газета польска». Автор пришел к заключению, что Патриотическое общество — наиболее зрелая политическая организация в условиях того времени — не выработало единой программы и революционной тактики, способной привести к свержению консервативно-шляхетского правительства, из-за отсутствия единства в этом обществе, а также слабой связи с плебейскими массами столицы. По определению В. Заевского, в Патриотическом обществе преобладали чиновники правительственных и муниципальных учреждений, низшие чиновники судебного аппарата, журналисты, издатели, литераторы. Они не выступали за свержение Национального правительства и ограничивали свою деятельность активной, но легальной политической оппозицией. Патриотическое общество не превратилось в действенную организацию шляхетских революционеров, но оно оказало большое, а в отдельных слу-

чаях решающее влияние на ход восстания. Приходится лишь сожалеть, что интересные наблюдения и правильные выводы о левице восстания автор не всегда подкрепляет достаточным фактическим материалом.

В. Заевский проанализировал обстановку, в которой была провозглашена диктатура Хлопицкого, все действия которого можно рассматривать как осуществление законченной программы капитуляции перед Николаем I. Диктатор только надеялся получить гарантии об автономии Королевства Польского, а возможно, и удалении царских гарнизонов. В книге показано отношение различных общественных группировок к этой диктатуре. Консервативные круги приветствовали Хлопицкого, хотя отношение к нему различных групп консерваторов не было одинаковым. Несмотря на то, что и личность диктатора и форма диктатуры были чрезвычайно консервативными, члены Патриотического общества подчинились софистике Любецкого и первоначально не выступали против диктатуры. Вместе с тем, автор обратил внимание на то, что уже в это время повстанческая левица выдвигала требования, направленные на углубление восстания, в том числе лозунги детронизации Николая I. Наиболее последовательную программу преобразований — полная независимость и детронизация Романовых — выдвигала левица, объединенная вокруг редакций газет «Патриот» и «Чурьер польски». Она особенно активно критиковала диктатора. Этот лагерь был неоднородным в социальном отношении. В него входила бедная студенческая молодежь, публицисты, поэты, учителя, библиотекари и т. д.

В монографии показан рост изоляции диктатора Хлопицкого в польском обществе и подчеркнута важная роль газеты «Нова Польска» в дальнейшей разработке программы восстания. Автор проследил борьбу вокруг вопроса о детронизации Николая I и рассмотрел значение этого акта. Он подробно характеризует Национальное правительство и дискуссии вокруг проекта его реформы в феврале — июне 1831 г., показывая, что атаки консерваторов на это правительство преследовали цель передать власть в руки А. Чарторьского. Борьба по этому вопросу оказала большое влияние на внутреннюю политическую жизнь польского общества в период восстания, способствовала поляризации партий.

В. Заевский проследил оживление деятельности повстанческой левицы накануне 15 августа 1831 г. и ее упадок в конце восстания. Оценивая обстановку в этот период, он остановился на характеристике Круковецкого, считая его выразителем политической программы некоторых групп консерваторов в Варшаве и

в армии, которые были напуганы выступлением народа и хотели быстрой капитуляцией. Расстановка политических сил в конце восстания была такой, что левице не удалось организовать дальнейший отпор царизму, а консерваторы не смогли пойти на безоговорочную капитуляцию. Эмиграция должна была стать продолжением борьбы, начатой 29 ноября 1830 г.

Подводя итоги исследования, автор обратил внимание на отсутствие у левицы ноябрьского восстания достаточной социальной опоры, нежелание калишан добиться поддержки плебейских масс и элитарный характер консервативных группировок. Он справедливо подчеркнул, что лидеры шляхетской левицы упорно придерживались тактики легальной оппозиции, главным творцом которой являлся И. Лелевель. Его тактика позволила левице и калишанам помешать капитуляции, но не дала им возможности отстранить консерваторов от власти. В монографии В. Заевского деятельность Лелевеля показана на широком фоне борьбы политических группировок в

1830—1831 гг., что обогащает наши представления о роли ученого в ноябрьском восстании. Однако объяснение непоследовательности тактики повстанческой левицы лишь влиянием на нее Лелевеля нам кажется повторением традиционных выводов о его личной ответственности за поражение восстания. По нашему мнению, еще предстоит выяснить, почему тактика Лелевеля в это время оказалась приемлемой для шляхетских революционеров — руководителей повстанческой левицы; еще далеко не ясно, выразителем каких социальных групп польского общества объективно выступал Лелевель в период восстания 1830—1831 гг.

В целом монография В. Заевского, являющаяся единственной специальной работой о борьбе политических группировок в период ноябрьского восстания, представляет значительный вклад в исследование истории национально-освободительной борьбы польского народа в XIX в.

Б. С. Попков

MILAN VAROŠ. *Osudy zlatych pokladov. Bratislava, 1967, 181 s.*

МИЛАН ВАРОШ. *Судьбы золотых сокровищ*

Милан Варош известен в Чехословакии как автор историко-публицистических работ на темы из отечественной и всеобщей истории, написанных на основе документальных материалов. В данной его работе рассказывается об алчной погоне за золотом, о преступлениях и политических махинациях, порождаемых жадной наживы и обогащения в капиталистическом мире.

Книга состоит из нескольких разделов, в которых повествуется о разных по характеру, значимости, а следовательно, и интересу драматических событиях: поисках золотых кладов, хищении драгоценностей, ограблении поработанных народов гитлеровцами и т. п. Многие в этих событиях до сих пор остались не выясненными.

Свою книгу Варош начинает с рассказа о судьбе русского золотого запаса, захваченного в годы гражданской войны в России чехословацкими legionерами. Автор приводит много интересных и новых фактов о судьбе этого золота, о политической борьбе вокруг него, раскрывает историю присвоения около одной трети его (180,9 тыс. кг) чехословацкими legionерами, колчаковцами, японцами и семеновцами.

После краткого очерка об ограблениях, которые совершал в начале XX в. «по принципиальным соображениям» анархист Александр Якоб, автор повествует о настоячивых, но пока что неудачных попытках отыскать богатое погребение Аттилы — повелителя гуннов. Варош

полагает, что тайна могилы Аттилы еще долго останется не раскрытой.

Большой раздел книги М. Вароша посвящен событиям, связанным со второй мировой войной, в частности, освещению действий фашистских главарей по захвату золота и других драгоценностей в оккупированных странах. Рассказав о захвате гитлеровцами чехословацкого золотого запаса, автор отмечает тот факт, что до сих пор Чехословакия не получила обратно золота, оказавшегося после войны в США. Далее в книге рассказывается о неизвестном большинству советских читателей факте транспортировки английского золотого запаса в Канаду ввиду возникшей в 1940 г. угрозы вторжения в Англию гитлеровских войск. Несколько страниц М. Варош посвящает поискам запрятанных гитлеровцами кладов, трагически окончившимся для многих искателей.

Много интересных фактов приводит автор о судьбе части золотого запаса Словацкого государства, которая после Словацкого национального восстания была перевезена патриотами на освобожденную повстанцами территорию, а когда возникла угроза захвата этого золота гитлеровцами, — оно было отправлено на самолетах в Советский Союз. Как известно, Советское правительство сразу же после войны вернуло Чехословакии все чехословацкое золото, депонированное в СССР в период Словацкого восстания, тем самым показав образец честного вы-

полнения своих союзнических обязательств.

Много места в книге отводится описанию драматической борьбы чехословацких патриотов против попыток фашистских властей и их пособников овладеть золотыми и валютными фондами словацкого национального банка. Благодаря твердости и находчивости служащих банка были сохранены большие ценности.

Определенный интерес представляет рассказ о корыстолюбии Б. Муссолини, его попытках захватить государственную казну Эфиопии, о загадочном исчезновении награбленных им драгоценностей.

Нельзя не обратить внимания на строки, посвященные описанию разграбления государственной казны Венгрии в последние дни мировой войны. По дороге из Будапешта ее растащили сопровождавшие ценный груз эсэсовцы и салашисты. При этом, было совершено и похищение такого бесценного исторического памятника венгерского народа, каким является так называемая корона Св. Стефана. В книге разоблачаются политические спекуляции, связанные с короной, в том числе — планы кардинала Миндсенти по созданию федерации католических государств центральной Европы.

Большое внимание Варош уделяет описанию судьбы одного из крупнейших кладов мира — коллекции, хранящейся в пражском Национальном музее, состоящей из 3 тыс. золотых монет, украшений и других драгоценностей, найденных в г. Кошице в августе 1935 г. Автор подробно описывает попытки захвата этого

ценнейшегоклада гитлеровцами и драматическую историю его сохранения служащими музея.

Меньше интереса представляет история похищения так называемогоклада Ракоци. Автор подробно цитирует венгерские газеты того времени, в которых сообщалось об исчезновенииклада и его поисках. Похищенные драгоценности так до сего времени и не удалось отыскать.

В заключительной главе книги подробно описана судьба чешских королевских регалий. Интересно, что еще в июне 1937 г. в канцелярии президента Чехословакии возник план укрытия королевских регалий, представляющих огромную материальную и художественную ценность. В сентябре 1938 г., когда стране стала угрожать немецкая оккупация, регалии были укрыты в Словакии. В годы оккупации гитлеровцы предпринимали настойчивые попытки захватить эти сокровища чешского народа. И в этом им помогли коллаборационисты. Сотрудничавший с оккупантами «государственный президент» Гаха выдал им ключи от хранилища, и регалии попали в руки гитлеровского наместника К. Г. Франка. По неизвестным причинам Франку во время его бегства на запад в американскую зону оккупации не удалось вывезти сокровища из Праги. После войны они были снова возвращены чехословацкому народу.

Книга иллюстрирована документальными фотографиями.

А. И. Недорезов

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ

(Документы Луижского отделения)

В 1967 г. луижский филолог, историк и писатель Фридо Метшк¹ издал третий том «Каталога Луижского архива культуры»². В нем систематизируются архивные документы так называемого Луиж

¹ См., например, его недавнее исследование по истории луижских поселений: F. M e t š k. Der kurmärkisch-wendische Distrikt. Bautzen, VEB Domowina-Verlag, 1965 («Spisy Instituta za serbski ludospyt», 24). В прошлом году вышел в свет сборник его избранной лирики и прозы (с краткой биографией автора на обложке). См.: F. M e t š k. Bjerduški. Wubrana lyrika a prosa. Budyšin, Ludowe nakładnistwo Domowina, 1967.

² F. M e t š k. Bestandsverzeichnis des Sorbischen Kulturarchivs. Teil III: Das Depositum Wendenabteilung. Bautzen, VEB Domowina-Verlag, 1967, 172 S. + 32 S. («Spisy Instituta za serbski ludospyt», 35).

В первом томе этого издания (нашу заметку о нем см. «Советское славяноведение», 1965, № 4) были рассмотрены ос-

кого отделения (Wendenabteilung), учрежденного в 1923 г. в городе Будышине (Бауцене) при Будышинском областном управлении (Kreisshauptmannschaft) для надзора за луижским национальным движением и жизнью других национальных меньшинств Германии. Деятельность этого учреждения была негласной, хорошо замаскированной (в адресной книге города Будышина оно числилось как информационное бюро).

Луижское отделение в течение всего периода своего существования (1923—1945) проводило германизацию луижского населения. Оно всячески препятствовало стремлениям луижского народа к национальному самоутверждению, к сохранению своей самобытной культуры и языка, считая их опасными для герман-

татки архива «Матицы Сербской», а второй том будет посвящен каталогизации наследия, принадлежавшего членам этого общества (см. предисловие к третьему тому, стр. 9, примечание 2).

ского рейха. Влияние же немецкой культуры и немецкого образа жизни на лужичан, напротив, старательно им поддерживалось и поощрялось. Лужицкое отделение внимательно следило за лужицкими организациями и институтами, за активными деятелями лужицкой культуры и лужицкого национального движения, за иностранцами, пребывающими на лужицкой земле или поддерживающими какие-либо контакты с лужичанами, за материалами внутренней и зарубежной прессы, касающимися лужицкого вопроса, за научными исследованиями по сорабистике и т. д. В общем, функции его, как свидетельствует публикация Ф. Метшка, были весьма многообразными. При выполнении их Лужицкое отделение поддерживало активные связи с центральными правительственными учреждениями рейха, с региональными правительствами Пруссии и Саксонии, с партийными фашистскими организациями, с органами СС, с тайной полицией и др. Германизаторская политика по отношению к лужицким сербам, проводимая еще в кайзеровской Германии и в период Веймарской республики, особенно активной и жесткой была после прихода гитлеровцев к власти. Именно в это время были ликвидированы лужицкая пресса и все лужицкие организации: «Домовина», «Матица Сербская», хоровые коллективы, спортивные общества, религиозные объединения и др.; именно в это время жестоко преследовались и даже изгонялись с родной земли лучшие представители лужицкой интеллигенции; именно в это время по инициативе органов СС разрабатывались планы выселения всех лужицких сербов в горнозаводские районы Лотарингии (осуществлению их помешало лишь поражение в войне с Советским Союзом).

Архив Лужицкого отделения полностью не сохранился. Многие его документы (количество их, по мнению Ф. Метшка, точно определить невозможно, в особенности те, которые компрометировали руководство Отделения, были уничтожены перед освобождением Будышина советскими и польскими войсками. Еще в июне 1945 г. остатки этого архива были переданы советской комендатурой в Будышине лужицкой национальной организации «Домовина». Но лишь в 1957 г., поступив на хранение в Архив культуры Института лужицкого народоведения, они подверглись первой обработке и временной инвентаризации. За последние годы (главным образом 1964—1966) в соответствии с постановлением правительства Германской Демократической Республики от 28 мая 1964 г. об учете архивных документов 1933—1945 гг. материалы Лужицкого отделения были окончательно систематизированы. В аннотируемой книге Ф. Метшка публикуются итоги этой работы.

Третий том каталога Ф. Метшка построен в основном по тому же принципу, что и первый том. Он состоит из предисловия (стр. 9—10), введения (стр. 11—26), общей инвентарной таблицы и 18 глав основной части (стр. 27—62), специального инвентаря копий (стр. 63—116), сводной таблицы шифров (стр. 113—128) и приложения (стр. 129—172 плюс 32 стр. без пагинации).

Во введении автор рассказывает об истории создания Лужицкого отделения, о его организационной структуре и функциях, о судьбе архива этого учреждения.

В общей инвентарной таблице приводится схема систематизации документов с указанием хронологических и статистических сведений о них. В последующих 18 главах дается краткая характеристика архива и его инвентаризация. Весь фонд архива распределен по 5 разделам. Первый раздел (главы 1—6) включает документы, свидетельствующие о политике немецкого рейха по отношению к лужицким сербам: протоколы совещаний, различные инструкции и распоряжения, отчеты и материалы к ним, официальные письма, финансовую документацию, переводы с лужицкого языка, материалы о жизни и работе лужицких школ, сообщения прессы о лужицких сербах, «исследования» немецких ученых, стремившихся «доказать» происхождение немецкой культуры над славянской, в частности лужицкой, и т. д.

Во втором разделе (главы 7—11) систематизируются материалы о деятельности Лужицкого отделения по осуществлению контроля за лужицким национальным движением и жизнью других национальных меньшинств Германии: чехов, поляков и других. (Во время войны Лужицкое отделение осуществляло также надзор за военнопленными и иностранными рабочими, особенно из славянских стран, размещенными на лужицкой территории.)

Третий раздел (главы 12—15) содержит материалы о зарубежных связях лужицких сербов (в первую очередь с Чехословакией) и контроле за этими связями со стороны Лужицкого отделения.

В четвертом разделе (глава 16) собраны копии документов (самого различного содержания), не сохранившихся в подлинниках. К ним составлен специальный инвентарь (стр. 63—112), в котором указывается характер, шифр и дата каждого документа.

Наконец, пятый раздел (главы 17—18) включает документы, не являющиеся результатом деятельности Лужицкого отделения, но попавшие по той или иной причине в его архив. В целом, архивный фонд, описанный в книге Ф. Метшка, состоит из 66 томов, содержащих 354 архивных единицы.

В справочной таблице шифров (стр. 113—128) приводятся параллельно

шифр документа, данный ему еще в Лужицком отделении, временный инвентарный номер Лужицкого архива культуры при Институте лужицкого народоведения и окончательный шифр, действующий с 1965 г.

Обширное приложение включает несколько указателей к книге — именной (стр. 131—137), географический (стр. 138—141) и указатель учреждений, организаций, обществ и т. д. (стр. 142—156); тексты важнейших документов архива,

библиографию и перечень фотографий, помещенных в конце книги (стр. 157—172); фотографии сотрудников Лужицкого отделения и некоторых архивных документов (последние 32 стр. без пагинации).

Как справочное пособие книга Ф. Метшка может оказать серьезную помощь специалистам по сорабистике, славистике и истории Германии.

Л. М. Васильев

ЗАМЕТКИ О СФРАГИСТИКЕ ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА

(По поводу статьи О. Максимайтене)

Сфрагистический материал периода восстания 1863 года — почти совершенно не исследованная область, и поэтому появление работ, посвященных этому вопросу, можно только приветствовать. О. Максимайтене взяла на себя труд сделать сводку печатей, употребившихся повстанческими органами на территории Литвы и Августовского воеводства¹. При этом она учитывает и некоторые печати центральных (варшавских) институций, оттиски которых встречаются на документах, распространявшихся в Литве.

Работе предпослана небольшая вводная часть, в которой даются краткие сведения о возникновении печатей руководящего органа повстанцев — Центрального национального комитета (затем Национального правительства), их употреблении и изменениях. Основная часть работы представляет собой свод печатей, найденных автором в архивах и музеях Вильнюса и отчасти в рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Описания печатей сопровождаются прописями. Всего О. Максимайтене публикует свыше 30 печатей организаций Литвы и Августовского воеводства. При этом она высказывает весьма интересное предположение, что печати родственных организаций (например, начальников повятов или командиров повстанческих отрядов) должны быть идентичными. Ее предположение можно подтвердить. Неизвестная О. Максимайтене печать отряда Б. Кольшко «Полк над Дубиссой»² действительно идентична печатям Т. Кушлейко и П. Богдановича (рис. 1, 30 и 1, 31 в статье Максимайтене). Однако добавим, что это имеет место только в тех случаях, когда соответственные повстанческие органы создавались

одновременно, из чего следует, что и печати для них, очевидно, изготовлялись централизованным порядком.

На основании изучения публикуемых печатей автор, подтверждая известное в литературе положение, что в условиях конспирации печать была единственным средством подтверждения аутентичности документа, делает следующие выводы:

1. Поскольку самих печатей в музеях сохранилось немного (это утверждение не совсем соответствует действительности — автору настоящих строк известно около сотни сохранившихся в музеях Советского Союза и Польши подлинных печатей восстания 1863 года), основным источником для их изучения являются оттиски на архивных документах.

2. Имеющиеся печати и их оттиски дают полное представление о том, какие печати употреблялись на документах литовской повстанческой организации.

3. Печати не только отражают изменения в организации, но и показывают ее распространение на периферии.

4. Изучение печатей помогает уточнить терминологию и субординацию повстанческих органов.

Нам бы хотелось к этому добавить, что изучение изображений на печатях позволяет сделать некоторые выводы и о политических устремлениях тех организаций, которые они представляют. На печатях «красных» организаций изображалось рукопожатие (о чем вскользь упоминает О. Максимайтене). В Галиции, где были очень сильны «белые» элементы, на печатях польский орел почти всегда изображался коронованным, в отличие от более демократического изображения орла на печатях в Царстве Польском и Литве³.

¹ O. Maksimaityene. 1863—1864 m. Sukilimo Lietuvoje organizacijos antspaudai. — Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. Serija A, 3 (22), 1966, стр. 121—132.

² ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 136, л. 92.

³ Вопрос об отражении идеологии в символике повстанческих печатей уже рассматривался нами: «Из истории восстания 1863 года» — «Советское славяноведение», 1966, № 5, стр. 60—68; «Об эмблематике восстания 1863 года». В сб. «Связи революционеров России

Рис. 1. Оттиск печати
Б. Длуцкого (Яблоновского)

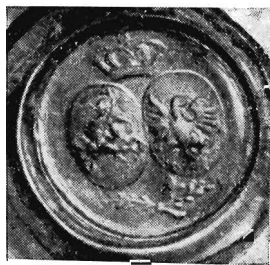

Рис. 2. Слепок печати, хранящейся в каунасском Историческом музее

О. Максимайтене не ставила перед собой задачи дать хронологические рамки употребления печатей и ограничилась указанием датировки только тех документов, на которых ею были встречены соответствующие оттиски. Тем не менее можно отметить, что введение декретом от 12 мая 1863 г. тройного герба на печатях повстанческих органов позволяет утверждать, что все организации, на печатях которых имеется изображение только двойного герба, были образованы до момента издания данного декрета Национального правительства.

Нельзя согласиться с утверждением О. Максимайтене, что введение печати «Национальной типографии» для заверения типографских копий распоряжений Национального правительства было вызвано только соображениями удобства. Действительно, такая формулировка была дана в соответствующем декрете от 27 июня 1863 г., но это было, так сказать, объяснением для широкой публики. Истинную причину введения печати «Национальной типографии» можно понять, если учесть, что это произошло сразу же после ликвидации так называемого «зеленосвяточного» переворота в Национальном правительстве (24 мая 1863 г.), который оказался возможным благодаря тому, что в руки заговорщиков попала печать Национального правительства. Введение же нового порядка скрепления документов позволяло, с одной стороны, еще более ограничить круг лиц, имевших доступ к печати Национального правительства, а с другой, в случае повторения попытки переворота ставил перед заговорщиками задачу захватить уже две печати, хранившиеся в разных местах.

В работе Максимайтене встречаются еще некоторые неточности. Так, например, упоминаемая ею печать Национального правительства (стр. 122), сделанная перед самым началом восстания в январе 1863 г., была употреблена не один раз — для скрепления номинации Ме-

рославского (как повторяет автор за О. Авейде), а еще в трех случаях в период с 25 января по 13 февраля 1863 г., о чем сообщает в своих воспоминаниях автор проекта печати, секретарь Национального правительства Ю. Яновский⁴. Другая неточность, является, по-видимому, просто опiskeй — Г. Штейнман приехал в Вильно не в начале 1863 г., как сказано в статье, а в первых числах июля того же года. Упомятая об альбоме с оттисками печатей (ныне, к сожалению, исчезнувшем), который видел в свое время в ГПБ Н. В. Берг, автор высказывает предположение, что этот альбом мог быть составлен В. Ф. Ратчем. Здесь надо заметить, что бумаги В. Ф. Ратча поступили в ГПБ впервые в 1870 г., а упомянутый альбом был в библиотеке уже в начале 1865 г.⁵ Тем не менее не исключена возможность, что и В. Ф. Ратч составлял какое-то собрание оттисков повстанческих печатей, о чем может свидетельствовать то, что в ряде случаев, наблюдавшихся автором этих строк в ЦГИА ЛитССР, на документах, которые были в руках у Ратча (он имел привычку записывать на полях свои замечания), оттиск печати вырезан.

Большой недостаток статьи, в котором повинен не столько автор, сколько художник, делавший прориси, — плохое качество рисунков, в некоторых случаях не соответствующих в деталях оригиналу. Так, например, на рис. 1, 1, 2, 6, 21, 22, 28 отсутствует имеющийся на подлинных печатях мальтийский крест, разделяющий начало и конец надписи. Такое невнимание к деталям вводит в заблуждение читателя, который может подумать, что перед ним неизвестная ему печать. На рис. 1, 2 перевернута надпись, а на рис. 1, 35 текст дан неправильно. На прориси печати Национального правительства (рис. 1, 6) изображение герба

⁴ J. K. Janowski. Pamiętniki o powstaniu styczniowym, t. I. Lwów, 1923, s. 107, 135.

⁵ Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1865, д. 30, л. 70 об.

не соответствует действительному, что вызывает мысль о его сходстве с гербом на печати, изображенной на рис. 1, 18. Последняя же печать (которую автор без достаточно убедительных оснований считает печатью комиссара Национального правительства для Литвы) характерна именно тем, что имеющиеся на ней изображения орла и короны не повторяются более ни на одной печати восстания 1863 г. Из-за плохого качества прориски исчезли характерные черты рисунка печати типографии Августовского воеводства (рис. 1, 39), которые, на наш взгляд, позволяло считать, что ее резал познакомый резчик Ф. Беллов. Кроме того, ссылка автора на шифр ЦГИА ЛитССР, ф. 439, оп. 1, д. 1761 (сноска 29 на стр. 128) не может быть проверена, так как в архиве такого дела нет.

К сожалению, О. Максимайтене ограничила себя материалами только Вильнюса (и отчасти Ленинграда) и поэтому не включила в публикацию интересную печать, хранящуюся в Историческом музее в Каунасе, которую считают там повстанческой печатью 1863 г. Точное происхождение и атрибуция этой печати неизвестны, но она имеет очень много общего с печатью Б. Длуского (Яблоновского), которая опубликована в статье Максимайтене (рис. 1, 13). Непонятны также соображения, по которым автор не включила в свой обзор печати повстанческих организаций Минского, Витебского и Могилевского воеводств, во время восстания подчинявшихся Виленскому комитету.

Ю. Штакельберг

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ЗАКАРПАТСКИХ ГОВОРОВ

В последнее время в нашей стране и за рубежом усилился интерес к исторической диалектологии украинского языка. Свидетельством этому может служить, например, недавно опубликованная книга И. А. Варченко об истории фонетических явлений в лубенских говорах¹. В зарубежном языкознании особое внимание привлекают закарпатские говоры. В 1958 г. в серии трудов Карлова университета в Праге «*Acta Universitatis Carolinae. Philologica, I*» была посмертно издана книга известного исследователя украинских закарпатских говоров И. Панькевича «Очерк истории украинских закарпатских говоров, ч. I. Фонетика»², в которой дается систематический обзор развития фонетических явлений исследуемых говоров.

В 1967 г. в издательстве Венгерской академии наук в Будапеште вышла книга венгерского слависта Ласло Дэже «Очерки по истории закарпатских говоров»³. Л. Дэже уже давно интересуется историей восточных закарпатских говоров⁴. Рецензируемая книга Л. Дэже яв-

ляется итогом его разысканий в области истории украинских закарпатских говоров⁵. Она состоит из краткого предисловия и двух частей — «Об истории закарпатских говоров» (стр. 9—122) и «Язык Няговских поучений» (стр. 123—242) с рядом приложений (стр. 243—304), включающих также 5 карт, на которых фиксируется время основания населенных пунктов (XIII—XVIII вв.) в комитатах с украинским населением.

барьяльных записей, составленных в комитатах Мараморош, Угоча и Берег, — очень важных памятников конца XVIII в., в которых довольно точно отражается живая народная речь закарпатских украинцев. Л. Дэже опубликовал также «Материалы к словарю закарпатской украинской литературы XVI—XVII вв.», Будапешт, 1965 — очень ценный источник для изучения исторической лексикологии украинского языка, представляющий собой полный словарь к «Няговским поучениям на евангелие». К сожалению, этим словарем довольно трудно пользоваться в связи со спецификой издания (микрокарты на пленках, вмещающих по 30 стр. текста каждая). Перу Л. Дэже принадлежит серия статей о языке различных памятников письменности Закарпаття XVI—XVIII вв. (урбарьяльных записей, сочинений известного писателя-полемиста Михаила Андреллы Оросыевского, Няговской пастиллы и др.), опубликованных преимущественно в венгерском славистическом журнале «*Studia Slavica*» и в трудах Будапештского университета.

⁵ В 1956 г. Л. Дэже защитил кандидатскую диссертацию «История мараморошских украинских говоров XVI—XVIII вв.», которая в переработанном виде также входит в состав книги.

¹ И. А. Варченко. Лубенські говірки і діалекта суміжність (Фонетичні риси протягом трьох століть). Київ, 1963.

² И. Панькевич. Нарис історії українських закарпатських говорів, ч. I. Фонетика. Прага, 1958.

³ Ласло Дэже. Очерки по истории закарпатских говоров. Budapest, «Akadémiai kiadó», 1967. 306 стр. + 5 карт.

⁴ См. например, его монографию «Памятники деловой письменности Закарпаття (урбарьяльные записи): L. D e z s ő. A Kárpátaljai hivatalos írásbeliség emlékei. (Urbéri feljegyzések). Budapest, 1965. Эта монография — научно комментированное издание так называемых ур-

Первая часть книги начинается кратким обзором исследований по исторической диалектологии закарпатских говоров (стр. 9—16), в котором, среди других, особенно отмечены работы И. Верратского, О. Броха, И. Пацькевича, издания памятников письменности А. Петрова, И. Франко, Г. Стрипского, А. Бонкало, Ю. Яворского, исследования по истории языка Ф. Тихого, Г. Геровского и др., а также работы современных исследователей говоров и письменности Закарпатья. Из старых, заслуживающих внимания работ, пропущена только статья А. Семеновича «Об особенностях угрорусского говора» («Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского», СПб., 1883).

В главе «О современных закарпатских говорах» (стр. 16—21) на основании уточненной классификации И. Пацькевича дается общая характеристика современного состояния и важнейших фонетических и частично морфологических особенностей закарпатских, а также соседних украинских говоров.

В основном разделе «Заметки об истории закарпатских украинских говоров» (стр. 21—117) дан сжатый исторический очерк формирования украинских закарпатских говоров, особенно их фонетической системы, с середины XV до конца XVIII в.

Данные памятников письменности, изученные автором, дают ему возможность более подробно изложить историю говоров со второй половины XVI до XVIII в. Он, однако, оказался очень внимательным и к предшествующему периоду, начинающемуся в книге собственно с XIII, а не с XIV в. (как значится в названии главы на стр. 23), от которого почти не сохранилось памятников на украинском языке, за исключением разве только мараморощкой грамоты 1404 г. и недоступных автору «последствия» и «дарственной записи» на Королевском евангелии 1401 г., относящихся уже к началу XV в.⁶ Л. Даже дал довольно подробный очерк истории закарпатских говоров и в XIII — первой половине XVI в., широко привлекая для этого данные украинских личных имен и топонимов, зафиксированных в грамотах XIII—XV вв. на латинском языке, и др. В этой связи вообще нужно отметить, что в рецензируемой книге впервые так широко и с опутительной пользой для изучения истории закарпатских говоров привлекаются украинские антропониимы и топонимы, зафиксированные в древних латинских и венгерских памятниках.

⁶ См. публикацию их: В. Л. Микитась, П. П. Чучка. Дві закарпатські оригінальні пам'ятки початку XV ст.— «Мовознавство», 1968, № 1.

В книге содержится очерк истории заселения Закарпатья (стр. 23—41), составленный на основании данных работ венгерских исследователей В. Белая, И. Сабо, Ф. Макшаи, Д. Чанки, Т. Легоцкого и др. Опираясь на первые фиксации топонимов в различных грамотах, автор скрупулезно прослеживает размещение населенных пунктов с украинским и смешанным населением. Особое внимание при этом он уделяет индентификации топонимов. Он правильно отмечает, что в течение XIV—XV вв. идет активный процесс дозаселения территории с древним закарпатским украинским населением, направленный преимущественно из Галиции, частично из Буковины и Молдавии вместе с «валахами» (?), а также из других украинских земель. К сожалению, автор ничего не говорит о судьбах восточного славянского на южных склонах Карпат в более отдаленное время, до XIII в. Известно, что по этому вопросу в литературе имеются довольно противоречивые суждения.

В главе «Фонетические явления» (стр. 41—64), посвященной истории гласных *e, ъ, ъ, o, e, i, y* и согласных, находим много свежих данных, скрупулезно собранных из различных источников, и ряд интересных сообщений автора по поводу истории отдельных фонетических явлений в исследуемых говорах. Анализируя некоторые особенности говоров в XIII—XV вв., автор принимает во внимание также современную топонимию и венгерские заимствования в украинских памятниках XVI—XVIII вв.

С некоторыми положениями автора не всегда можно согласиться, несмотря на подчас остроумные авторские построения. Так, вряд ли имеются основания считать, что в Варадинском регестре первой четверти XIII в., дошедшем в издании 1550 г., отражаются редуцированные (стр. 44), сохранившиеся в отдельных словах внутри и в конце слов (стр. 47, 51). Наоборот, данные этого регистра, приводимые и автором, свидетельствуют о том, что к началу XIII в. в фонетике восточнославянских говоров всего юга древней Руси, включая и Закарпатье, произошли уже глубокие изменения, имевшие своим началом падение редуцированных. Таково, например, удлинение этимологического *o* в словах *chedur* (<*chedorъ < Fedorъ), *Jekur* = *Jekuv* (< Jakov) и др., несмотря уже на многочисленные замены редуцированных *ъ, ь* соответственно на *o, e* и потерю слабых редуцированных (см. примеры на стр. 45—47). Среди примеров на стр. 45 особый интерес вызывает антропоним *Voutun* = *Vođtun* (<*bьltunъ), который оказался не совсем ясным автору, сомневающемуся в том, что к началу XIII в. могло уже быть *u* на месте *l* в древних звукосочетаниях *tblt, tьlt*. Но сомнения автора здесь не обоснованы. Нужно иметь в виду, что *u* (*v*)

на месте древнего *l* в данной позиции в украинском и белорусском появляется довольно рано, еще до падения редуцированных в говорах Южной и Западной Руси, несмотря на довольно позднюю фиксацию его в памятниках (XV в.). Это подтверждается, между прочим, отсутствием перехода $l > \mu$ в случаях, когда *l* стояло перед редуцированным (ср. *голка* < *игьлька*, *горілка* < *горьлька*, *сопілка* < *соплька* и др.). Подобная интерпретация этого явления уже давно известна⁷, и она, по нашему глубокому убеждению, наиболее правдоподобна, так как предполагает системный подход к изучению фонетических явлений. И. Даже в данном случае удалось отыскать одну из древнейших фиксаций этого явления. Нельзя согласиться и с отнесением на довольно позднее время перехода $g > h$ в закарпатских говорах (стр. 61—62). Данные, приводимые автором (*Galicie* — грамота 1254 г., *Mylgozt*, *mogula* — грамота 1266 г. и др. при *Halicie* — грамота 1229 г., *Hilinia* — грамота 1270 г. и др.), свидетельствуют только о том, что венгерские писцы, как удачно отметил И. Панькевич, долго придерживались традиции написания *g* вместо *h* не только на территории словацких областей (на это указывал Я. Сташислав), но и на территориях, заселенных украинцами⁸.

В главе «Образование говоров» (стр. 64—67) автор делает вывод, что к середине XVI в. на территории Закарпатья образовались две диалектные области: на запад и на восток от р. Латорицы (стр. 66).

По такому же плану построено описание закарпатских говоров с середины XVI до конца XVIII в.: очерк истории заселения Закарпатья (стр. 67—94), тщательно составленный на основании более богатых и надежных источников; характеристика фонетических явлений: $i (< \epsilon)$; $y (< i)$; $ы$; $и$, $й$, $i (< o, e)$; $o (< e)$ и др. (стр. 94—112); выводы об образовании говоров (стр. 112—117). Автор собрал и обобщил большой материал, извлеченный преимущественно из памятников украинской письменности Закарпатья. Этот материал дал ему возможность нарисовать более или менее полную картину развития и образования закарпатских украинских говоров, которое интенсивно проходило как раз в данный период, и установить их группировку, которая в середине XVIII в., можно полагать, сложилась в том виде, в каком она предстает и в настоящее время. Основное внимание автора тут направлено на восточнозакарпатские говоры, осо-

бенно на южноараморошские, но он тщательно описывает и данные других говоров, в частности говоров довольно поздней формации — верховинских и гуцульских. Здесь также много интересных наблюдений и обобщений, подкрепленных в большинстве случаев обильным фактическим материалом, хотя не со всеми положениями этой части исследования можно согласиться. Так, довольно сомнительным является утверждение автора, что ему удалось обнаружить дифтонги, передаваемые через *uo* в некоторых текстах XVII—XVIII вв., писанных латиницей (стр. 106 и след.), и в виде единичного написания *yi* в одном тексте XVIII в., написанном кириллицей (стр. 7). Эти написания скорее всего следует принять за описки, хотя вполне допустимо, что писцы в этих случаях передали через *uo* суженное *o* (\acute{o}), а через *yi* — лабиализованное *i* (\acute{i}). В самом деле, трудно согласиться с тем, что, во-первых, в закарпатских говорах так долго, до XVIII в. включительно, могли сохраняться дифтонги, которые не оставили никаких следов ни в языке XIX в., ни в современных говорах, и что, во-вторых, закарпатские писцы так долго искали графические средства для их передачи. Следует к тому же иметь в виду, что само существование дифтонгов когда-либо в закарпатских говорах, как и в ряде других юго-западных украинских говоров вообще подвергается сомнению некоторыми учеными⁹. Считаю также, что некоторые анализируемые здесь явления лучше было бы рассмотреть в соответствующем месте предыдущего раздела, так как их развитие, например $i (< \epsilon)$, $y (< i)$, завершилось к XVI в.

В заключительной главе первой части книги характеризуется место восточнокарпатских памятников в письменности Закарпатья XVI—XVII вв. (стр. 117—122). Эта глава как бы связывает первую часть книги со второй, посвященной описанию языка «Няговских поучений на евангелие» (стр. 123—242) — одного из замечательных памятников древней закарпатоукраинской письменности, в котором живая народная речь бьет ключом.

«Няговские поучения на евангелие» давно уже привлекали внимание исследователей, но только в рецензируемой книге дано всестороннее исследование языковых явлений этого, очень важного памятника истории украинского языка.

Возникновение памятника датируется второй половиной XVI в., но дошел он до нас в копии 1758 г., к счастью, как оказалось в результате тщательных исследований, очень близкой к оригиналу.

⁷ См., например, П. Бузуку. Нарис історії української мови. Київ, 1927, стр. 34—35.

⁸ И. Панькевич. Указ. соч., стр. 38.

⁹ См., например: T. L e h r - S p l a - w i ń s k i. Studia i szkice wybrane z językoznawstwa słowiańskiego. Warszawa, 1957, s. 356.

Памятник по этой копии великолепно издан А. Петровым¹⁰, хотя имеется и более ранний список XVII в. из другой диалектной области, известный под названием Тековское евангелие.

В связи с тем, что фонетические явления памятника описаны В. Ягичем в рецензии на издание памятника¹¹, автор очень кратко останавливается на фонетических явлениях (стр. 125—128), но зато обстоятельно исследует морфологические (стр. 128—159) и синтаксические (стр. 159—221) явления, применяя при этом и статистические приемы (ср. главы «Морфологические тенденции» — стр. 137—143; «О квантитативной характеристике синтаксиса» — стр. 213—221). Не вдаваясь в подробности рассмотрения этой части книги, подчеркнем очень важное значение ее для науки об истории украинского языка. Благодаря ей вводится в научный оборот богатый, свежий, критически обработанный, внимательно исследованный автором фактический материал по исторической морфологии и особенно по историческому синтаксису. Недостаток в таком материале особенно остро ощущают историки украинского языка. Заслуживает особого внимания и тот факт, что именно тщательное изу-

чение языковых, в частности морфологических, явлений памятника позволило автору окончательно решить очень важную задачу датировки возникновения его оригинала. Путем сопоставления морфологического строя «Няговских поучений» с морфологическим строем других памятников мараморошского происхождения XVII в., особенно с Углинским «Ключом», автору удалось неопровержимо доказать, что «Няговские поучения» были написаны приблизительно во второй половине XVI в. (стр. 158—159) — раньше любого памятника XVII в.

В заключение необходимо отметить, что книга Ласло Дэже «Очерки по истории закарпатских говоров» — очень ценное исследование по истории украинского языка, которое значительно восполняет имеющиеся пробелы в наших представлениях о его состоянии на Закарпатской Украине в период с XIII по XVIII в. Вместе с тем «Очерки» безусловно представляют интерес и для славистов более широкого профиля, так как в них рассматриваются и вопросы межславянских языковых связей и связей славянских языков с неславянскими, в частности словацко-украинских, румынско-славянских, венгерско-славянских. Поэтому хочется пожелать этой книге как можно большего круга внимательных читателей.

¹⁰ См. его «Материалы для истории Угорской Руси», VII, СПб., 1914.

¹¹ См. «Archiv für slavische Philologie», Bd. 36, N. 3—4, 1916.

С. Ф. Бевзенко

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1968 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Бернов Ю., Гаврилов В., Яковлев А. У болгарских друзей. (Пребывание в Болгарии сов. парт. делегации под руководством П. Н. Демичева). Парт. жизнь, 1968, № 5.

В ЦК КПСС. Об итогах переговоров Политбюро ЦК КПСС и Президиума КПЧ в гор. Чиерне-над-Тиссой и Братиславского совещ. представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. «Правда», 1968, 7 августа; «Коммунист», 1968, № 11.

В л а д и м и р о в В. Социалистиче-

ские страны и политическая стратегия империализма. Мировая экономика и междунар. отнош., 1968, № 8.

Г о м у л к а В. Во имя мира и социализма. Выступление В. Гомулки. «Правда», 1968, 9 сентября.

Европейская безопасность и отношения государств двух систем. (Материалы Международной научной конференции в Москве). Междунар. жизнь, 1968, № 7; Мировая экономика и междунар. отнош., 1968, № 7, № 8.

Заявление коммунистических и рабочих партий социалистических стран (принятое на Совещании в Братиславе 3 августа 1968 г.). «Правда», 1968, 4 августа; «Коммунист», 1968, № 12.

Заявление ТАСС (об оказании чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами). «Правда», 1968, 21 августа.

Заявление чехословацкого правительства. (О современном положении ЧССР). «Правда», 1968, 15 сентября.

Коммюнике о советско-чехословацких переговорах. (Москва, 23—26 августа 1968 г.). «Правда», 1968, 28 августа.

К о н с т а н т и н о в Ф. Империализм и мировая социалистическая система. Междунар. жизнь, 1968, № 7.

Об итогах переговоров Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ в гор. Чьерне-над-Тиссой и Братиславского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. «Коммунист», 1968, № 12.

Обращение к гражданам Чехословацкой Социалистической Республики (Советов Министров НРБ, ВНР, ГДР, ПНР и СССР). «Правда», 1968, 24 августа.

Совместное коммюнике о встрече Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ. (Чьерна-над-Тиссой, 29 июля — 1 августа 1968 г.). «Правда», 1968, 2 августа.

Т р о ф и м о в а И. Венгрия и Чехословакия: новый договор (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. *Будапешт, июнь 1968 г.*). «Новое время», № 26.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А с т а х и н Л. Современные проблемы экономического сотрудничества социалистических стран. (Научная конференция на эконом. фак-те МГУ). Научн. докл. высш. школы, Экон. науки, 1968, № 6.

А ф о н и н Н. С., К о в а л к и н А. С., С а м к о в М. А. К проблеме совместной работы объединения энергетических систем европейских стран. «Электрические станции», 1968, № 8.

Б а з а р о в а Г., Б у т а к о в Д. Об изменениях в финансовом планировании и экономическом стимулировании в промышленности ПНР. «Финансы СССР», 1968, № 7.

Б е к л е ш о в Д. Производство, торговля, реклама. (Рекламное дело, как отрасль хозяйства в соц. странах Европы). Экон. газета, 1968, № 34.

Б о р т н и к о в В. Б., К а р а в а е в В. П., П а н о в О. А. Исследование и сравнение фактической эффективности капитальных вложений в строительстве Народной Республики Болгарии и Молдавской ССР. Изв. АН Молд. ССР. Сер. обществ. наук, 1968, № 2.

Б у т а к о в Д. Хозяйственный расчет производственных объединений в промышленности стран — членов СЭВ. *Вопр. экономики*, 1968, № 7.

Деятельность МБЭС (Международный банк экономического сотрудничества) в 1967 году. Экон. газета, 1968, № 29.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 3.

Д у д о л а д о в Б. К торговым отношениям Югославии со странами ЕЭС. Бюл. иностр. коммерч. информ., 1968, № 78—79.

Е н д р и х о в с к и й С. Годы славных свершений. (Достижения Народной Польши за последние 20 лет в области экономики). Экон. газета, 1968, № 30.

К о б р Я. Правовое положение предприятия в условиях новой системы управления в Чехословакии. Экон. реформы в соц. странах Европы, 1968, № 4.

Коммюнике о тридцати пятом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи. (16—18 июля 1968 г. в Москве). Экон. газета, 1968, № 30.

Коммюнике (об экономических переговорах между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Председателем правительства ЧССР О. Черником. Москва, 10 сентября 1968 г.). «Правда», 1968, 11 сентября.

К у в ш и н о в И., К а р п е н к о И. Новое в сельском хозяйстве социалистических стран. Экономика сельского хозяйства, 1968, № 7.

М и х е е в В. Плодотворное сотрудничество. Цифры и факты об эконом. и технич. содействии СССР зарубежным странам в 1967 г. «Внешняя торговля», 1968, № 7.

Обмен опытом, обсуждение проблем. (23-е заседание Постоянной комиссии СЭВ по строительству. Улан-Батор, июль 1968 г.). Экон. газета, 1968, № 32.

П е т р о в Д., Ф и л и п п о в Д. Прибыль не самоцель. (Переход к новой системе руководства народным хозяйством в НРБ). Экон. газета, 1968, № 31.

П е т р у ш е в А. При содействии СССР. (Эконом. и технич. сотрудничество Советского Союза с соц. странами в 1968 г.). «Внешняя торговля», 1968, № 8.

Расширение производства цветных металлов в Польше. Цвет. металлы, 1968, № 7.

37-я Познанская (ярмарка, проходившая 9—23 июня 1968 г.). «Внешняя торговля», 1968, № 9.

Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ (в 50—60-е годы). Бюл. экон. информ. (СЭВ), 1968, № 3.

3. Партийная жизнь

Б і л а н І. М. Здійснення лєнінських настанов про необхідність боротьби з опортунізмом. (З досвіду діяльності ПОРП). (50-е годы). Вісн. Львівськ. політехн. ін-ту, 1968, № 24.

Пленум ЦК БКП. (Обсуждение вопросов дальнейшего развития системы управления в Болгарии (София, июль 1968). Экон. газета, 1968, № 31.

Пленум ЦК Компартии Чехословакии. (Прага, 31 августа 1968 г.). «Правда», 1968, 3 сентября.

Гусак Г. Доклад Г. Гусака на пленуме ЦК Компартии Словакии (Братислава, 5 сентября 1968 г.). «Правда», 1968, 7 сентября.

4. Государственное строительство и право

Волин М. Успехи Польши на пути социализма. (Цифры и факты). Междунар. жизнь, 1968, № 7.

Горелов Г. Социалистическая Чехословакия. (Цифры и факты). (К 50-й годовщине государственной самостоятельности). Междунар. жизнь, 1968, № 9.

Завадский С., Кубицкий Л. Народный заседатель в уголовном процессе в Польше. Сов. государство и право, 1968, № 8.

Мачульский Э. И. Взаимоотношения Союзной скупщины с исполнительными органами по Конституции СФРЮ 1963 г. Сов. государство и право, 1968, № 7.

Мутафчиев Р. Исполнение судебных решений в Народной Республике Болгарии. Сов. юстиция, 1968, № 14.

Трофимова И. Тодор Живков о перспективах Болгарии. (На основании доклада Т. Живкова «Основные направления дальнейшего развития системы управления нашим обществом» на пленуме ЦК БКП в Софии в конце июля 1968 г.). «Новое время», 1968, № 32.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бейлис О. С. Довересневі праці Михайла Димитрова про визначних діячів революційного національно-визвольного руху. «Питання нової та новітньої історії», 1968, вип. 6.

Бурмака М. М. Голос національного визволення. (Деятельность чешской радиостанции «За народни освободени», созданной в Советском Союзе во время второй мировой войны). Вісн. Київськ. ун-ту, 1968, № 10.

Выжарова Ж. Н. Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность. Сов. археология, 1968, № 3.

Вознесенский В. Д. США, Англия и выход Болгарии из войны в 1944 году. «Новая и новейшая история», 1968, № 4.

Гольдін Ф. Л. З історії російсько-українсько-болгарських зв'язків. Укр. істор. журн., 1968, № 7.

Грабовецький В. В. Відгук гайдамацького руху на західноукраїнських землях. Укр. істор. журн., 1968, № 6.

Делеган В. В. Комуністичний молодіжний рух на Закарпатті в 1924—1929 рр. Укр. істор. журн., 1968, № 8.

Дзпра Я. І. Сучасна чехословацька історіографія про український народ. Укр. істор. журн., 1968, № 7.

Дрожжин Е. В. Публіцистика Г. Дмитрова у боротьбі за становлення робітничого руху в Болгарії (1903—1910 рр.). Вісн. Київськ. ун-ту. 1968, № 10. Сер. журналістики.

Жеков І. Дмитро Благоєв і радянська Росія. Укр. істор. журн., 1968, № 7.

Зуєва Н. В. 90-літє освободження Болгарии от оттоманского ига. (Научная сессия в Институте славяноведения АН СССР 21—22 февраля 1968 г.). «Новая и новейшая история», 1968, № 4.

Кізченко А. Ф. Відносини між Чехословащиною і Польщею напередодні другої світової війни (1934—1938 рр.). «Питання нової та новітньої історії». 1968, вип. 6.

Киямова К. И. О взглядах П. А. Ровинского на историю славян. Научн. труды (Курский с.-х. ин-т), 1968, т. 4. Обществ. науки, экономика и организация с.-х. произв.

Коваленко А. П., Завгородник Г. Д. Вплив Великої Жовтневої Соціалістичної Революції на революційний рух в Східній Галичині (1918—1920 рр.). Вісн. Львівськ. політехн. ін-ту, 1968, № 24.

Лозинський І. М. Стефан Руднянський — популяризатор діалектичного та історичного матеріалізму. (С. Руднянський — теоретик польської марксистської філософії першої половини ХХ в.). Укр. істор. журн., 1968, № 7.

Маевский К. Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1967 г. Сов. археология, 1968, № 3.

Мигаль Т. По ленинських місцях у Польщі. «Жовтень», 1968, № 6.

Мітев Й. Болгарська національна революція та її відгомін у Європі. (1876 г.) Укр. істор. журн., 1968, № 8.

Осколков Ю. П. Коммунистическая партия Польши в борьбе против антинародной внешней политики правительства (1934—1938 гг.) Уч. зап. (Моск. обл. пед. ин-т), 1968, т. 217, История СССР, вып. 10.

Прядко И. Твой сын, Болгария! (К биографии Стояна Джорова).

Тамбовцев Г. С. З історії боротьби болгарського народу за дружбу з Радянським Союзом (1933—1941 рр.). Вісн. Львівськ. політех. ін-ту, 1968, № 24.

Теодорович І. М. З історії і ідеологічної підготовки німецької агресії проти Польщі в 1919—1939 рр. «Питання нової та новітньої історії», 1968, вип. 6.

Тобіаш Ю. ~~Василь~~ ~~Вейсман~~ — партизанський командир у Польщі. Укр. істор. журн., 1968, № 6.

Ф. Ш. Конференція істориків СРСР і Польщі (Москва, 10—12 лютого 1968 г.). Укр. істор. журн., 1968, № 8.

Ш у м е й к о І. М. Комуністична спільна молоді Західної України та розвиток антифашистського молодіжного руху в 1934—1935 рр. (до VII конгресу Комінтерну). Укр. істор. журн., 1968, № 8.

Ясногородський Я. Н. Вплив ідей Великого Жовтня на економічну платформу КПЗУ. (20—30-е годы). Вісн. Львівськ. політехн. ін-ту, 1968, № 24.

2. Культура и наука

Бернштейн И. Всеобщее и национальное. (Из опыта литературы Чехословакии). Иностранная литература, 1968, № 8.

Британишский В. Человеческая мудрость. (О творчестве Станислава Леца). Вопросы литературы, 1968, № 8.

Вервес Г. Відображення подій коливщини у польській літературі. Рад. літературознавство, 1968, № 7.

Вроцлав 20 лет назад. (О конгрессе деятелей культуры в августе 1948 г.). «Век XX и мир», 1968, № 8.

Гольберг М. Я. Міжслов'янські літературні зв'язки як предмет вивчення. Рад. літературознавство, 1968, № 8.

Грацианская Н. Н. Конференция по изучению культуры и быта населения Карпат. (3-я конференция карпатологов в Смоленицах 11—13 сентября 1967 г.). Сов. этнография, 1968, № 3.

Жегин Н. В Братиславе. (Пьесы Чехова, Горького и Достоевского на фестивале словацких театров в Братиславе в декабре 1967 г.). Театр, 1968, № 6.

Ивашкевич Я. Воспоминания о Вроцлаве. (О Конгрессе деятелей культуры в 1948 г.). «Век XX и мир», 1968, № 8.

Ильин М. Н. О дружественных связях болгарской и чувашской литературной общности. Уч. зап. (Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР). Чебоксары, 1967, вып. 34, филол.

Карская Т. С. Творчество Божены Немцовой в оценке Н. С. Лескова. «Известия АН СССР». Сер. лит-ры и языка, 1968, т. 27, вып. 3.

Кассиль Л. П. Отдавший жизнь детям. (О Я. Корчаке). Детская литература, 1968, № 8.

Котарбинский Т. Проблемы исследования научного творчества. (Текст доклада на польско-советском симпозиуме по комплексному изучению развития науки (Катовице, ноябрь 1967 г.). Вопросы философии, 1968, № 6.

Кравцов Н. И. Сравнительное изучение славянских литератур (в период между V и VI съездами славистов). Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 4.

Лаптева Л. П. Русские рукописи в славянской библиотеке в Праге. «История СССР», 1968, № 4.

Левшина Ю. А. Реализм рассказов Елиц Пелина. Уч. зап. (Тамбовский

гос. пед. ин-т), 1968, вып. 24. Некоторые вопр. филол.

Литвин Е. Замечательная современница. (О Густине Фуциковой). «Волга», 1968, № 6.

Марксистская социология и конкретные социологические исследования в Болгарии. (Обзор болгарских материалов). Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 4.

Мартинович Н. С. Передовые писатели Черногории и Советская Россия. (20—30-е годы). Русская литература, 1968, № 2.

Мартинович Н. С. Черногорский писатель Василий Петрович-Негош и его значение в истории литературы. «Известия АН СССР». Сер. лит-ры и языка, 1968, т. 27, вып. 3.

Матгаузер З. Научная конференция (на тему «Максим Горький и современность». Прага, март 1968 г.). Вопросы литературы, 1968, № 8.

Несколько месяцев спустя. (Выступление Ежи Путранента в газете «Жице Варшавы»). Иностранная литература, 1968, № 8.

Опульский А. Современный болгарин о литературе и искусстве. (Исследования секции эстетики). Иностранная литература, 1968, № 8.

Полек В. Польский голоси про І. П. Котляревського. «Всесвіт», 1968, № 7.

Полякова Л. Оперная диалогия Яначека (на основе рассказов национального поэта и прозаика Сватоплука Чеха). Сов. музыка, 1968, № 7.

Тшина Е. 150-річчя «Оссолінеуму» Укр. істор. журн., 1968, № 7.

Шенков К. В. Фельетони Алеко Константинова. Уч. зап. (Тамбовский гос. пед. ин-т), 1968, вып. 24. Некоторые вопр. филол.

Широкова А. Г. К 75-летию академика Богуслава Гавранека (чешского слависта). Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 4.

3. Языкознание

Белич Я. Состояние и задачи чешской диалектологии. Вопросы языкознания, 1968, № 4.

Бернштейн С. Б. Введение в славянскую морфонологию. Вопросы языкознания, 1968, № 4.

Вуйтович Я. К вопросу о происхождении мазурения. Вопросы языкознания, 1968, № 4.

Георгиев В. И. Фонематический и морфематический подход к объяснению флексии славянских языков. Вопросы языкознания, 1968, № 4.

Гусев В. Е. Труды славянистической конференции фольклористов. Сов. этнография, 1968, № 3.

Ецкерт Р. Минимальные фрагменты текста в славянском и их соответствия в балтийских языках. «Baltistica», 1968, т. 4, № 1. На нем. яз. резюме на рус. яз.

Карась М. Вітольд Ташицкий. (Жизнь и научная деятельность польского языковеда В. Ташицкого). «Мовознавство», 1968, № 4.

Колмієць В. Т. Українські мовознавці на VI Міжнародному з'їзді славистів. (Прага, август 1968 г. Проблематика докладов, підготовляємых українськими славистами). «Мовознавство», 1968, № 3.

Корсакас К. Дальнейшее изучение балто-славянской проблемы. (Обзор работ, посвященных балто-славянской языковой общности, вышедших в последние годы). «Baltistica», 1968, т. 4, № 1.

Михалик С. Исследовательская работа по серболужицкой диалектологии. (Послевоенный период). Вопр. языкознания, 1968, № 4.

Новикова А. С. О своеобразии употребления предложноподлежащих форм

в Саввиной книге. Вестн. Моск. ун-та, филол., 1968, № 4.

Путилов Б. Н. Современное состояние славистической фольклористики. Сов. этнография, 1968, № 3.

Рогаль М. Р. Польська мова як джерело чеських лексичних запозичень в українських літописах кінця XVII—першої половини XVIII ст. «Мовознавство», 1968, № 3.

Ройзензон Л. И. Об одной группе славянских топонимов: «Этимологические исследования по русскому языку», 1968, вып. 6.

Фандзякова Р. М. Аб некоторых способах утворення географічних апеллятивів у чеській і словацькій мовах. «Весті АН БССР», Сер. громад. наук, 1968, № 3.

Штольц Й. Состояние, проблемы и задачи словацкой диалектологии. Вопр. языкознания, 1968, № 4.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1968, № 2

Х. Христов. Двадцать лет Института истории Болгарской академии наук; И. Панайотов. Из истории дипломатической подготовки Берлинского конгресса; И. Димитров. Смерть царя Бориса III; И. Снегаров. Георг Кастриот-Скандерберг (1405—1468) и отношения Дебара и Охрида к его освободительной борьбе; Г. Т. Мадолев. Васил Главинев — пионер социалистического движения в Македонии и Одринском крае.

№ 3

Ж. Натан. Учение Карла Маркса и болгарская история; Т. Царидис. Внешняя политика Греции в 1936—1941 гг.; М. Маринова. Болгарские марксисты и немецкое социал-демократическое движение в 1903—1912 гг.; Г. Цанкова-Петкова. О времени создания Болгарского государства. М. Геновски. Монархия, правительство Земледельческого союза и болгарский фашизм.

«Български език», 1968, № 1

С. Стойков. Новый неизвестный тип аканья в родопских говорах (Предударное аканье в говоре сел Старцево и Неделино Златоградской околии); С. Георгиев. О некоторых смысло-синтаксических особенностях субстантивных словосочетаний; Р. Мутафчиев. Возможности приложения статистического анализа в лингвистике;

В. Шаур. К вопросу о системе болгарских глагольных времен; Б. Ю. Норман. Теоретические основы категории залога в современном болгарском и других славянских языках; И. Иванов. Об эквивале в говорах Гоцеделчевской околии; Т. Корнев. *Родопи — Родопи*; М. Выгленов. Произношение и транскрипция японских имен в болгарском языке; Е. М. Боев. Одно кичакское выражение в говоре с. Филиповци Софийской околии.

№ 2—3

И. Лекков. Генеалогическая преемственность, влияния и типологические соответствия в развитии болгарского языка (обобщенные размышления); В. И. Георгиев. Происхождение флексии действительного причастия настоящего времени в славянских языках; К. Мирчев. О творительном предикативном падеже в историческом синтаксисе болгарского языка; И. Гылыбов. Ранние школы древнеболгарского литературного языка; С. Стойков. Синтаксические диалектизмы в болгарском языке; Й. Н. Иванов. Несколько случаев назального рефлекса древнеболгарских гласных *ж* и *а* на крайнем западе юго-восточной болгарской диалектной области; Д. Тилков. Акустическая характеристика гласных в болгарском литературном языке; Д. Станишев. Падежи и аналитические модели в системе современного болгарского языка (Опыт синтаксемного анализа дательных форм и их эквивалентов); А. Минчев. К изучению *da*-предложений в южно-

славянских языках; В. Ю. Франчук. Из рукописного наследства А. А. Поттебни (К вопросу об исчезновении склонения в болгарском языке); А. А. Поттебня. К вопросу об исчезновении падежных окончаний в болгарском языке; М. Чалыков. Об одном славянском семантическом архаизме; С. Христов. Гипотеза о лексико-семантических отношениях между родственными, переходными и контактирующими языками; Х. Василев. Отсутствие членных форм при названиях родства в румынском и болгарском как языковое явление; М. Выгленков. О втором значении слова *пладне* 'юг'; Н. П. Ковачев. Несколько статистических наблюдений над болгарской топонимической системой; Б. Велчева. Неизвестный болгарский дамаскин.

«*Език и литература*», 1968, № 2

Е. Георгиев. Болгаристика — основная дисциплина славистики; В. Велчев. Жанровая структура романа Вазова «Под игом»; К. Влахов. Названия древних жителей нашей земли — фракийцев; Б. Норман. Грамматический субъект и его выражение; Ц. Романска. Песни об освободительной войне в русском фольклоре; С. Стойкова. Образ Левского в неизвестной народной песне Софийской околицы; Х. Недялков. О творческом процессе Камена Калчева; С. Сарандева. Одна болгарская песня одринских гагаузов.

№ 3

М. Андреев. «Законь соудный людьмъ» — ценный памятник болгарской средневековой культуры; Л. Ройзензон. Наблюдения над гипотактическими конструкциями в лужицких языках XVI—XVII вв. с учетом развития сложных составных предложений в других славянских языках; Н. Драгов. Неизученный древнеболгарский акростих; С. Русакиев. Максим Горький — великий трибун нашей эпохи; С. Георгиев. К вопросу о семантике и синтаксическом выражении безглагольного сказуемого; И. Конев. Вопросы и аспекты болгарско-румынских литературных взаимоотношений в эпоху Возрождения; Б. Шклифов. Некоторые фонетические изменения в костурском говоре; Е. Стефанов. Термин «реализм» в литературоведении и некоторые особенности творческого процесса в литературе; К. Г. Попов. Словесное мастерство М. Горького в «Песне о буревестнике»; Е. Даскалова. Неизвестная страница связей Максима Горького с болгарями.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1968, № 3

Г. Грассгоф. К вопросу о барокко в русской литературе; У. Леман. Барокко и просвещение; П. Кирхнер. Течения и жанры в украинской литературе XVII и XVIII столетий; Р. Шредер. К вопросу о развитии и мировом значении русского историко-философского романа XIX и XX столетий; Г. Дудек, Г. Варм. К типологическому развитию русского общественного романа 1880—1917 гг.; И. Кирстен. К вопросу о рецепции «мертвых душ» в русской прозе символистов; К. Глобиг. Художественное изображение партизанских масс в первоначальной редакции «Бронепоезда № 14—69» Всеволода Иванова; Г. Грюндлер. Коллективный образ казаков в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон»; Р. Опитц. Композиционное овладение философской проблемой у Леонида Леонова («Золотая карета»); Г. Ольшовски. К вопросу о поэтической семантике в поэзии Тадеуша Ружевича; А. Хирше. Диалектика индивидуального и общественного в современной прозе Советского Союза и ГДР; М. Енихен. К характеристике специфики чешско-немецких и чешско-австрийских литературных взаимоотношений с начала XIX в. до 1918 г.; Г. Ионас. Отношения Пауля Гейсе к русской и чешской литературе; К. Дорнахер. Начало знакомства Германии с Тургеньевым (1845—1854); Г. Дювелл. Фридрих Вольф об «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

№ 4

Г. Цигенгейст. Германия как центр посредничества славянских литератур в Европе в конце XVIII — начале XIX в.; Ф. Мирау. О некоторых этических структурах в русской поэзии XX в.; Э. Мирова-Флорин. Реализм и модернизм в русской литературе в начале XX в.; К. Гюнтнер. Виланд и Россия; Г. Грассгоф, Дж. Симмонс. Неизвестное издание 1578 г. Ивана Федорова; В. Спербер. Грамматические свойства неглагольных предикативных слов в русском языке; Н. Тун. Проблема историко-диалектической теории романа; Ф. Фейергерд. Эволюция апологии в эпоху русского романтизма; Р. Ленцер. К диалектике индивидуального и общественного в изображении конфликта в современной прозе; Э. Ковальски. Истоки повествования в раннем творчестве Шолохова; Э. Пехштедт. Драма Л. Н. Толстого «Власть тьмы» и немецкая театральная цензура; Х. Шмидт. Рецепция Достоевского в немецком революционном рабочем движении (1920—1925); И. Кункел. Рецепция советской

прозы до основания Германской Демократической Республики; Г. Грейфенхаген. Лирическое самовыражение Эриха Вейнерга как отражение его впечатлений о Советском Союзе; И. Зеезае. К вопросу о немецкой интерпретации специфики чешской пролетарской поэзии; И. Кунке. Ярослав Ивашевич в ГДР; О. Каде. Трансформационный анализ дееспричастных конструкций в русском языке в поисках эквивалентов перевода; В. Боекк. Абсолютное и относительное употребление времен в синтаксических структурах современного русского языка; Е. Май. К вопросу об употреблении прилагательных в современном русском языке; В. Д. Климонов. Валентности русских глагольных лексем, управляющих дополнительными предложениями с союзом *что*.

«*Kwartalnik Historyczny*», 1968, № 3.

Б. Лесьнодорский. Накануне 50-летия восстановления независимости; З. Ландау. Польское трудовое законодательство и его осуществление в 1918—1923 гг.; А. Закжевский. Винценты Витос — крестьянский государственный деятель в 1918—1926 гг.; В. Весиньский. Союз поляков в Германии и проблема национального самосознания (1922—1939); А. Чубиньский. Социалистическое движение в Европе и вопрос восстановления Польского государства; И. Петшак-Павловска. Индустриализация отсталых районов Европы в XIX и XX вв.; Г. Малиновский. Замечания о рабочих Советах в Польше в 1918—1919 гг.; Г. Батовский. Из новейшей (1959—1967) литературы, посвященной мюнхенской конференции 1938 г.; В. Шварц. Две инструкции Г. Г. фон Безелера.

«*Przegląd Historyczny*», 1968, № 1

С. М. Шахэрска. Политическая роль первых датских митрополитов; К. Гроневский. Рабочие Старопольского и Домбровского бассейнов в восстании 1863 г.; Ю. И. Штакельберг. «Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях 1831—1864 гг.» (К истории создания и публикации); Я. Каменьский. Внутренняя торговля в Польше в 1944—1946 гг.

№ 2

Б. Зентара. Национальные конфликты на германо-славянском пограничье в XIII—XIV вв. и их социальный диапазон; С. Руссоцки. Возникновение словесных собраний; М. Маловист. Португальская экспансия в Африке и экономика Европы на рубеже XV—XVI вв.; М. Богуцка. Балтийская торговля и торговый баланс Поль-

ши в первой половине XVII в.; З. Ландау. Экономика Польши на фоне мирового хозяйства 1913—1938 гг.; И. Рыхликова. К вопросу анализа хлебного рынка; Ю. Лукасевич. О внешней торговле Королевства Польского.

«*Z pola walki*», 1967, № 4

Я. Канцевич. ППС в первые годы деятельности. «Роботник» — центральный орган партии, 1894—1896; Г. Иваньский. Из истории компартии Восточной Галиции; В. Гостыньска. Секретные польско-советские переговоры в Микашевичах (август — декабрь 1919 г.); Г. Гемков. Выступления немецких рабочих в поддержку польского пролетариата в 20-е годы.

1968, № 1

Т. Данишевский. Пути развития польского и международного рабочего движения (попытка синтеза); М. Вальденберг. Карл Каутский — «папа марксизма» (от полемики с Эдуардом Берштейном до полемики с Розой Люксембург); Г. Монастерска. Национальный Рабочий союз на первом этапе формирования польского буржуазного государства.

«*Pamiętnik Literacki*», 1968, № 1

С. Божин. Пшибышевский как философ; К. Дмитрук. Творчество Л. С. Вициньского; К. Кирхнер. Модернистская молодость Зоси Налковской; Л. Лиденэа. Польские сказания Лесьмяна на фоне фольклора; С. Домбровский. *Neta-epilogomena* или еще один ответ Г. Маркевичу; Я. Чаховска. Л. Стафф и Т. Павликовский. Письма и посвящения; И. Мацевска. Письма Л. Стаффа Людвигу Геллеру; Б. Винкель. Письма Т. Желенского к А. Лещинской; В. Краевска. Оскар Уайльд в литературе молодой Польши.

№ 2

А. Александрович-Ульрих. Неизвестное «сентиментальное путешествие» Марии Виртембергской; З. Стефановска. Славянская легенда в парижских лекциях Мицкевича; К. Вька. Опыт новой интерпретации «Мужиков» Реймонта; З. Малич. «Фердыдук» Гомбровича; К. Гурский. Пунктуация в поэме «Пан Тадеуш»; З. Кончиньска, Л. Пщеловска. Из вопросов языковой структуры польского силлабического стиха; Л. Кукульский. Вокруг стихотворения «*Pokuta w kwartanie*».

«Slavia Orientalis», 1968, № 2

М. Я кубец. Польско-русские литературные связи. Опыт периодизации; П. Левин. Лекции по поэтике в русских школах с конца XVII в. по 1774 г.; Я. Кульчицка-Салони. «Слово» — Петербург, 1859 год. Отрывок из монографии В. Спасовича; В. Сливоска. Иван Гагарин в свете неизданных материалов III Отделения канцелярии Его Императорского Величества и частной переписки; Р. Пшибыльский. Письма Осипа Мандельштама; Я. Ригер. Место бассейна Сана среди других бассейнов; М. Балий. Суффикс *-jь* как структурный формант в украинском языке; Э. Смулова. К изучению белорусской лексики.

«Historický časopis», 1968, № 1

Р. Канн. Австро-венгерское соглашение; Ф. Цвиггер. Причины и последствия австро-венгерского соглашения; М. Рошкова. Политическое расслоение вузовской молодежи в Словакии в 1934—1938 гг.; Ф. Хрбата. Отношения между коммунистами и социалистами в 30-х годах. О некоторых аспектах их развития.

№ 2

Л. Липшер. Клуб словацких депутатов в 1918—1920 гг.; М. Барновский. Проблематика индустриализации Словакии в 1945—1950 гг.; И. Коржалка. Прусско-немецкая политика по отношению к соглашению 1867 г. и национальным проблемам в средней Европе.

«Československý časopis historický», 1968, № 4

Ф. Граус. Современный кризис нашего исторического сознания; Я. Млынарик. Словацкий национальный совет и включение Словакии в Чехословацкое государство; К. Каплан. 20-я годовщина февральских событий.

«Slovanský přehled», 1968, № 2

Я. Валента. Сложные проблемы, стоящие перед польской демократией; К. Коржалкова. Две концепции внешней политики Польши; Ч. Конечный. Об экономическом сотрудничестве ЧССР и Польши; В. Бородовчак. Польская пролетарская эмиграция в Венгрии и Словакия на рубеже XIX и XX вв.

№ 3

Г. Булин. Древнейшие государственные образования славян в чешских

землях; Б. Застерова. Славяне в освещении византийских источников; Я. Микулка. Гуситское движение и славянский мир; В. Жачек. Опыты организации славянских съездов после 1867 г.; М. Гозиоровский. Американские славяне в годы второй мировой войны; Г. Батовский. Территория славянских государств до второй мировой войны и после нее; В. Гостичка. Возникновение чешского австрославизма и его отношение к идее славянства в эпоху Возрождения.

№ 4

Я. Валента. Драма польской демократии; В. Старевич. От объединения к Видовданской конституции; З. Кутина. О политическом устройстве «Великой Румынии»; В. Быстрицкий. Переворот 19 мая 1934 г. в Болгарии и Малая Антанта; И. Колейка. «Идея Европы» и «идея средней Европы» в XIX и XX вв.; Л. П. Лаптева. Развитие славянской идеи в России в XIX и в начале XX в.

«Revue dějin socialismu», 1968, № 2

Фр. Червинка. Отношения Зденека Неядлы к марксизму и к Т. Г. Масарику после 1918 г.; Я. Кржен. Бенеш — проблема политического лидерства (1939—1940); О. Выгналик, М. Коуржимский. К истории публикации трудов Маркса у нас.

№ 3

Я. Опат. О развитии самоуправления в Югославии; И. Колейка. Энгельс, Каутский и Ленин о габсбургской монархии.

«Slovenská literatúra», 1968, № 3

И. Кусий. Изменения в развитии и возможностях реализма; М. Пишут. Значение жанровой типологии для сравнительной синтетической истории славянских литератур; К. Розенбаум. О словацкой авангардистской литературе; Ф. Штраус, Я. Саболь. К исследованию и интерпретации словацкого силлаботонического стиха; Д. Дюриш. Литературно-историческая обусловленность переводческих приемов; В. Кохол. Перевод и стих; Э. Олнова. Заметки о переводах со словацкого на русский и с русского на словацкий.

№ 4

Ю. Ногее. Элементы художественной прозы в словацкой литературе доклассического периода; М. Цеснакова. Театральная деятельность словацких

изгнанников во второй половине XVII и начале XVIII в.; Э. Хароус. Словацкие элементы в прозе Милоша Иракека.

«Slavia», 1968, № 2

П. Адамец, В. Грабе. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения; Ш. Пецар. Морфологический, морфематический и словообразовательный строй славянского глагола; М. Затовканоук. К вопросу о микротипологии восточнославянских языков; И. Марван. Место контракции в развитии системы славянских языков; З. Гауптова. К вопросу анализа старославянского текста; К. Габовштякова. О соотношении словацкого и чешского языков в словацких документах XVI—XVIII вв.; Ф. Вольман. Панславизм, славянофильство, славянская «идея» и т. п. — эмергентные структуры? В. Бехнев. К вопросу о болгарском литературном барокко; Л. С. Кишкин. Гуситская тема в русской художественной прозе; И. Бадалич. Гоголь в хорватской литературе; И. Грабак. О характере дактиля Безруча; О. Зилински. Украинская народная песня в ранних немецких переводах и парафразах; К. Горалек. Текстологические примечания к сказке Вука «Усуд»; В. Райн. Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского; Я. Колбушевский. Неизвестное польское исследование о Ярославе Верхлицком.

«Studia Slavica», t. XIV, 1968

Е. Арато. Словацкий литературный язык и славянские народы в 40-е годы XIX в.; А. Барта. Идея этнического и государственного объединения в «Повести временных лет»; Й. Биhari. Славянское наследие в топонимии в области Хевеш; Е. Бойгар. Проблема тенденции в восточноевропейской поэзии между двумя войнами; К. Болла. К вопросу о соотношении длительности гласных и фонетической структуры слова; И. Ботош. Об автоматическом синтаксическом анализе текстов (На материале русского и польского языков); Л. Дзже. К вопросу об исторической типологии славянского порядка слов (На основе сербохорватского и украинского языков XIV в.); Л. Добосси. Венгерские мотивы в эпохальном произведении Ярослава Гашека (Тематический и языковой анализ); И. Фрид. Рецепция Краледворской рукописи в XIX в. в Венгрии; Л. Гальди. Александрийский стих Лермонтова; Ф. Грегор. История наименований горнорабочих в словацком и венгерском языке; Л. Хачрович. Сложные отглагольные имена

в старохорватском; И. Х. Тот. К истории языка русской литературы XVI в.; Э. Иглои. О первых шести главах Сказания Авраама Палицына; Д. Край. Художественная структура ранних романов Ф. М. Достоевского; П. Кирали. Диалектные особенности и история поселений; Л. Киш. Дальнейшие задачи изучения славянских заимствований в венгерском языке; Е. Малиуш. Икаш царь Боснии; И. Мокутер. Сознание славянской общности в сербской литературе XVIII в.; Н. Мольнар. Стилистическое сравнение греческого и старославянского текста Первой проповеди Афанасия против арийцев; Ф. Папп. О некоторых общих вопросах порождающей грамматики современного русского языка; И. Пете. Глагольные словосочетания с названиями частей тела в русском языке; М. Петер. Языковые архаизмы и религиозно-библейские мотивы в ранней поэзии Маяковского; И. Пот. Изображение политической действительности в поэзии Йована Йовановича Змая; М. Рев. Чехов и некоторые проблемы русской литературы конца XIX в.; В. Шер. Шевченко и его венгерские переводчики; И. Шипош. Роль и судьба фамильных имен при длительном контактировании языков; Л. Сиклаи. Исторический роман на рубеже веков; Д. Сёке. «Музыкальность» структуры стихотворений Лермонтова; Ж. Зельдхеи. Стихотворения в прозе И. С. Тургенева в Венгрии.

«Slovo a slovesnost», 1968, № 1

О. Лешка. О понимании терминов «jazykové pojmenování» («jazykové usouvztažnění») (К концепции функциональной лингвистики В. Матезюса); М. Докулл. К вопросу о месте словообразования в системе языка; Я. Паточка. Гуссеровская система взглядов и первооснова языка; К. Горалек. Традиция и новаторство в языкознании (Коменский как философ языка); Я. Корженски. О проблеме структуры объекта и структуры описания в лингвистическом исследовании; Е. Бенешова. О семантическом характере порядка слов в чешском языке; Д. Коначна. К вопросу о рекурсивном принципе в описании естественного языка; К. Пала. Случайное порождение чешских предложений; М. Людвикава. Комбинации чешских фонем с квантитативной точки зрения.

№ 2

А. Едличка. Изучение современных славянских литературных языков и проблематика вариантности нормы; Ф. Данеш. Типы тематических последовательностей в тексте (на материа-

ле технического текста на чешском языке); К. С в о б о д а. О классификации придаточных предложений на основе союзных слов; И. Н е м е ц. Структурные предпосылки утраты слов; К. О л и в а. К вопросу о системе лексики (на материале чешского и польского языков); Я. М а х а ч, З. С о х о в а. К проблематике лексического стандарта и его адекватного описания; Й. С к у л и н а. О «центре» и «периферии» в области моравских (ганацких) говоров; Я. Х л о у п е к. Предложение в диалекте; Я. О н д р а ч к о в а. О некоторых аспектах исследования ударения.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1966,
№ 3—4

Ф. Ц в и т т е р. Конвенция об архивах с Австрией 1923 г. и ее выполнение; Д. П е т р о в и ч. Ирредента фашистской Румынии в северо-восточной Сербии в 1941—1944 гг.; Н. К л а и ч. К проблеме генезиса феодализма в Хорватии; Д. Я н к о в и ч. Труды о создании Югославского государства, опубликованные в период между двумя мировыми войнами; Б. Г л и г о р и е в и ч. О попытке октроировать временную конституцию Королевства СХС в 1919 г.

1967, № 1—4

Б. Х р а б а к. Партийная организация и форумы югославских коммунистов в Советской республике в 1918—1921 гг.; Б. С т у л л и. Революционное движение и восстания в австро-венгерском флоте в 1917—1918 гг.; Д. Я н к о в и ч. Влияние Октябрьской революции на политические факторы объединения югославянских народов.

«Izraz», 1968, № 3—4

М. Б е г и ч. «Конец света» Бодлера; С. М а р и ч. Парадокс бодлеровского величия; Ж. П у л е. Бодлер; В. Б е н ь я м и н. О некоторых мотивах Бодлера; Р. В и в ь е. Критика и метафизика; А. Г. М а т о ш. Бодлер.

№ 5

А. К а м ю. О будущем трагедии; П. В о л к. Введение в эстетику мультипликации; Р. Т р и ф к о в и ч. Самоутверждающаяся истина; Е. Д е н е г р и. Визуальные и кинетические аспек-

ты в нашем искусстве; В. К о р о м а н. Поэтическая парабола Д. Хорватича.

«Jezik», 1967—1968, № 1

Л. Й о н к е. Пятнадцатилетие журнала «Jezik»; С. Б а б и ч. Рекомендации и исполнение Новосадского соглашения; Л. М а т у т и н о в и ч. Об интерпретации стихотворений Д. Тадияновича «Mjesečina» и «Da sam ja učiteljica»; М. Д е ш и ч. О языке военных.

№ 2

М. М о г у ш. О морфеме; М. Ш и м у н д и ч. Употребление и синтаксическое значение имперфекта в романе Дончевича «Mirotvorci»; С. М и т и ч. Лингвистическое сопоставление презента и имперфекта; В. Ф р и ш и ч. О некоторых специальных наименованиях в области санитарии; М. Д е ш и ч. Роль субъективного фактора в развитии языка.

№ 3

Исполнительные комитеты ЦК СК Хорватии и ЦК СК Сербии о современной языковой проблематике; О равноправии языка в работе союзных органов; Примечание редакции ж. «Jezik»; С. Б а б и ч. Спорный суффикс *-telj*; З. Ю н к о в и ч. Звуки *s'* — *z'* в современном хорватско-сербском литературном языке; Р. К а т и ч и ч. Предложение как единица языка.

№ 4

В. К а л е н и ч. Пунктуационные и фонетические особенности произведений Шеноа; Р. К а т и ч и ч. Предложение как единица языка (окончание); В. А н и ч. Акцентологические статьи Шиме Старчевича; А. Ш у п у к. Классификация фамилий по значению.

№ 5

Исполнительный комитет ЦК СК Боснии и Герцеговины о современной языковой проблематике; В. Ф р и ш и ч. О языковой норме в хорватской медицинской терминологии; З. Д е р о с с и. Анализ сложных предложений; Б. Ф и н к а. Об акцентной типологии существительных; С. Б а б и ч. Об акцентной системе Даничица как системе.

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

7—13 августа 1968 г. в Праге состоялся VI Международный съезд славистов. Он проходил под покровительством президента ЧССР Л. Свободы. Съезд открыл председатель Международного комитета славистов (МКС) акад. Б. Гавранек. В работе съезда участвовали слависты из 27 стран: делегация ЧССР насчитывала 588 членов съезда, СССР — 152, НРБ — 145, СФРЮ — 109, СРР — 77, ПНР — 69, США — 68, ГДР — 54, ФРГ — 45, ВНР — 42, Великобритании — 34, Дании — 21, Канады — 17, Франции — 17, Австрии — 11, Италии — 11, Швеции — 10, Норвегии — 9, Бельгии — 7, Голландии — 7, Австралии — 6, Швейцарии — 6, Финляндии — 5, Израиля — 2, по одному члену было из Греции, Новой Зеландии и Японии. Кроме членов съезда присутствовали студенты из ряда стран.

Пленарные заседания проходили под председательством акад. Б. Гавранека в Концертном зале им. Б. Сметаны. На первом пленарном заседании были заслушаны приветствия съезду и рассмотрены организационные вопросы.

Затем в помещениях философского и юридического факультетов Карлова университета приступили к работе 5 секций: языкознания, литературоведения, литературно-лингвистических проблем, народной словесности, истории и культуры. При необходимости секция делилась на подсекции. Ряд докладов более частного характера ставился на утреннем заседании (с 8 до 10 час.), что в большинстве случаев позволяло делегатам посещать те заседания, которые представляли для них интерес. Большое число докладов и сообщений на лингвистической секции крайне ограничивало время на дискуссию.

Наряду с работой секций проводились заседания Комиссии по славянской поэтике и стилистике, общеславянского лингвистического атласа, по изучению балто-славянских отношений. Комиссии обсудили отчеты о своей деятельности и наметили планы дальнейшей работы.

Во время съезда состоялось XI пленарное заседание МКС. На нем был уточнен порядок работы съезда и принято решение о проведении следующего съезда славистов в Варшаве в 1973 г. (по предложению акад. В. Доросhevского, ПНР) и очередного заседания МКС в Хель-

синки в 1970 г. (по предложению проф. В. Кипарского, Финляндия).

Были выбраны новые члены МКС (вместо подавших в отставку или умерших) от Италии — проф. Б. Мериджи и проф. С. Грачотти, от Франции — проф. А. Гранжар, от Голландии — проф. А. Г. ван Холк, от Норвегии — проф. А. Галлис. Кроме того, был рассмотрен вопрос о работе международных славистических комиссий. В частности, была учреждена Комиссия лексикологическо-лексикографическая (организация ее поручена проф. В. Бланару, ЧССР), утверждены председателем Комиссии по фонетике и фонологии славянских языков проф. С. Стойков (Болгария) и председателем Транскрипционной комиссии проф. Й. Хамм (Австрия). Было решено также издать в Праге «Материалы съезда славистов».

Во время съезда функционировали большая международная выставка научной литературы по славистике за период 1963—1968 гг. и выставка древних славянских рукописей и старопечатных книг.

Во время съезда было приурочено присвоение почетных ученых званий и вручение наград. Церемония состоялась в зале «Каролиума» 13 VIII 1968 г. Почетная степень доктора Карлова университета была присуждена акад. В. М. Жирмунскому (СССР), акад. В. Георгиеву (Болгария), акад. Б. Доросhevскому (Польша), проф. Р. Якобсону (США). На заключительном заседании съезда Академией наук ЧССР были награждены Золотой медалью имени Ф. Паллацкого — Институт славяноведения АН СССР, акад. В. В. Виноградов; серебряной медалью им. И. Добровского — член-корр. АН СССР Р. М. Аванесов и член-корр. АН СССР П. Н. Берков, а также проф. Й. Хамм (Австрия), акад. Б. Крефт и проф. И. Бадалич (Югославия), проф. В. Эджергон (США) и др.; золотой медалью за дружбу и сотрудничество награждены советские ученые к. ф. н. Н. И. Толстой и д. ф. н. А. Н. Робинсон, серебряной медалью — к. ф. н. Л. С. Кишкин.

12 августа Президент Чехословакии Л. Свобода принял президиум МКС.

После закрытия съезда 13 августа в Градчанском дворце состоялся официальный прием для участников съезда.

В. Л. Грачев

В КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Учебные планы исторических факультетов пединститутами не предусматривают изучения студентами истории зарубежных славян как отдельной дисциплины. Она изучается в курсах истории средних веков; истории нового и новейшего времени. В виде опыта на историческом факультете Каменец-Подольского педагогического института УССР в 1966 г. было введено изучение истории зарубежных славян как самостоятельной дисциплины. Из общего количества 390 часов, предусмотренных учебным планом для курса новой и новейшей истории, на факультете выделено 66 часов для занятий по истории зарубежных славян. На III курсе студенты изучают историю южных и западных славян нового времени, а на IV курсе — новейшего времени. Чтение курса истории зарубежных славян поручено кажд. истор. наук А. А. Копылову.

Наш двухлетний опыт позволяет сделать вывод, что такая методика обеспечивает систематическое и более глубокое изучение исторического процесса у зарубежных славянских народов.

На кафедре истории Каменец-Подольского пединститута ведется и научная работа по славистической тематике. Доц. И. И. Винокур, занимающийся вопросами археологии, принял участие в работе конгрессов археологов Польши (I Международный конгресс археологов славянских стран, Варшава, 1965) и Чехословакии (VII Международный конгресс историков, Прага, 1966), где он выступил с докладами. На страницах польского археологического журнала опубликована его статья¹. Проф. Л. А. Коваленко опубликовал ряд этюдов из истории Польши, а также на историографические сюжеты². Ст. преп. А. А. Копылов ус-

¹ «Z otchłani wieków», г. XXIII, 1967, з. 4, с. 198—204.

² Л. А. Коваленко. До біографії польського революціонера Ярослава Домбровського. «Наукові записки Інституту історії АН УРСР», т. 7, 1956; его же. Иоахим Лелевель про історію України. В сб. «Тези доповідей виклада-

цями зачитали кандидатську дисертацію на тему «Створення Отачественного фронту Болгарії и его роль в установленні в стране народно-демократической власти». Он опубликовал ряд работ по истории Болгарии новейшего времени³, а в настоящее время заканчивает подготовку монографического исследования о Восстании 9 сентября 1944 г.

Сотрудники кафедры истории приняли участие в работе межвузовских славистических конференций.

К научной работе по истории зарубежных славян кафедра привлекает и студентов. В 1967/68 г. студенты-выпускники подготовили содержательные дипломные работы (с использованием архивного материала): Л. В. Баженов на тему «Польское восстание 1830—1831 гг. на Правобережной Украине», Л. М. Балюк — «Украино-болгарские связи во 2-й половине XIX в.». Славянская тематика занимает немалое место в темах курсовых работ.

чів Кам'янець-Подільського педінституту», 1965; его же. І. Я. Франко — історик-славист. «Український історичний журнал», 1966, № 8.

³ А. А. Копылов. Верный залог. «Молодой коммунист», 1965, № 9; его же. Посилення руху опору в Болгарії під впливом перемог Радянської Армії. «Питання нової та новітньої історії», вип. 1. Вид-во КДУ, 1965; его же. Початок боротьби Болгарської робітничої партії за створення Вітчизняного фронту (лекція). Кам'янець-Подільський, 1965; его же. Повстання 9 вересня 1944 р. в Болгарії. «Тези доповідей VI української славистичної конференції». Чернівці, 1964; его же. Виникнення та значення нелегальної преси Вітчизняного фронту Болгарії. «Тези доповідей викладачів Кам'янець-Подільського педінституту», 1964; его же. До питання про створення Національного комітету Вітчизняного фронту в Болгарії. «Питання нової та новітньої історії», вип. 3. Вид-во, КДУ, 1966.

Л. Коваленко

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

2 октября 1968 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук югославским историком Владо Стругаром. В качестве диссертации была представлена книга «Освободительная война в Югославии», Люблина,

1967 г. (Vlado Strugar. Osvobodilna vojna v Jugoslaviji. Ljubljana, 1967).

Книга состоит из введения и четырех глав. Во введении дается очерк исторического развития Югославии в межвоенный период.

Первая глава освещает первый этап всенародного вооруженного восстания.

(апрель 1941 — июнь 1942 г.). Вторая глава (июнь 1942 — июнь 1943) раскрывает ход освободительной войны на территории всей страны: создание Первой пролетарской бригады, формирование центральных органов народно-освободительного движения и органов народной власти, создание и деятельность Антифашистского веча народного освобождения Югославии. В третьей главе диссертант рассказывает о формировании Югославской федерации, образовании первого ее правительства, борьбе за международное признание новой Югославии в период с июня 1943 до середины 1944 г. И в последней главе (с середины 1944 г. до полного освобождения Югославии от фашистов), кроме описания военных действий, содержатся материалы о политических мероприятиях новой Югославии, о международной обстановке, в которой происходило ее становление.

Все официальные оппоненты (д-р филос. наук Ф. Т. Константинов, д-р ист. наук Ю. А. Писарев, д-р ист. наук Д. М. Проэктор и д-р ист. наук В. М. Турок-Попов) отметили большое значение темы представленной на защиту книги, ибо освободительная война в Югославии являлась составной частью всеобщей борьбы против фашизма. Книга В. Стругара — важный этап в изучении истории национально-освободительного движения народов Европы против фашизма во второй мировой войне. Стругар дал в своей книге полную картину борьбы народов Югославии за свободу страны. В работе подробно исследован вопрос о строительстве новых вооруженных сил: создание ВМФ, ВВС, корпуса Народной обороны, органов тыла, развертывание армейских объединений, вплоть до реорганизации НОАЮ в Югославскую армию. Большой заслугой автора является и широкое изучение военного искусства пар-

тизан и затем НОАЮ. Это исследование дается путем военно-исторического разбора кампаний войны и всех основных операций и боев (бой на Козаре, операция на р. Неретве, на р. Сутьеске и др.).

Большое место уделено в книге вопросу о роли советско-германского фронта для развертывания освободительной войны в Югославии. В. Стругар убедительно показал братскую помощь Советского Союза народам Югославии для достижения окончательной победы над фашизмом.

В работе, помимо военных действий, показывается, как по мере освобождения страны создавались новые, народные органы власти и ломался старый государственный аппарат. Еще в ходе войны на освобожденных территориях были проведены первые революционные преобразования и осуществлены широкие демократические реформы.

Всеми выступавшими на защите отмечалась широкая источниковедческая и историографическая база книги. Автором изучены документы государственных учреждений королевства Югославии, политических и профсоюзных организаций, военные мемуары. Книга написана с использованием всей имеющейся по теме литературы, как югославской, так и иностранной, в том числе советской.

Большую ценность представляет научно-справочный аппарат: схемы и карты, таблица важнейших событий и фактов, библиография, указатели имен, географических названий, военных частей, организаций и т. д.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР присудил югославскому историку Владо Стругару ученую степень доктора исторических наук.

А. Стрижкова

CONTENTS

- L. B. Valev.* On the state and prospects of the study of the contemporaru history of the foreign Slav countries in USSR. *Stanisław Łopatniuk* (Poland). The Moscow Protocol of february 9-th, 1929. *Vitomir Vuletić* (Yugoslavia). *I. S. Turgenov* and the Serb literature. *M. A. Zarubin.* Simular agricultural customs of the Indo-Aryans and Slavs. *E. Lvova.* From Alexander Žendov's heritage. *E. L. Nemirovskij.* The first Russian printer Ivan Fedorov at the Cra-cow University. *L. P. Zukovskaja.* Monuments of the Russian and Slav writing of the XI—XIV centuries at the Soviet libraries. *Yu. M. Paršuta.* A Polish dialect in Lettland. 3

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- E. Cymbal.* A page from the history of the comradeship-in-arms between the people of the USSR and the Danube countries during World War II. *V. I. Porudominskij.* V. I. Dal's Slav contacts. 79

MONUMENTS OF THE SLAV CULTURE

- G. V. Popov.* A XV centry Moscovite copy from a XIV century Bulgarian minia-ture. 91

REVIEWS AND REWIEW-ARTICLES

- A. N. Kirševskaja.* On the 50-th anniversary of the great October. *V. Panov.* The great October and the Yugoslav peoples. *I. I. Leščilovskaja.* «Kolo». *B. S. Popkov.* W. Zajewski. Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1830—1831. *A. I. Nedorezov.* Milan Varoš. Osudy zlatych pok-ladov. *L. M. Vasilyev.* Archival materials on the national policy in Germany (documents of the Sorbian department). *Yu. Stakelberg.* Notes on the sphra-gistics of the 1863 uprising (on O. Maksimaitene's article). *S. F. Bevzenko.* A new book on the history of the Transcarpathian dialects. 95

B i b l i o g r a p h y

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1968 (conti-nued). The contents of foreign periodicals 115

SCIENTIFIC LIFE

- V. P. Gračev.* The VI International Congress of Slavists. *L. Kovalenko.* At the Kamenec-Podolsk Pedagogical Institute. *A. Strižkova.* The defence of the dissertation theses. 125

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 18X/—1963 г. Т-16297 Подписано в печати 17/XII—1963 г. Тираж 1125 экз.
 Зак. 1211 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 13,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17
В ОРДЫНКА
Д 34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ Н И
70891
1-12

Р

Цена 1 руб.
Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовятся к печати:

**Ольшанский П. Н.
РИЖСКИЙ МИР**

[Из истории борьбы Советского правительства
за установление мирных отношений с Польшей.
Конец 1918 — март 1921 гг.]. 16 л. 1 р.

Монография исследует советско-польские отношения в 1918—1920 гг. Показана борьба Советского правительства за установление мирных добрососедских отношений с Польским государством, разоблачаются империалистические стремления правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши. Подробно излагаются события, связанные с польско-советской войной, развязанной Пилсудским, ход мирных переговоров в Минске и Риге.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Сборник статей. 25 л. 1 р. 80 к.

Исследование посвящено истории культурных связей немецких и славянских государств с древнейших времен до XX в.: истории науки, историографии, литературе и литературоведению, просвещению, театру, живописи, прикладным искусствам. Публикуются новые источники по истории славяно-немецких культурных связей. Большой интерес представляет публикация малоизвестного памятника древнерусской публицистики, освещающего историю русско-германских отношений XV в.— «Повести об Исидоре Юрьевском».

**Снытко Т. Г.
РУССКОЕ НАРОДНИЧЕСТВО
И ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
1865—1881 гг.**

25 л. 1 р. 80 к.

Монография посвящена важному и малоизученному вопросу из истории русско-польских революционных связей. В книге исследуются формы связи и взаимовлияния русского и польского революционного движения в 60—70-е годы XIX в. Содержится ценный материал, впервые систематизированный в советской научной литературе, о польском общественном движении в 70-е годы XIX века. Приводится много новых сведений о жизни и деятельности многих польских и русских революционеров.

Заказы на книги посылайте в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Новосибирск, Красный пр., 54; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/б; Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Ташкент, ул. Карла Маркса, 28; ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129; Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Иркутск, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, пр. Ленина, 95.